

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ
АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГОУ ВПО «ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

2 / 2009

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 2 номера в год

Серия

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 2

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы)
(председатель Редакционного совета);

В. А. Колесников, д-р полит. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы);

К. О. Магомедов, д-р социол. наук, профессор
(Российская академия государственной службы);

Г. В. Орлов, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградский архитектурно-строительный университет);

А. В. Понеделков, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы
Ростов-на-Дону);

А. М. Старостин, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы,
Ростов-на-Дону);

Ю. И. Тарский, д-р социол. наук, профессор
(ПАГС, Саратов)

Главный редактор:

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент

Зам. главного редактора:

О. В. Байдалова, д-р социол. наук, профессор

Ответственный научный секретарь:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Н. Х. Атаян, д-р экон. наук, профессор;

Ю. Д. Гражданов, д-р ист. наук, профессор;

Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;

В. А. Пилипенко, канд. филос. наук, доцент;

Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;

А. В. Миронов, д-р социол. наук, профессор

Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАГС

2009

От редакции

Уважаемые коллеги!

Представляем Вам очередной номер журнала «Научный Вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология. Выпуск 2». Формируя содержание выпуска, редакция стремилась поставить на передний план темы, имеющие важное теоретическое и практическое значение. В основных рубриках журнала (политологической, социологической, гуманитарного знания) актуальный материал представлен не только учеными ФГОУ ВПО ВАГС, но и других регионов Российской Федерации, и такая практика «открытости» – показательна и будет продолжена.

Первый раздел журнала открывается содержательной статьей д-ра филос. наук А. Б. Тазаяна (г. Ростов-на-Дону) о теоретических проблемах политической доктрины либерализма. Весьма актуальные материалы предложили: канд. филос. наук И. Л. Морозов (г. Волжский) – по осмыслению левого политического экстремизма, соискатель В. И. Петров (г. Волгоград) – по формированию региональных политических элит.

Во втором разделе представлены статьи по различным аспектам социологической науки и социального развития. В ряду оригинальных работ отметим статьи: Е. Н. Рябцевой (Астрахань), М. А. Анипкина (г. Волгоград) и др.

В третьем разделе важен материал д-ра филос. наук Р. А. Данакари (ФГОУ ВПО ВАГС) по аналитике этнического бытия в свете проблем глобализма, д-ра полит. наук С. С. Восканяна по реформированию современного образовательного процесса, весьма содержательными являются представленные труды других авторов. Существенно включение в раздел статьи японского профессора Кийоказу Накатоми, в работе которого исследуются причинно-следственные взаимосвязи военной агрессии США последних десятилетий и раскрываются закономерности современного мирового финансово-экономического кризиса. Автор предлагает для преодоления современных социальных проблем и предотвращения возможных политических и природных катаклизмов руководствоваться теорией законности Конфуция.

Редакция считает правильным включение в содержание разделов журнала предлагаемые к публикации статьи зарубежных авторов. В этом путь к взаимообмену знаниями и научному сотрудничеству с коллегами-учеными из ближнего и дальнего зарубежья.

Главный редактор
В. А. Колесников

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Тазаян А. Б.
О некоторых теоретических проблемах доктрины либерализма..... 5

Морозов И. Л.
Эмпирическое моделирование как методика изучения экстремистских группировок..... 10

Петров В. И.
Региональные режимы и региональные политические элиты: объективация взаимосвязи..... 15

Китаев С. В.
Основные черты большевистского кадрового корпуса в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)..... 23

СОЦИОЛОГИЯ

Субочев Н. С.
Социальная культура как регулятор социальной сферы жизнедеятельности..... 28

Анипкин М. А.
Организационные и моральные ценности как показатели системной и социальной интеграции: региональный аспект..... 33

Рябцева Е. Е., Лосенков О. И.
Портрет российской аудитории пользователей Интернет..... 40

Тарская О. Ю.
Концептуальная модель социокультурной парадигмы модернизации государственного управления военным образованием..... 50

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Данакари Р. А.
Глобализация в современном мире и философия этнического бытия..... 56

Яворский Д. Р.
Понятие природы и глобализм..... 63

Восканян С.С.
Основные тенденции развития науки и системы высшего образования в постсоветской России..... 67

Накатоми Кийоказу
Теория законности Конфуция..... 71

THE CONTENT

POLITOLOGIYA

Tazayan A. B.
Some Theoretical Issues of Liberalism Doctrine 5

Morozov I. L.
Empirical modelling as the technique of studying of extremist groupings..... 10

Petrov V. I.
Regional political elites of Russia and elites of the federal center: interaction in modern conditions..... 15

Kitaev S. V.
Main Characteristics of Bolshevik Staff during the Civil War (1918–1920)..... 23

SOCIOLOGY

Subochev N. S.
Social culture as the regulator of social sphere of life..... 28

Anipkin M. A.
Organisational and moral values as an index of system and social integration: regional aspect..... 33

Ryabtseva E. E., Losenkov O. I.
An image of Russian Internet users..... 40

Tarskaya O. Yu.
Conceptual model of social and cultural paradigm of modernizing public administration by military education..... 50

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Danakari R. A.
Globalization in the modern world and philosophy of ethnic being..... 56

Javorsky D. R.
Notion of nature and ideology of globalism..... 63

Voskanian S. S.
Basic science and high education development trends in post-Soviet Russia..... 67

Nakatomi Kiyokazu
A theory of justice by Confucius..... 71

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

Колесников В. А.
 Социально-политические конфликты и терроризм на Кавказе (информационный обзор участия расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН, октябрь, 2009 г.)..... 77

Зиновьева Д. М.
 Реферативный отчет по научно-исследовательскому проекту «Мотивационно-ценностный фактор субъективного благополучия государственных служащих»..... 80

РЕЦЕНЗИИ

Шакарбиева С. В.
 Рецензия на Материалы Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов «Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика» в 2-х томах..... 93

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 94

SCIENTIFIC LIFE OF THE ACADEMY

Kolesnikov V. A.
 Social and political conflicts and terrorism in the Caucasus (informational review of participation in extended session of the Senatus Academicus of the Institute of Social Economic and Humanitarian Researches of the South Scientific Center of Russian Academy of Science, October, 2009)..... 77

Zinovyeva D. M.
 Motivation and values as factors of intrapersonal wellbeing of government officials..... 80

REVIEWS

Shakarbieva S. V.
 Review of Materials of St. Petersburg International Congress of Experts in Conflict Resolution Studies «Conflictology for XXI Century: Science – Education – Practice», two volumes..... 93

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.... 94

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
 не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ДОКТРИНЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

А. Б. Тазаян

В статье раскрываются теоретические основания либерализма, анализируются онтологические, когнитивные и нравственные проблемы освоения социальной действительности доктринальным либерализмом и акцентируется внимание на бесперспективности разработки теории социальной справедливости в координатах социального поля.

Ключевые слова: политические институты, государство, либерализм, интересы, мораль, справедливость, социальность.

SOME THEORETICAL ISSUES OF LIBERALISM DOCTRINE

A. B. Tazayan

The article reveals theoretical grounds of liberalism, gives the analysis of anthological, cognitive and ethical problems of adapting doctrine liberalism to the existing social environment, highlights the absence of the perspective in developing theory of social fairness within the social field.

Keywords: political institutes, state, liberalism, interests, moral system, fairness, sociality.

Легитимность политических институтов в либеральном обществе, если опустить риторику политиков, не имеет явных теоретических оснований. Институциональные процедуры таких контекстов социального взаимодействия, как согласование интересов большинства с интересами меньшинства, свободы и справедливости, справедливости и равенства, в теории не имеют удовлетворительного решения и носят двусмысленный характер. Это обстоятельство, не зависимо от его осознания социальными группами, проявляется в общественной жизни. Оно всегда выступает в форме критики институциональных стандартов и норм, регламентируемых государством, за исключением прав индивидуальной свободы и защиты частной собственности. К сожалению, в последнее время эта критика теряет контекст социальной перспективы, порождая общественный скепсис как к политическим институтам, так и к государству в целом.

Во второй половине XX в. были предприняты колоссальные усилия в улучшении политической доктрины либерализма. Фундаментальную роль в теоретических построениях приобретают концепты «процедура» и «правило», определяющие теоретическую матрицу, в которой получают теоретическое оправдание основополагающие ценности либерализма.

Институциональная легитимность политических ценностей государства сводится к правовой регламентации социального взаимодействия, в котором множество несводимых частных интересов должны сосуществовать. Именно поэтому в условиях доминирования либеральных ценностей в общественной жизни консенсус становится социальным благом. Консенсус – это процедура, которая призвана выработать соглашение между людьми соблюдать определенные правила, предусматривающие сознательное ограничение частных интересов. То есть консенсус носит негативный характер. Нельзя не учитывать, что частные интересы подвержены изменению. Поэтому консенсус – это паллиатив, подвергающийся систематическому испытанию. Сведение функций государственных институтов к процедуре не только не способствует формированию единого ценностного пространства на принципах социальной справедливости, а сознательно исключает ее из политической теории, предпочитая содержательному анализу формально-рациональное оправдание.

Идеология либерализма о «минимальном государстве» строится на гипотезе о капиталистическом рынке как каталлаксии. Каталлаксию Хайек определяет как «особый спонтанный порядок, введенный рынком и людьми, действующими по нормам частной собственности, договорной ответствен-

ности по взаимным обязательствам» [1. С. 58]. Кейнс, наиболее влиятельный оппонент неолитерализма, показал, что такое видение социальных функций рынка либерализмом является избыточно оптимистичным. Во всяком случае, в теоретических изъянах либерализма, с легитимацией ценностных приоритетов индивидуальных прав личности и частной собственности политическими институтами, нельзя исключить его трансформации в доктрину социального неравенства. Еще Поппер в своей концепции открытого общества, защищая идеалы либерализма, представил убедительные доводы о невозможности создания теоретических моделей общественного развития в контексте единого ценностного континуума. Фактически Поппер ограничивает компетенцию политических институтов рамками «здесь и сейчас». Наличие различных сосуществующих ценностей лишает государство статуса местопребывания общих гражданских добродетелей. Этические добродетели, представленные в работах Аристотеля и Канта, теряют эмпирическую соотнесенность. А основополагающие ценности либерализма – свобода и частная собственность – предстают в неполитической интерпретации. Поэтому политическая свобода, рассматриваемая в контексте прав человека, получает свое обоснование в утилитаризме. Экономическая составляющая утилитаризма является определяющей. Но либерализм, в отличие от марксизма, частную собственность определяет в качестве фундаментальной социальной ценности, поэтому на смену классовой борьбе приходит конкуренция, а гражданские добродетели замещаются институциональными дискуссиями, продуцирующими локальные соглашения. В этих условиях социальное единство достигается посредством формальных процедур, в которые вовлечены индивиды со своими частными интересами. Государство становится «обществом», в котором отсутствует идея общепризнанного ценностного представления об общественном благе.

Доктрина «минимального государства» получает практические очертания: политика увязывается с частноправовой моралью и рынком. Дж. Дьюи выражал огромный оптимизм в связи с выделением гражданских прав в качестве формальных условий социального обмена из морали, которая законодательно была ограничена частной жизнью. В рамках частной жизни мораль приобретает независимость от универсалистских интерпретаций метафизики и религии. В либеральном социальном пространстве моральные ценности, например, такие, как равенство и справедливость, не коррелируются с вечно изменяющимися условиями поиска социального кон-

сенсуса. Основанием нравственного поведения становится готовность индивида ограничить свои личные притязания, которые интерпретируются в терминах психологического комфорта, а в лучшем случае – эмотивизма. Психологизм утилитаризма, конечно же, значительно снижает интеллектуальную привлекательность либерализма. Политические ценности, представленные в психологических терминах принципа полезности, не являются убедительными. Теоретическую уязвимость ценностных оснований политической доктрины либерализма яснее всех осознавали его адепты. Именно в этом контексте следует признать тот интерес, который вызвала работа Дж. Роулса «Теория справедливости». Роулс предпринял попытку возродить кантовскую интерпретацию морали, которая не получила поддержки в экономических концепциях либерализма. Бентамизм не проявляет интереса метафизическим аргументам обоснования социальных ценностей, они у него получают эмпирическое оправдание. Утилитаризм, основанный на удовольствии и избегании страдания, естественно, не нуждается в метафизическом обосновании, ибо эти чувства выступают неотъемлемыми импульсами социального поведения.

Для Канта, в отличие от И. Бентама, психологические мотивы, лежащие в основе человеческого поведения, отнюдь не являются универсальными. Он осознавал теоретические тупики, которые с неизбежностью обнаружат себя при психологическом толковании человеческого поведения. «Кант, – пишет Хабермас, – сформулировал основную проблему морали так, чтобы она могла найти рациональный ответ: в конфликтных случаях мы должны делать то, что одинаково хорошо для всех» [2. С. 53]. Но для обоснования универсальных стандартов социального поведения, которые должны гармонизировать социальное взаимодействие, необходимо представить убедительные доводы примирения свободы воли и долга. Долг всегда ограничен обязательствами в отношении значимых общественных ценностей, а свобода воли – пределами рациональной осуществимости. Налицо противоречие, которое требует разрешения: в силу каких условий свобода воли не входит в противоречие с моральным долгом? Как известно, в основу своей этики Кант положил три идеи: во-первых, идею трансцендентального субъекта, то есть люди способны осуществить свой выбор, руководствуясь разумными доводами; во-вторых, идею автономии личности как ценности; в-третьих, люди, будучи разумными «целями – в – себе», сами устанавливают моральные нормы. Моральные нормы, согласно

Канту, устанавливая социальные границы нравственной добродетели. Наиболее убедительными, с точки зрения значимости моральных ценностей в жизни людей, предстают аргументы в защиту свободы воли. Моральные ценности, с одной стороны, призваны регламентировать человеческое поведение, с другой – не должны подавлять автономию личности, которая может быть подтверждена посредством свободного волеизъявления. Не ограничивают ли моральные нормы свободу воли, которая обуславливает самоценность личности? Кант своими доводами снимает сомнения (во всяком случае теоретические) в неразрешимости оппозиции, моральная норма – свобода воли. Он определяет практические функции морального закона, который выявляет границы нравственного и безнравственного поступков. В основе нравственного поведения лежит чувство долга, а безнравственного – склонности, имеющие гедонистическую интенциональность. Можно утверждать, что Кант, являясь убежденным сторонником идей либерализма, не разделяет его точку зрения, которая выражает ценностные предпочтения в терминах утилитаризма. Он был убежден, что человек, руководствуясь принципами разума, наиболее полно и последовательно осуществляет свободу воли. В силу этого обстоятельства повиновение долгу не является подчинением внешней и чуждой силе, а становится естественной формой подтверждения индивидуальной самоценности как родового существа.

Общество, согласно Канту, социальное пространство, которое продуцируется разумными и нравственными способностями индивидов. Эта предпосылка, лежащая в основании общественной жизни, является условием легитимации моральных ценностей, регламентирующих социальное поведение. Следовательно, нравственный поступок является способом осуществления индивидом своей родовой способности. Категорический императив Канта, требующий поступать «только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом», может быть принят только в том случае, если общественная жизнь построена на принципах разума, а члены этого общества добродетельные, ответственные индивиды, соизмеряющие свои поступки с нравственным долгом, который и придает их жизни смысл. Представляется, что предпосылка грехопадения как модели придания смысла ценностному бытию индивида им не преодолевается. Индивид у него разрывается между склонностями и разумом, и без веры нравственный выбор не столь очевиден. Кант это обстоятельство прекрасно

осознавал, но он также понимал, что метафизические предпосылки делают невозможным программу рационального обоснования нравственного поступка индивида. Двусмысленность этической концепции Канта Роулс предполагает преодолеть институциональными средствами демократии. Роулс, как и Кант, верит в интеллектуальный и моральный прогресс человечества. Если общественная жизнь есть способ проявления человеческих разумных и нравственных способностей в организации социальной, культурной и частной жизни, то пребывание общества в истории должно выражаться в развитии этих способностей.

Тотальная критика проекта Просвещения, преодоление ее социальных иллюзий, да и сама социальная практика, сформировали новое теоретическое видение общественной жизни: принципы легитимности человеческого действия не имеют ни когнитивных, ни ценностных универсальных оснований. Либеральные ценности придали новые качества общественной жизни. На смену современности приходит постсовременность. Общество перестало быть в истории, вектор социального времени утратил историческую перспективу, он сопряжен самоидентификацией и самообоснованием социального взаимодействия «здесь и сейчас», повседневность становится местом образования смысла. Либеральная онтология продуцирует новую ценностную шкалу социального поведения. «Нынешний общественный дискурс, – пишет В. Качоха, – располагается вблизи сформулированных принципов «торга» интересами отдельно взятых людей и общественных групп, а также утверждения некоего всеобщего консенсуса в политике, который будет способствовать реализации данных интересов» [3. С. 58]. В постсовременности социальность обнаруживает себя в точке пересечения институтов и изменения, управления и кризиса. Классический образ общества как целостности перестает существовать. Единство общества обусловлено изменениями, а на смену универсальным ценностям приходят амбивалентные стратегии. В контексте данной социальной онтологии Роулс поставил перед собой грандиозную теоретическую задачу: легитимацию справедливости в качестве универсальной ценности социального взаимодействия. Еще А. Смит отмечал, что справедливость является необходимым социальным условием для функционирования либеральной рыночной экономики. В концепции «невидимой руки» справедливость выступает в качестве предпосылки социального оправдания рынка. Роулс строит свою концепцию справедливости, опираясь на этическое учение Канта, учитывая те изменения, которые произошли в способах воспроизводства социальности.

«Справедливость, – пишет Роулс, – есть первая добродетель общественных институтов, подобно истине в системе мышления» [4. С. 38]. Она является критерием институционализации тех социальных ценностей, которые формируются в общественной практике, определяя желательность или нежелательность, становящегося того или иного общественного института. Желательность института может быть признана только в том случае, если он гарантирует неприкосновенность и достоинство каждой личности. «В силу этого, – отмечает он, – справедливость отвергает саму мысль о том, что потеря свободы для одних может быть оправдана большим благом для других» [Там же. С. 38]. Общество, согласно Роулсу, не только добровольная ассоциация индивидов, сотрудничающих ради общих преимуществ, оно продуцирует также несовместимость интересов, конфликты, институциональное решение которых не всегда согласуется с принципом справедливости. Поэтому критерием справедливости общества выступает не согласие живущих в нем людей с его основами, а возможность достижения согласия между индивидами на их основе. «...Общество тогда хорошо организовано, – пишет Роулс, – когда оно создано не только ради увеличения блага для своих членов, но и когда оно эффективно регулируется общественной концепцией справедливости» [4. С. 39]. Он выражает доктринальную убежденность в социальную эффективность, предложенной им концепции справедливости, регулиующую социальные взаимодействия на принципах рациональности и свободы. Но Роулс не объясняет, почему социальное взаимодействие, построенное на условиях взаимной выгоды, является нежелательным? Представляется, что у концепции «взаимной выгоды» есть свои резоны, и в контексте социальной онтологии либерализма они выглядят вполне оправданными.

Условия социального консенсуса в рыночном обществе постоянно меняются и зависят от умения людей «торговаться», то есть институциональное решение множества несводимых интересов предполагает развернутую процедуру «искусства возможного» без ясных ценностных оснований, кроме взаимной выгоды. Суть проблемы заключается в возможности интерпретировать теорию взаимной выгоды в терминах моральной философии? Роулс отвергает инструментально-практическую интерпретацию справедливости. По Роулсу, в хорошо организованном обществе «... (1) каждый признает и знает, что все остальные признают те же принципы справедливости и (2) основные общественные институты в целом удовлетворяют, и это широко известно,

этим принципам» [Там же]. Принятие этих условий членами общества способствует формированию гражданского мира и сотрудничества.

Но как внедрить эти принципы социальной справедливости в общественную практику? Общественные институты не могут гарантировать равные начальные условия свободных граждан. Практика американской политической корректности не согласуется ни с рациональностью, ни со свободой. С другой стороны, различие стартовых условий у индивидов не может быть элиминировано на принципах справедливости, а значит, они отрицательно скажутся на интересах определенной части общества. Таким образом, процедуралистская интерпретация справедливости утрачивает содержательную определенность, в то время как ее инструментальное толкование в терминах выгоды не обременено когнитивными проблемами обоснования. Роулс не делает решающего шага в сторону прагматизма, ибо прекрасно понимает, что это приведет политическую доктрину либерализма в поле неопределенности. «Концепция социальной справедливости, – пишет он, – должна, таким образом, восприниматься, как обосновывающая в первую очередь некий стандарт для оценки распределительных отношений базовой структуры общества» [Там же. С. 41, 42]. Однако этот стандарт не имеет не только когнитивного обоснования, но и не обнаруживает себя в качестве устойчивой социальной тенденции. «На первый взгляд, – пишет Роулс, – кажется маловероятным, что люди, рассматривающие себя с позиций равенства и призванные высказывать свои взаимные интересы согласятся с принципом, который может потребовать снижения, уровня жизни для некоторых из них просто ради его подъема для других» [Там же. С. 44]. С данной ситуацией столкнулся еще Смит. Он обнаружил, что экономический обмен в условиях рынка не гарантирует справедливое распределение общественных ресурсов. В работе «Теория нравственных чувств» Смит дает нормативное решение данной проблемы. В этом направлении сосредоточен исследовательский интерес и Роулса. Он, как и Смит, приходит к выводу, что без нравственной основы рациональное поведение не может добровольно отказаться от максимизации выгоды в угоду другим индивидам. Поэтому, на взгляд Роулса, принцип выгоды «несовместим с концепцией социального сотрудничества равных людей во имя получения взаимной выгоды». Он совершенно справедливо отмечает, что в соответствии со своими интересами, некоторые предпочтут равенство доступа к правам и обязанностям, другие поддержат социальное и экономическое неравенство. Но этическая концепция Канта, на которую опирается Роулс,

все-таки получает обоснование посредством цели и сводится к природе человека. По Канту, человек – это разумное и моральное существо и естественной формой социальной жизни является ее обустройство на основе этих родовых человеческих способностей.

В этой антропологической предпосылке вызывает возражение не наличие этих способностей у человека, а отсутствие внятных аргументов, в силу которых он должен свое рациональное поведение согласовывать с моральными принципами? Эта предпосылка не может быть обоснована исключительно рациональными аргументами, она не получает подтверждение и в социальной практике. Роулсу представляется, что посредством процедур, которые соединяют моральные ценности с целерациональным поведением, удастся сформировать в индивидах веру о преимуществах указанной модели социального взаимодействия. Однако, как еще отмечал Юм, разум довольно часто становится действующим рабом страстей. В юмовской интерпретации индивидуальные предпочтения оказываются окрашенными в эмоциональные цвета, а социальное поведение – с проблемами их удовлетворения. В такой социальной среде невозможно всех заставить думать, оценивать и действовать одинаково. Единство действий и оценок уже не задается единством ценностных предпочтений, а устанавливается внешними регламентациями правового континуума. Попытка Роулса примирить либеральный индивидуализм с универсалистской этической концепцией Канта оказалась малопродуктивной. Хотя в этике Канта субъектом нравственного поступка выступает автономная личность, моральные ценности в неявной форме сопряжены с теологическим аргументом и получают обоснование в терминах всеобщего. В социальной онтологии либерализма, наоборот, моральные ценности стали фактом частной жизни и не претендуют на универсальность.

Плюрализм политических убеждений, культурных предпочтений, моделей морального поведения вызывает фрагментацию общественной жизни, а формальное ее единство достигается посредством процедур, закрепленных правовым пространством. И даже концепция рационального

выбора в качестве мотива социального действия оказывается в контексте несоизмеримых величин. Практика плюрализма ценностных предпочтений либерального общества делает призрачной программу Роулса, в которой в качестве предпосылки принят тезис о единстве рациональных и моральных основ общественного устройства. Дистинкция «частное – общественное», над решением которой много размышлял Дж. Дьюи, у Роулса не получила теоретического разрешения. Постсовременность требует новых способов теоретизирования, концептуальных схем, стандартов и норм научности. Дело в том, что способы социального воспроизводства в либеральном обществе претерпели значительные изменения, модели индивидуального поведения не согласуются не только с проектом Просвещения, но с социальной практикой нашего недавнего исторического прошлого. Но когда меняются социальные контексты индивидуального поведения, то меняются и дистинкции. Достоинство инструментализма заключается в том, что он освобождается от универсалистских претензий, которые утратили эмпирическую соотнесенность. Множество индивидуальных целей делает проблематичным представление об отдельном человеке в терминах всеобщего, а отсутствие общего ценностного континуума вызывает трудности обнаружения референта политическому термину «гражданское общество». Основным «благом» предстают формальные права граждан, закрепленные конституцией, а основной функцией социальных и политических институтов становится способность вырабатывать временный консенсус в постоянно изменяющемся множестве точек зрения.

Библиографический список

1. *Хайек, Фридрих А. фон.* Познание, конкуренция и свобода [Текст] / Фридрих А. фон Хайек. – СПб.: Пневма, 1999.
2. *Хабермас, Ю.* Примирение через публичное применение разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса [Текст] / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1994. – №10.
3. *Качоха, В.* Проблема общего блага в современной демократии [Текст] / В. Качоха // Вопросы философии. – 2000. – №9.
4. *Роулс, Дж.* Теория справедливости [Текст] / Дж. Роулс // Вопросы философии. – 1994. – № 10.

УДК 32.001

ЭМПИРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК

И. Л. Морозов

В данной статье предлагается к рассмотрению новая методика изучения структуры экстремистской группировки, основанная на теоретических работах Э. Берна, заключающаяся в выявлении вертикали власти во взаимосвязи с идеологией в социальных группах. Автор статьи выражает мнение, что при соответствующей адаптации и доработке данная методика может быть востребована и займет место в современном инструментарии политической науки.

Ключевые слова: экстремизм, Эрик Берн, безопасность, эмпирическая модель, «Фракция Красной Армии».

EMPIRICAL MODELLING AS THE TECHNIQUE OF STUDYING OF EXTREMIST GROUPINGS

I. L. Morozov

This article suggests the examination of the innovative method of gaining knowledge regarding extremist group structure in the content of comparative description and construction of empirical models. The method offered by I.L. Morozov is founded on the theoretical works and practical experiments of American psychologist E. Berne (Eric Lennard Berne) that in its turn is based on exposing the power vertical in conjunction with social group ideologies. The author of the article believes, that this method with appropriate adaptation and finishing touches will be claimed by political science and take the deserved place in its scientific tools.

Keywords: extremism, Eric Berne, safety, empirical model, «Red Army Fraction».

Концептуальная основа методики

Экстремизм, его террористическая форма, является одним из наиболее актуальных факторов, дестабилизирующих политическую систему России, подрывающих демократический транзит в рамках международной системы, ставящих под вопрос национальную безопасность. Задача изучения политического экстремизма в целях разработки прикладных программ по его нейтрализации формирует проблемное поле современной политической науки. Новый вклад в изучение данной проблемы может внести компаративистика, использующая различные методики сравнительного построения эмпирических моделей экстремистских группировок.

Под эмпирической моделью экстремистской группировки мы предлагаем подразумевать построенную на основании фактологической базы данных структурно-функциональную схему, отражающую выявленные элементы группировки, иерархичность и каузальность взаимоотношений между элементами с учетом исторической составляющей и современной внешней средой.

В концептуальной основе предлагаемой нами методики построения модели экстремистской группировки находятся теоретические разработки американского психолога Э. Берна [2; 3; 10], предложившего следующие основные переменные, индикаторы которых образуют каркас модели:

- эвгемер (первичный лидер) – историческая реальная или легендарная фигура с элемен-

тами сакрализации, которой приписывается основание группы, иногда и разработку «священного канона»;

- вторичный (позднейший) эвгемер – лидер рассматриваемой социальной группы, стремящийся наследовать статус эвгемера и выглядеть в сознании рядовых членов группы продолжателем его дела;

- групповой канон (первичный) – исторический (древний) текст, рассматриваемый участниками группировки как сакральный, неоспоримый и неизменяемый, хотя и допускается его последующая детализация и толкование;

- групповой канон (вторичный) – тексты программного, декларативного, идеологического характера, созданные вторичными эвгемерами, не противоречащие первичному групповому канону, но вносящие в него дополнения и уточнения;

- материнская группа – совокупность индивидов, признающих каноническую власть, или социальная структура, порождающая вторичных эвгемеров.

Методика эмпирического моделирования, применяемая в рассматриваемом нами случае, когда предметом прикладного исследования выступает экстремистская группировка, на наш взгляд, оправдана тем, что позволяет решить несколько исследовательских задач:

- графически представить «вертикаль власти» группировки, визуализируя изучаемые категории;

- выявить основные действующие элементы, составные части предмета исследования;

- иерархизировать выявленные элементы в предмете исследования;
- установить взаимосвязь между элементами, отразить их функциональную направленность в данной системе;
- установить взаимосвязь построенной системы как с хронополитическим срезом [4. С. 5–20; 9. С. 21–33] (история развития данного движения, сакральные истоки идеологии, «герои» прошлого), так и с окружающей средой реального времени (состояние политической системы государства, в котором исследуемая экстремистская группировка функционирует в данный момент или анализ основных взаимосвязанных с данным явлением трендов мировой политической системы в том случае, если речь идет о международной организации).

Адаптация методики

Особенностями нашего подхода к методике Э. Берна, которая изначально не применялась для изучения экстремистских движений, является линейная иерархизация и взаимосвязь эвгемеров и канонов, добавлены переменные индикаторы состояния внешней среды. Мы предлагаем универсальную эмпирическую модель, в зависимости от чередования переменных (задаваемых фактологическими базами данных), дающую возможность оценки экстремистской группировки любого политического спектра. Продемонстрируем предложенный нами вариант на примере западногерманской левотеррористической группировки «Фракция Красной Армии» (РАФ) (схема).

преобразования существующей системы лишь в узком круге определенных социальных страт, что, не позволяя создать достаточную базу для полномасштабной политической борьбы, неизбежно оставляет в руках данных субъектов политического процесса лишь экстремистские методы

элитой исторически несвойственных данному обществу социально-политических моделей; примеры побед однотипных вооруженных движений в других странах (в основном в регионах «третьего мира»); знакомство с военно-политическими доктринами радикальной борьбы

вующих общественных отношений, что ведет к поиску радикальных путей психологической компенсации; осознание невозможности реального и эффективного участия в политической жизни у маргинальных слоев населения, убедившихся, что «их голос» не способен повлиять на базовые политические процессы в государстве; целенаправленная или непровольная пропаганда со стороны СМИ жестокости и насилия, эффективности силовых методов решения личных или общественных проблем; радикализм (максимализм) как одна из доминирующих черт молодежной психологии.

К окончанию существования РАФ – утрата во всех стратах социума какого-либо запроса на леворадикальные идеологии

Анализ данной схемы выявляет неустойчивость следующих переменных:

- историческая константа, благоприятная для РАФ, изменилась с течением времени, сняв вопрос актуальности наиболее радикальных вариаций «новой левой»;

- первичные эвгемеры – герои антиимпериалистического сопротивления стран «третьего мира», также были относительно чуждым, не национальным элементом, увлечение которыми носило временный характер;

- вторичные эвгемеры в лице погибших в заключении основателей «первого поколения РАФ», не сумели стать «национальными героями» для левого немецкого сопротивления, их образ тускнел по мере падения популярности самой деятельности РАФ последующих периодов;

- групповой канон нечеток, «размыт», слабо адаптирован к изменяющейся окружающей обстановке;

- «материнская группа» также является неустойчивой стратой, многие представители которой по мере истечения времени не только отходили от радикальных политических взглядов, но и находили свою нишу в системе власти ФРГ.

На основе анализа представленной модели можно сформулировать вывод, согласно которому террористические движения, строящиеся по типу «Фракции Красной Армии», отличаются структурной уязвимостью, сакрально-идеологической неустойчивостью, их эффективность строго ограничена рамками хронополитического периода доминирования исторической константы и сопутствующих переменных факторов характеристики внешней среды¹.

Применение методики и границы ее эффективности

Предложенный нами вариант изучения экстремистских группировок путем построения эмпирических моделей на основе концепции Э. Берна, как любой метод и частная методика, имеет ряд ограничений в применении и недостатков. Прежде всего, это общая для всех эмпирических методов «ловушка неполной индукции». В отношении экстремистских группировок как предмета исследования это особенно актуально, поскольку многие аспекты их внутренней организации и функционирования конспирируются и не всегда поддаются изучению методами научного исследования, основанных на открытом сборе информации. Также на стадии формирования фактологической базы исследователя поджидают умышленные фальсификации, запускаемые в СМИ как экстремистами, так и противодействующими им органами государственной власти, проверка и сопоставление фактов может оказаться трудоемким процессом и все равно не гарантировать от ошибки со значением той или иной переменной выстраиваемой модели.

Применительно к традиционным экстремистским движениям, функционирующим длительное время и достаточно хорошо изученным, например, исламистским [11; 12], построенная эмпирическая модель вряд ли сможет показать что-то принципиально новое, хотя все же будет полезна при изучении малых квазигруппировок в каждом частном случае. Последнее тем более актуально, поскольку тенденции современных переходных международных процессов интенсифицировали этнорелигиозный терроризм, который приобрел статус наиболее опасного и распространенного по сравнению с другими видами экстремистской деятельности [1. С. 14]. Этнический экстремизм практически во всех регионах

¹ В отношении чеченских сепаратистов применение данной методики нами представлено в предшествующих работах [6. С. 72–81; 7. С. 32–40].

планеты, в традиционных и модернистских обществах, в относительно благополучных или экономически слабых странах неизменно опирается на геоисторические и культурные (включая религию) факторы (см. например: [5. С. 23–40; 8. С. 309–520]), взаимосвязь между которыми и экстремистским движением, а также механизм их использования для идеологического обеспечения своей деструктивной деятельности современными экстремистами можно выявить или уточнить методикой эмпирического моделирования.

Но наибольший эффект от предложенной модели прогнозируется при применении в отношении новых экстремистских группировок, возникающих на стыке традиционных и модернистских

идеологий, тех, которые вызовут к жизни процессы глобализации и информатизации. Новые группировки будут существенно отличаться от традиционных по многим параметрам и политическая наука должна быть готова представить обновленный инструментарий, пригодный для их быстрого и эффективного изучения в целях разработки стратегии информационно-психологического противодействия уже на самых первых этапах активизации экстремистов. Этапы проведения работы по построению эмпирической модели и последующего формирования теорий индуктивного генезиса суммированы нами в таблице.

Алгоритм построения и практического применения эмпирических моделей структуры власти в экстремистских группировках на основе адаптированной методики Э. Берна

Этап	Содержание работы	Примерный вариант метода
Идентификация предмета исследования, формулирование первичных гипотез на основе опыта исследования аналогичных группировок (той или иной степени сходства)	Выявление активной экстремистской группировки как нового актора внесистемной оппозиции, действующего за пределами правового поля данного государства. Результатом реализации данного этапа является выявление предметного поля исследования, его границ	Как правило, для выполнения данной задачи исследователю достаточно использовать метод наблюдения, поскольку новая деструктивная сила приложит максимум усилий для саморекламы в политических целях. Исключение могут составлять террористические группировки, созданные спецслужбами на территории государства-противника в сугубо диверсионных целях, но эти случаи выходят за рамки предмета нашего исследования
Формирование фактологической базы данных по экстремистской группировке или движению (совокупность группировок), формулирование первичных гипотез	Фиксируется как идеологическая активность данной группировки, так и акции прямого действия; систематизация данных проводится по ряду параметров, например, стратегия и тактика деятельности группировки, истоки идеологической базы, поддерживающие данную группировку, социальные слои или группы населения и т. д. Результатом реализации этого этапа является создание эмпирической базы данных по разным параметрам структуры и активности экстремистской группировки, позволяющей зафиксировать базовые характеристики предмета исследования	Источниками информации выступают как государственные, так и негосударственные печатные и электронные СМИ, самостоятельно распространяемая экстремистами информация, что, с учетом уровня развития современных средств электронных коммуникаций и множительной техники может принимать характер основного источника, например, работа с интернет-сайтами экстремистской группировки
Выставление индикаторов основных переменных параметров модели	Персонализация первичного и вторичных эвгемеров, присвоение значения групповому канону, определение материнской группы, лидеров подгрупп и их окружения, социальный и этнический состав группировки. Результатом этого этапа становится выявление основных элементов для построения модели и их значения	Выполняется на основе логико-интуитивного анализа фактологической базы, также возможно использование количественных методов работы с первичной информацией с использованием технических средств, например, контент-анализ известных заявлений, манифестов и деклараций, выдвинутых представителями исследуемой группировки

Окончание табл.

<p>Графическое построение модели и проверка первичных гипотез на основе построенной модели, доработка гипотез по мере необходимости</p>	<p>Оценка взаимозависимости определенных элементов модели, их каузальности с исторической константой и тремя блоками переменных реальной внешней среды, сравнительный анализ полученной модели с моделями иных экстремистских движений. Результатом реализации данного этапа становится создание модели структуры власти в экстремистской группировке для последующей экспертной работы с ней</p>	<p>Выполняется путем типологии и систематизации переменных индикаторов модели, особое внимание уделяется критерию непротиворечивости построенной схемы элементов экстремистской группировки с исторической константой и переменными внешней среды</p>
<p>Разработка общей стратегии информационной атаки на данную экстремистскую группировку или движение в целях десакрализации власти внутри группировки, социально-политической изоляции самой группировки</p>	<p>Выявление слабых звеньев в системе, логических противоречий и иррациональных компонентов, подвергающихся идеологической модификации в целях ослабления и разрушения структуры идеологического обеспечения власти в группировке, определение целей и задач информационного воздействия на компоненты составленной модели. Особое внимание уделяется выявлению целевых социальных групп, на которые направлена экстремистская пропаганда и которые являются источником кадрового резерва экстремистской группировки. Результатом реализации данного этапа является создание общего плана по противодействию экстремистской группировке или движению</p>	<p>Выполняется с помощью инструментария экспертных заключений: метода управляемой генерации идей и итогового построения прогнозных сценариев</p>
<p>Разработка конкретных мероприятий информационно-психологической работы по реализации выработанной стратегии</p>	<p>Отбор и систематизация, хронологическая упорядоченность мероприятий по работе с информационным пространством того региона, в котором действует экстремистская группировка, нацеленных на информационно-идеологическую конкуренцию экстремистам. Результатом реализации данного этапа является трансформация ранее разработанного общего плана в поэтапный план работы в информационной среде в соответствии с графиком и определенными мероприятиями</p>	<p>Выполняется с помощью инструментария экспертных оценок под руководством координаторов проекта</p>
<p>Осуществление разработанных ранее мероприятий информационно-психологического воздействия на экстремистскую группировку и ее социальную базу</p>	<p>Подбор «лидеров мнений» и обеспечение им доступа к целевой аудитории, разработка и распространение печатной и электронной продукции, организация встреч с целевыми аудиториями. Результатом реализации данного этапа является фактическое выполнение намеченных на предыдущем этапе мероприятий</p>	<p>Координация и инструктаж привлекаемых к проекту «лидеров мнений» и экспертов, непосредственно работающих в информационной среде с целевыми группами</p>
<p>Подведение итогов работы, оценка эффективности проведенных мероприятий, суммирование накопленного опыта и учет ошибок для дальнейшей оптимизации адаптированной методики Э. Берна</p>	<p>Завершение серии намеченных ранее мероприятий фиксируется социологическими исследованиями, проверяющими состояние целевой аудитории, на которую были направлены информационно-психологические мероприятия, определение глубины их эффективности, фиксация положительного и отрицательного опыта. Результатом реализации данного этапа может стать снижение доверия целевой аудитории к пропаганде экстремизма и других информационно-психологических стимулов со стороны идеологов экстремизма, на основе накопленного опыта будет уточненная и модернизированная методика составления и применения рассмотренной модели Э. Берна</p>	<p>Работа с фокус-группами, экспертные оценки, оформление итоговых документов по реализованному проекту</p>

Сформулированные нами предложения не исчерпывают того круга методологических возможностей, которые предоставляет концепция Э. Берна. Например, потенциальным направлением в дальнейшем развитии данной концепции для решения задач по изучению экстремистских группировок и разработке стратегии по их социально-политической изоляции может стать со-

ставление личностных «игровых сценариев» лидеров экстремистских группировок. Представляется оправданным предположение, что данная психологическая концепция американского исследователя найдет перспективу в политической компаративистике, поскольку она значительно облегчает и формализует процесс сопоставления структур различных экстремистских группировок

в целях выявления общих принципов их функционирования, закономерностей и различий, что может быть востребовано и в практической сфере противодействия политическому экстремизму.

Библиографический список

1. *Антонян, Ю. М.* Этнорелигиозный терроризм [Текст] / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др. – М.: Аспект Пресс, 2006.
 2. *Берн, Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн. – СПб.: Лениздат, 1992.
 3. *Берн, Э.* Лидер и группа. О структуре и динамике организаций и групп [Текст] / Э. Берн. – Екатеринбург: Издательство «Литур», 2000.
 4. *Ильин, М. В.* Феномен политического времени [Текст] / М. В. Ильин // Полис. – 2005. – № 3.
 5. *Ландабасо, А. А.* Терроризм и этнополитические конфликты. В 2-х книгах. Книга 1. [Текст] / А. А. Ландабасо, А. М. Коновалов. – М.: Издательство «ОГНИ», 2004.

6. *Морозов, И. Л.* Политический экстремизм в информационном обществе [Текст] / И. Морозов // Космополис. – 2008. – № 1.
 7. *Морозов, И. Л.* Построение эмпирической модели структуры власти в экстремистской группировке (на основе адаптированной методики Эрика Берна) [Текст] / И. Л. Морозов // Полис. – 2009. – № 5.
 8. *Пластун, В. Н.* Эволюция идеологии и тактики экстремистских движений в странах Востока [Текст] / Н. В. Пластун. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002.
 9. *Чихарев, И. А.* Хронополитика: развитие исследовательской парадигмы [Текст] / И. А. Чихарев // Полис. – 2005. – № 3.
 10. *Berne, E.* The Mind in Action [Text] / E. Berne. – N.Y.: Publishers – Simon and Schuster, 1947.
 11. *Jenkins, B. M.* Countering al Qaeda: An Appreciation of the Situation and Suggestions for Strategy [Text] / B. M. Jenkins. – Santa Monica: RAND, 2002.
 12. *Williams, P.* The Al Qaeda connection: international terrorism, organized crim, and the coming apocalypse [Text] / P. Williams. – New York: Prometheus Books, 2005.

УДК 321.02

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ
И ЭЛИТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В. И. Петров

В статье рассматривается изменение взаимодействий региональных политических элит России и Федерального центра после мер, предпринятых центральной властью по усилению «вертикали власти» в первое десятилетие XXI в. Уделено внимание как экономическим, так и законодательным и политическим факторам, повлиявшим на формирование новых способов взаимодействий. Указаны опасные, на взгляд автора, процессы в региональных политических элитах России. Также отмечаются условия, выполнение которых поможет избежать застоя и последующего вырождения политических элит в регионах.

Ключевые слова: региональная политическая элита, Федеральный центр, рецентрализация, отмена губернаторских выборов, новая система управления регионами, практика неформального торга, политика взаимодействия с губернаторским корпусом, стратегии региональных политических элит, система отношений Центра и регионов.

**REGIONAL POLITICAL ELITES OF RUSSIA
AND ELITES OF THE FEDERAL CENTER:
INTERACTION IN MODERN CONDITIONS**

V. I. Petrov

In the article change interaction of regional political elite of Russia and the Federal center after the measures undertaken by the central power on strengthening of «a power's vertical» in the first decade of the XXI-st century is considered. The attention as economic, so legislative and to the political factors which have affected formation of new ways of interactions is paid. Processes dangerous, in the author's opinion, in regional political elite of Russia are specified. Also the conditions which performance will help to avoid stagnation and the subsequent degeneration of political elite in regions are marked.

Keywords: regional political elite, the Federal center, recentralization, cancellation of the governor's elections, a new control system of regions, practice of the informal auction, the politician of interaction with the governor's case, strategy of regional political elite, system of relations of the center and regions.

Первостепенная задача региональной политической элиты – выражение и отстаивание интересов населения региона, повышение качества жизни регионального сообщества. С другой стороны, в рамках федеративного государства функ-

ции региональной элиты сопряжены с проведением политики Федерального центра на местах. Как же сочетаются на практике эти необходимые стороны функциональной нагрузки, и каким образом выстраивают отношения элиты федерального и регио-

нального уровня выясним в этой статье. Цель нашего исследования – рассмотреть особенности взаимоотношений региональных политических элит и политических элит Федерального центра в условиях рецентрализации политической власти в современной России.

Реформа федеративной системы, проводимая с 2000 г., привела к значительному «изменению всей конфигурации институтов власти» [13. с. 237]. Власть конкретизировала и уточняла правила взаимодействий, прежде недостаточно конкретные и допускающие двоякую интерпретацию. При этом ряд законов «потеряли силу либо были существенным образом скорректированы» [7. С. 210].

По выражению В. Я. Гельмана: «Федеральная реформа, провозглашенная Путиным в мае 2000 г., в известном смысле была «обречена» на успех, поскольку: 1) являлась ключевым пунктом повестки дня сильного и популярного президента; 2) базировалась на широком (хотя и ситуативном) консенсусе среди федеральной элиты и граждан страны; 3) не только была направлена на повышение административного потенциала российского государства, но и опиралась на этот потенциал» [5. С. 96]. Новое позиционирование федерального уровня власти дало возможность Кремлю и Федеральному центру действовать в отношениях с регионами в качестве единого актора и отстаивать позицию, при которой был установлен максимально возможный контроль над ресурсами регионов при минимуме ответственности Центра.

В этих условиях региональные политические элиты практически не препятствовали курсу рецентрализации, продолжая вести индивидуальный «торг» с Кремлем за статус и ресурсы, постепенно теряя «занятые» во времена президентства Б. Н. Ельцина позиции.

Рецентрализация стала стержневым политическим проектом В. В. Путина в первые четыре года его президентства. Насколько можно судить, проект предусматривал достижение нескольких основных целей: 1) возрождение мощи России путем воссоздания административных механизмов контроля над регионами; 2) повышение эффективности управления путем уменьшения ресурсных возможностей региональных элит и ликвидации или ослабления устоявшихся рынков в субъектах РФ (к примеру, путем захвата таких рынков федеральными корпорациями); 3) формирование предсказуемого и желательного для Кремля варианта развития политических процессов в субъектах Федерации через оформление поддержки и лояльности со стороны региональных политических элит.

Начиная с 2001 г. началось разграничение полномочий между Федерацией и субъектами в сфере их совместного ведения. Комиссия, возглавляемая Д. Козаком, подготовила и провела через Государственную Думу детальный план разделения между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти зон ответственности и финансирования (к примеру, федеральная власть отвечает за высшее образование, региональная – за среднее, а муниципальные органы власти занимаются детскими дошкольными учреждениями). Но на практике этот план не был осуществлен, так как изменения, предложенные президентской администрацией, не устроили Министерство финансов, стремившееся сконцентрировать финансовые ресурсы в руках Центра, стремящегося к построению модели финансирования региональных и местных бюджетов «сверху вниз» [5. С. 100].

В 2001 г. принимается Закон «О политических партиях», запрещающий регистрацию региональных партий. Центром вводится смешанная избирательная система: с 2003 г. на выборах региональных парламентов не менее 50 % мест распределяются по спискам федеральных партий [19. С. 102–117]. Основная цель этих нововведений – повышение роли партии большинства («Единой России») в региональном политическом процессе и управлении регионами. В итоге, хотя электоральный успех «партии власти» был возможен исключительно благодаря патронажу ее региональных отделений сильными губернаторами, единороссам удалось создать влиятельные фракции в целом ряде региональных legislatures [8. С. 71–87].

В октябре 2003 г. Дума приняла новый Федеральный закон ФЗ-131 «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», изменивший не только организацию муниципальной власти, но и порядок финансирования муниципалитетов, определивший обязательное межмуниципальное бюджетное выравнивание (изъятие средств из бюджетов относительно обеспеченных муниципалитетов в пользу обедненных доходами) и фактически узаконив возможность банкротства местного самоуправления. По этому закону ответственность за решение вопросов местного значения перекладывалась на муниципальные образования, не обеспечив их необходимыми для этого ресурсами. Понимая всю «сырость и непродуманность» закона, Госдума продлила сроки введения его в регионах до 2009 г.

В 2004 г. Государственная Дума приняла ФЗ-122, изменивший порядок финансирования социальных обязательств государства, возложив

на регионы и муниципалитеты ответственность за решение социальных проблем, что повлекло за собой монетизацию социальных выплат. Последнее вызвало массовый социальный протест. Лишь перечислив в регионы значительные средства, Центр смог погасить негативные настроения.

Осенью 2004 г. президент В. В. Путин выступает с инициативой об отмене института прямых выборов глав регионов, предложив заменить всенародное голосование процедурой, аналогичной той, которая применяется при утверждении председателя правительства России. Как отмечает М. Ильченко: «Отмена прямой выборности губернаторов осенью 2004 г. ознаменовала собой логическое завершение политики «нового централизма», окончательно очертив контуры российской федеративной системы» [12. С.128].

На наш взгляд, Кремль принял решение об отмене выборов губернаторов по нескольким причинам: 1) оставить у власти сильных глав регионов, которые не имели права идти на очередной выборный срок;

2) отстранить от управления регионами откровенно слабых глав, не дожидаясь конца их полномочий;

3) сделать «кадровые смены» предсказуемыми, в нужном для себя направлении (что в условиях прямого волеизъявления весьма затратно и довольно рискованно);

4) искусственно заставить губернаторов поддерживать решения Центра (в противном случае всегда можно обвинить губернатора-бунтаря в неспособности справиться со своими обязанностями, а на место губернатора всегда есть другие кандидатуры, более лояльные и более управляемые).

Последнее, по нашему мнению, есть главная причина появления нового механизма продвижения в губернаторское кресло. Ведь, по сути, утверждение кандидатуры, предложенной президентом, депутатами регионального законодательного собрания всего лишь «часть спектакля». Так как в случае неутверждения предложенной кандидатуры президент вправе распустить орган законодательной власти региона. А на это депутаты никогда не пойдут (слишком дорого сегодня достаются депутатские кресла). Гораздо проще и безопаснее поддержать президента в его выборе, тем самым, показав поддержку политического курса главы государства.

Благодаря изменению процедуры представительства региональных руководителей в Совете Федерации: глава региона оставляет свое кресло в пользу представителя, которого он назначает сам, глава представительного органа – в пользу делегата от представительного органа, избранного

этим органом, руководители регионов значительно ослабили свои политические позиции за счет утраты ими парламентского иммунитета. Вместе с тем президент России при определенных условиях имеет возможность сместить с должности главу исполнительной власти региона и распустить его законодательный орган [2. С. 65–78].

Основные шаги по рецентрализации [5. С. 98] выглядят следующим образом:

1. Создание семи федеральных округов во главе с полномочными представителями президента, с последующим изменением ряда федеральных законов. Это позволило вывести некоторые наиболее важные службы (от налоговых органов до управлений внутренних дел) из-под контроля со стороны региональных политических элит. В дальнейшем полномочные представители президента совместно с окружными прокурорами добивались корректировки регионального законодательства в направлении приведения его в соответствие с федеральными нормами.

2. Наделение президента правом снимать с должности избранных населением глав исполнительной власти регионов и распускать региональные законодательные собрания в случае подтвержденного судом нарушения ими федеральных законов. Сама возможность применения подобной санкции имела серьезный сдерживающий эффект, вынуждая региональные элиты подчиняться Центру.

3. Изменение порядка формирования Совета Федерации: вместо руководителя исполнительной власти и руководителя представительной власти регионов в его состав стали входить лица, назначенные этими органами власти. В результате изменений влияние региональных политических элит на политический курс Центра снизилось, а Совет Федерации практически полностью утратил влияние на политические процессы в России.

4. Изменение в налоговом законодательстве, обеспечившее рецентрализацию бюджетно-финансовых потоков путем существенного увеличения объема и удельного веса поступлений от федеральных и расщепляемых налогов [24. С. 71–81]. В итоге региональные и местные бюджеты оказались более, чем прежде, зависимы от федеральных трансфертов. Вместе с тем по инициативе Центра перераспределилась собственность в регионах в пользу ряда связанных с ним общероссийских финансово-промышленных групп. Их активная хозяйственная экспансия в условиях экономического роста привела к ликвидации воздвигнутых региональными элитами административных барьеров в экономике [11. С. 107–119]. Этот шаг способствовал укреплению общенационального рынка в ущерб экономической конкуренции между регионами.

Иллюзорно этот курс можно было принять за набор мер по построению эффективного правового государства и современной рыночной экономики, однако реально он выливался в избирательное применение норм и санкций и широким использованием неформальных механизмов урегулирования конфликтов. Наказывая неугодных губернаторов (к примеру, отстранение от участия в выборах главы администрации Курской области действующего губернатора А. Руцкого (хотя нарушения закона, аналогичные тем, что предъявлялись А. Руцкому, допускали и многие другие главы регионов)) [22. С. 160–163], лояльных же глав регионов Центр поддерживал, давая им возможность баллотироваться на третий или четвертый срок.

Кремль сократил число регионов, но весьма аккуратно: избавляясь от слабых регионов, не затрагивая интересы сильных. К примеру, Пермская область была объединена с Коми-Пермяцким АО, Красноярский край – с Эвенкийским и Таймырским АО, Камчатская область – с Корякским АО. Вместе с тем Центр заблокировал инициативу нескольких финансово-промышленных групп об объединении Тюменской области с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким АО, так как экономический потенциал подобного «суперрегиона» был бы чрезмерно большим [5. С. 100]. Благодаря успешному укрупнению регионов Центр снизил издержки на содержание территорий.

Отказ от всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов завершил курс на децентрализацию. Однако в отношениях Центра и регионов изменилось немного. Как отмечает В. Гельман, «в большинстве регионов исполнительную власть возглавили прежние руководители. Новые фигуры назначались лишь в случае выраженного неприятия Центром конкретных лидеров (Ивановская область, Республика Алтай) или острого конфликта региональных элит (Саратовская, Иркутская, Нижегородская области). Характерно, что лишь в редкие регионы глава исполнительной власти был прислан «извне» (Нижегородская, Калининградская области)» [5. С. 102].

Отчасти новая система управления регионами напоминает советскую модель: субъекты РФ управляются чиновниками, фактически назначенными из Центра, при формально-демократической процедуре утверждения их региональными политическими элитами. Политический потенциал глав субъектов Федерации в регионе и за его пределами лежит, с одной стороны, в определяемой Центром «степенью свободы» (в противном случае – отстранение от должности по решению президента РФ как не справляющего с должностными обязанно-

стями), а с другой стороны, в рамках структуры групп, лоббирующих интересы регионального капитала. Имеет место прослеживаемая закономерность к построению системы «государственного корпоративизма» в отношениях между региональными органами власти и экономическими агентами [16; 20]. Разумеется, пока рано говорить о полном копировании советской модели управления, но в перспективе при отсутствии изменений и продолжении прежнего курса такая тенденция достаточно очевидно прослеживается.

Стремление кремлевской элиты укрепить неконкурентную институциональную среду в политике и экономике с неизбежностью ведет к консервации в регионах режимов «регионального авторитаризма» и «закрытых рынков», которые вполне успешно встраиваются в систему «нового централизма»: за тем, что сегодня пытаются выдать под видом политической и экономической модернизации регионов, на самом деле скрывается пышное цветение клиентелизма [1].

На наш взгляд, одним из важных факторов, влияющих на усиление действий федеральной элиты, направленных на централизацию, является повышение экономической важности природных ресурсов. То есть чем более Россия зависит от экспорта энергоносителей, леса и полезных ископаемых, тем сильнее заинтересованность российских элит в получении извлекаемой в этом направлении прибыли, соответственно в дальнейшей централизации, с «отстранением» региональных элит от участия в этом экономическом процессе.

К 2004 г. в российских регионах была установлена единообразная системы правил и процедур. Однако такое единообразие было достигнуто не за счет повышения политической конкуренции и прозрачности управления в таких печально известных регионах, как Башкортостан или Калмыкия, а путем повсеместного навязывания новых «правил игры» [15. С. 32–40]. Согласно исследованиям аналитиков Московского центра Карнеги, общее снижение уровня демократичности субъектов РФ в 2001–2005 гг. можно было объяснить только падением качества демократических процессов (прежде всего выхолащиванию процедуры выборов) именно в наиболее открытых и конкурентных регионах [21].

Как справедливо отмечает В. Гельман, в сложившихся условиях Центр не может реально оценить эффективность регионального управления (как показывает опыт, полпреды и министерство регионального развития не справляются с этой задачей) и лишен действенных инструментов улучшения ситуации (за исключением кадровых назначений). Это – явная предпосылка к массовым злоупотреблениям властью и превращением

регионов в своего рода «вотчины» губернаторов, управляющих ими на основании неформального контракта с Центром по схеме «лояльность в обмен на невмешательство» [5. С. 104].

Одним из важных альтернативных каналов взаимодействия с политической элитой регионов стал вариант общения посредством основных действующих лиц «партии власти», на всех уровнях управления. В идеале попытка Кремля заменить персоналистские механизмы своего господства партийными можно оценить как вполне рациональную стратегию, имеющую неплохие шансы на успех [4. С. 46–58]. Все же на сегодняшний день выгоды «нового централизма» по-прежнему остаются неочевидными.

Сегодня Центр усилил свое влияние на регионы по сравнению с периодом 1990-х гг., уменьшив влияние региональной политической элиты на федеральном уровне, одновременно снизив автономность регионов. Тем не менее эта ситуация может быть использована как, с одной стороны, для более динамичного развития страны, так и, с другой стороны, для передела власти и собственности в частных интересах. И похоже, второй вариант развития событий более вероятен.

М. Ильченко отмечает, в частности, «многочисленные межправительственные соглашения и другие формы сотрудничества между Центром и регионами стали благодатной почвой для развития «теневых» механизмов взаимодействия» [12. С. 126].

В отношениях региональной власти с центральным правительством присутствует не только формально-правовой, но и неформальный аспект, нередко выходящий на первый план [3. С. 87].

По свидетельству О. Кузнецовой, заключив двусторонние соглашения с федеральными властями, Татарстан, Башкирия и Якутия получили экономические преференции: «В бюджеты трех названных республик перечислялись бóльшие доли собираемых на их территориях федеральных налогов, нежели в остальных субъектах Федерации» [14. С. 73].

Примечательно, что эта стратегия стала удобной как для федеральной власти, так и для региональных элит. Центр обрел реальную возможность пользоваться в конкретных случаях дифференцированными механизмами взаимодействия, от неформальных договоренностей до прямого давления и применения санкций, в зависимости от характерных особенностей региональной элитной группы и ситуации, сложившейся в регионе. А региональные политические элиты находили для себя подходящей «плату» за возможные преференции – свою политическую лояльность, ко-

торая позволяет теперь получить необходимые привилегии.

Именно в направлении демонстрации собственной лояльности Центру региональные политические элиты стали массово расторгать заключенные прежде двусторонние договоры, региональные власти как по команде заявили о своей полной готовности прекратить действие соглашений.

Проявляя разумную осторожность, после реформы осени 2004 г. Центр переназначает большинство глав регионов, подтверждение этого находим у В. Гельмана: «Такой политический курс был вызван не только дефицитом у Центра кадрового резерва региональных управленцев, но и, прежде всего, тем, что Центр стремился к минимизации рисков и потому – к сохранению статус-кво в своих взаимоотношениях с регионами, при этом возлагая на назначенных глав исполнительной власти полноту ответственности за положение дел на вверенной им территории» [6. С. 107]. Выходит, что в итоге потенциал Центра и его возможности вследствие осуществленной реформы 2004 г. были не столь безграничными, как это могло показаться.

На наш взгляд, ряд мер, принятых в рамках федеративной реформы, послужил толчком к «институционализации» практик неформальных торгов между Центром и регионами (в частности, при законодательном разграничении полномочий и предметов ведения). Как подчеркивают исследователи российского федерализма: «Многие положения принятых законов оказались плохо проработаны, многие не учитывали особенностей субъектов Федерации» [23. С. 68].

На сегодняшний момент неформальные практики приобрели иной вид и отчасти тесно переплелись с формальными институтами (примеры можно найти в работе В. Долгова, который выделяет теневые механизмы управления, соперничество федеральных и региональных чиновников) [10. С. 114–116].

Однако полагать, что сегодня все находится исключительно под контролем Центра, на наш взгляд, несколько некорректно. Мы склоняемся к мнению, что изменения в отношениях между Центром и регионами носят скорее эволюционный, нежели революционный характер. Новый порядок взаимоотношений формировался не путем навязывания, а, скорее, стал итогом добровольного принятия обеими сторонами. Региональные элиты приняли новые (более жесткие) условия, поскольку президент В. В. Путин имел высокий рейтинг среди населения. Если во времена президентства Б. Н. Ельцина безоговорочная поддержка политики президента превращала

региональную политическую элиту в глазах электората едва ли не в предателей и ненавистников России, то стопроцентная поддержка В. В. Путина только укрепляет позиции любого главы региональной администрации в глазах населения. Именно поэтому с такой ревностью, опережая друг друга, главы регионов состязаются за возможность «больше поддержать» и «стать еще ближе» к президенту.

Средствами большего подчинения региональных элит Центру стали проведенные в ходе восстановления «вертикали власти» реформы: создание семи федеральных округов и института полномочных представителей президента, коррекция способа формирования Совета Федерации и восстановление Госсовета, упразднение прямых выборов глав субъектов РФ с введением механизма фактического назначения их президентом, централизация финансовой (в том числе фискальной) политики, курс на укрупнение территорий. Фундаментальной целью было и остается обеспечение стабильности и управляемости региональной политической ситуации. Вместе с тем, как справедливо отмечает О. Гончаренко, стратегия «торга» как основная особенность внутриэлитного взаимодействия (между федеральной и региональной властью) отнюдь не утратила актуальности [9. С. 41].

Вместе с тем грамотно построила политику взаимодействия с губернаторским корпусом и президентская администрация, сумев максимально эффективно «выторговать» наиболее удобные новые правила взаимодействий: взаимная лояльность на выборах; повторная поддержка действующих глав регионов по истечении срока их полномочий; поддержка главами региональных администраций федеральных реформ, с их минимальным влиянием на федеральную политическую сцену с одновременным получением реальной возможности доминирования в региональной политике, и получением от Центра права на поддержку решений на уровне региона. Разумеется, нельзя утверждать, что все главы регионов согласились на новые правила взаимоотношений, но так поступило большинство.

Все более представители политической элиты регионов отдаляются и закрываются от общенациональности, населения. Для реального (а не декларативного) повышения эффективности институтов региональной власти и оптимизации использования ее ресурсов следует реализовать следующие шаги:

1) совершенствовать федеральное и региональное законодательство, регулирующее устройство и порядок деятельности институтов региональной власти, в целях более сбалансированного распределения предметов ведения и полномочий

между федеральными и региональными органами власти. Возможно, путем создания эффективной системы сдержек и противовесов в системе органов федеральной и региональной власти, создания работоспособных региональных моделей разделения властей, формирования эффективных плюралистических механизмов консолидации региональной элиты, а также при использовании каналов обратной связи между властными институтами и региональным сообществом;

2) повысить квалификацию и уровень профессионализма сотрудников региональных органов власти, усилить гражданский контроль, развивать механизмы публичной политики и цивилизованных форм представительства интересов. Только при соблюдении этих условий единая властная вертикаль и смежные с ней органы не превратятся в замкнутый и отстраненный от реальности механизм, а федерализм получит не формальное, а реальное содержание.

В первом ежегодном Послании Президента Российской Федерации Д. Медведева Федеральному Собранию в ноябре 2008 г. совместно с одной из основных для Послания инициатив – увеличении сроков полномочий президента и Госдумы до шести и пяти лет соответственно, выдвинуты другие инициативы, изменяющие потенциал функционирования региональной политической элиты.

Начиная с 2009 г. победившая на региональных выборах партия, занимающая большинство мест в региональном законодательном собрании, получила право выдвигать кандидатуры главы администрации (прежде списки претендентов формировались в Кремле с учетом мнений местной элиты). Вместе с тем право выбора рекомендуемой региональному парламенту кандидата остается за президентом. Велика вероятность, что в ближайшие годы предлагать кандидатуры на пост главы региона будет «Единая Россия». Затем, президент предлагает кандидатуру будущего губернатора на утверждение региональному представительному органу (то есть тому самому большинству депутатов, которые и выдвинули этого кандидата), то есть фактически эта схема практически исключает варианты неподчинения региональных политических элит Федеральному центру. Таким образом, как верно отмечает В. Мартыанов, поскольку руководитель региона, как правило, контролирует региональное отделение правящей партии, то в результате губернатор фактически будет предлагать переутвердить самого себя [17. С. 31].

В последние годы региональные политические элиты фактически «вымываются» из федерального политического пространства.

Сегодня четко выделяются три процесса, определяющие основные стратегии элит:

а) потеря политической составляющей в стратегиях региональных элит;

б) возврат к патернализму при взаимодействии с Федеральным центром;

в) преобладание краткосрочного целеполагания над долгосрочным в политическом поведении элит [25. С. 110].

В то время как при Б. Н. Ельцине борьба за ресурсы проходила между федеральными и региональными элитами, то В. В. Путин, а теперь и Д. А. Медведев отрывают региональные элиты от масс и административными мерами привязывают к Центру. Региональные элиты становятся выразителями воли Кремля, теряя собственную ценность в глазах населения регионов. В. Мохов справедливо образно отмечает: «Если суммарно обозначить наиболее важные изменения в статусе региональных элит, то можно констатировать переход от положения «всевластного барона» к положению «княжеского посадника». Губернаторы начинают проводить политику внутрирегиональной консолидации власти, добиваясь в своих регионах системы политических отношений, аналогичной существующей в Федеральном центре [18. С. 110–115].

Это усугубляется тем, что «в России де-факто не развилось ни системы конкуренции элит, ни сообщества вневластных социальных групп и организаций, способных к диалогу на равных с органами управления» [17. С. 42].

К концу путинских изменений региональные политические элиты потеряли свои позиции и были оттеснены на «второй план». Вперед же выдвинулась «руководящая рука» Кремля и контроль за действиями политических акторов регионов по исполнению решений федеральной власти со стороны «Единой России». «С этих пор самые послушные губернаторы могли рассчитывать на дополнительные трансферты и не опасаться прокурорских расследований по поводу нецелевого использования финансовых ресурсов» [25. С. 100].

К 2009 г. федеральная политическая элита сформировала в регионах менее разнообразные и более предсказуемые на практике политические процессы. Сегодня еще рано говорить о полном подчинении региональных элит федеральным, но нельзя не заметить ярко выраженные отношения иерархического соподчинения и принятии ситуации, при которой Центр диктует свою волю, постепенно вытесняя глав регионов из политического пространства. Давая взамен покорности так необходимые экономические субсидии и транши на решение наиболее важных проблем региона.

Мы, наблюдая сложившуюся ситуацию, констатируем: в регионах снижается степень политической конкуренции, политические процессы протекают все более однообразно. Можно говорить, если не о политическом застое, то о политическом копировании и все большей схожести поведения региональных лидеров во взаимоотношении с Федеральным центром. Тем самым можно с очевидностью признать тактическую победу Кремля. Однако говорить о победе в положительном смысле этого слова мы пока не можем, поскольку снижение конкуренции и разнообразия в политических процессах может привести к полному отмиранию реальной инициативности региональных политических элит. И в случае «системных сбоев» «руководящего центра» мы получим обездвиженный или сильно заторможенный региональный уровень. Что весьма чревато кризисными проявлениями для всей политической системы государства. Уже сегодня очевидно, что в долгосрочной перспективе эффективность системы отношений Центра и регионов испытывает проблемы. В частности, в регионах по-прежнему отсутствуют достаточные предпосылки для формирования и успешного развития институтов гражданского общества, мощные механизмы социально-экономической конкуренции не пронизывают пространство регионов, по сей день не создана эффективная система региональной власти. В результате политические системы регионов пока не превратились в эффективно функционирующий механизм, выражающий и отстаивающий интересы местных сообществ, населения. Политический процесс выявляет существование и развитие авторитарных и патерналистских форм власти, клиентельный характер взаимоотношений на региональном и федеральном уровнях, что как минимум существенно усложняет оформление подлинно демократических институтов в регионах.

На наш взгляд, необходимо пересмотреть систему отношений Центра и регионов с целью их «уравновешивания», выработки по-настоящему объективных условий для развития конкуренции политического процесса, и в конечном итоге эффективной и устойчивой политической системы государства.

Библиографический список

1. Афанасьев, М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России [Текст] / М. Н. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – 317 с.

2. *Бирюков, С.* Регионы, Центр, Российское государство [Текст] / С. Бирюков, Е. Мельниченко // Свободная мысль. – 2008. – №12.
3. *Брызгунова, Ю.* Региональная власть в системе политических сетей [Текст] / Ю. Брызгунова // Власть. – 2007. – №4.
4. *Гельман, В.* От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы [Текст] / В. Гельман // Общественные науки и современность. – 2006. – №1.
5. *Гельман, В. Я.* Россия сегодня. Возвращение Левиафана [Текст] / В. Я. Гельман // Полис. – 2006. – №2.
6. *Гельман, В.* Центр и регионы России: от децентрализации к рецентрализации [Текст] / В. Гельман. Федерализм и российские регионы: сб. материалов интернет-конференции (декабрь 2005 – март 2006) / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; [отв. ред.: Н. Ю. Лапина, В. П. Мохов; отв. за вып. Н. Ю. Лапина]. – М., 2006.
7. *Глигич-Золотарева, М. В.* Правовые основы федерализма [Текст] / М. В. Глигич-Золотарева. – М.: Юристъ, 2006. – 442 с.
8. *Глубоцкий, А.* Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов [Текст] / А. Глубоцкий, А. Кынев // Полис. – 2003. – №6.
9. *Гончаренко, О.* Трансформация института губернаторства [Текст] / О. Гончаренко // Власть. – 2009. – №4.
10. *Долгов, В. М.* Политические механизмы взаимодействия центра и регионов Российской Федерации [Текст] / В. М. Долгов // Полис. – 2004. – №6.
11. *Зубаревич, Н.* Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть. [Текст] / Н. Зубаревич // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 1.
12. *Ильченко, М. С.* Институциональные истоки «нового централизма» в современной России [Текст] / М. С. Ильченко // Полис. – 2008. – №5.
13. *Крыштановская, О.* Анатомия российской элиты. [Текст] / О. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
14. *Кузнецова, О. В.* Региональная политика в России в постсоветское время: история развития [Текст] / О. В. Кузнецова // Общественные науки и современность. – 2005. – №2.
15. *Кынев, А.* Переход к смешанным выборам в регионах: «принудительная трансформация» [Текст] / А. Кынев // Полис. – 2004. – №2.
16. *Лапина, Н.* Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит [Текст]: аналитический доклад / Н. Лапина, А. Чирикова. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 146 с.
17. *Мартьянов, В.* Продолжаем продолжать [Текст] / В. Мартьянов // Свободная мысль. – 2009. – №2.
18. *Мохов, В. П.* Властные элиты России в условиях консолидации власти [Текст] / В. П. Мохов // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты; редкол.: О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 408 с.
19. *Панов, П.* Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России (кроссрегиональный сравнительный анализ) [Текст] / П. Панов // Полис. – 2005. – №5.
20. *Перегудов, С. П.* Корпорации. Общество. Государство: Эволюция отношений [Текст] / С. П. Перегудов – М.: Наука, 2003. – 351 с.
21. *Петров, Н.* Демократичность регионов России [Текст] / Н. Петров // Брифинг Московского центра Карнеги. – 2005. – Т. 7. – № 9.
22. *Прибыловский, В.* Триумфальное шествие башкирской избирательной технологии [Текст] / В. Прибыловский // Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В.: Россия Путина: пристрастный взгляд. – М.: Панорама, 2003.
23. Российский федерализм: экономико-правовые проблемы [Текст] / отв. ред. д-р экон. наук, проф. С. Д. Валентей; Ин-т экономики РАН, Центр экономики федер. отношений. – СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2008. – 320 с.
24. *Федоров, К.* Политический курс в сфере местного налогообложения в России [Текст] / К. Федоров // Полис. – 2003. – №4.
25. *Чирикова, А. Е.* Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен [Текст] / А. Е. Чирикова // Полис. – 2008. – №6.

УДК 341.39

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ БОЛЬШЕВИСТСКОГО КАДРОВОГО КОРПУСА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

С. В. Кутаев

В статье освещается процесс формирования кадрового корпуса государственных служащих в годы Гражданской войны, раскрываются закономерности трансформации системы управления в постмонархической России и выявляются основные предпосылки сращивания государственного и партийного аппарата.

Ключевые слова: власть, кадры, номенклатура, партия, аппарат, управление, коммунисты, классы.

MAIN CHARACTERISTICS OF BOLSHEVIST STAFF DURING THE CIVIL WAR (1918–1920)

S. V. Kitaev

The article touches upon the process of forming staff of statesmen during the Civil War, reveals the peculiarities of administrative system transformation in post-monarchy Russia and discovers the main prerequisites of administrative and party staff merging.

Keywords: authority, human resources, nomenclature, party, staff, administration, communists, classes.

В современной науке многие вопросы, связанные с процессами, происходящими в годы Гражданской войны в России, до сих пор остаются дискуссионными [2. С. 591–598]. Не менее дискуссионными являются и вопросы о персоналиях представителей новых, пришедших к власти в этот период, политических сил.

С революцией 1917 г. большевистская партия, став правящей, под влиянием постулатов марксизма о самоуправлении трудящихся, при котором исчезает понятие управления как профессиональной сферы, первоначально ориентировалась на отказ от услуг дореволюционной («старой») бюрократии и чиновников вообще, заменив их выборными от народа. Декрет ВЦИК и СНК от 24 ноября 1917 г. ликвидировал прежнюю иерархию госслужащих и зафиксировал, что «все гражданские чины упраздняются» и «наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются» [5. С. 72]. Однако мечта о государстве-коммуне, в котором не будет профессиональной бюрократии и все станут управленцами («каждая кухарка будет управлять государством»), осталась нереализованной. Очень скоро выяснилось, что в развивающейся, охваченной Гражданской войной стране для овладения ситуацией необходима четкая система организации власти и управления.

Становление жестко централизованной системы власти происходило на базе партии большевиков. В. И. Ленин был убежден, что в России нет другой политической силы, кроме партии большевиков, способной возглавить и повести народ от раскола к единству, а затем – к социализму. Партийный аппарат стал становым хребтом системы власти, собирающей рассыпавшееся в ходе

революции и Гражданской войны общество. В условиях развала, партия большевиков сохранила всероссийскую организацию: ячейки на фабриках, заводах, на селе (хотя и не в таком масштабе, как в городе), в армии, в массовых организациях (профсоюзы, Советы и т. п.), работоспособные партийные структуры на всех уровнях – ЦК, областные бюро (области объединяли несколько губерний), губернские, городские, районные комитеты. В силу этого она выступала готовой основой для формирования структур власти. Кадровый корпус власти формировался, прежде всего, из членов РКП(б). Принципы отбора кадров первоначально были простыми: личные контакты видных большевиков с будущим назначенцем по революционной деятельности; выяснение социального происхождения и степени политической преданности целям большевистской партии. В послеоктябрьский период руководство партии большевиков еще не представляло четко методов работы с руководящими кадрами страны. Круг руководителей, как объектов учетной работы, не был четко определен. До 1920 г. в ЦК учитывали всех коммунистов, считая их потенциальными организаторами и руководителями.

Подобный подход имел определенную базу в теоретической части марксизма, считающего пролетариат более прогрессивным классом, чем буржуазия. А партия коммунистов, являющаяся авангардом пролетариата, тем более была способна к любому виду деятельности. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» говорил, что управление государством является простым делом и вполне по силам рабочему классу.

Наряду с формированием властных структур, быстрыми темпами происходило тотальное ого-

сударствление (национализация банков, земли, промышленности, жилья, системы распределения материальных благ и т. д.). Для реализации намеченного курса требовалось большое количество служащих, которые бы все это учитывали, контролировали, распределяли и всем управляли. Госаппарат разбухал с ужасающей быстротой. В. Бонч-Бруевич писал по этому поводу: «Не прошло и нескольких месяцев нового бытия, как Петроград и Москва, а за ними все города и веши необъятной России битком были набиты новым чиновным людом. Кажется, от самого сотворения мира до наших дней не было нигде под солнцем такого колоссального, вопиющего числа чиновников, как в дни после Октябрьской революции» [4. С. 88].

Однако практика назначений на должности, исходя из классово-партийных оценок, при отсутствии у большинства большевиков-партийцев элементарных управленческих знаний и опыта, рассеяла первоначальные иллюзии, особенно среди коммунистов, непосредственно руководящих народным хозяйством страны. Не каждый коммунист обладал не только специальными знаниями, но и организаторскими способностями. Провал коммунистов-назначенцев на железнодорожном транспорте, других отраслях государственного и хозяйственного управления ускорили реализацию мысли о необходимости учета не всех коммунистов, а только занимающих определенные должности, с целью выявления организаторских способностей и талантов.

Указанные обстоятельства заставили руководство партии, преодолевая сопротивление и нежелание сотрудничать с новой властью («саботаж»), привлечь в государственный аппарат значительную часть старого чиновничества. Управленцы соглашались работать не только под давлением властей (оно было значительным, включая методы ВЧК), но и в силу необходимости – служба была для них единственным источником средств для жизни.

При этом, несмотря на то, что среди пришедших к власти в 1917 г. большевиков было немало бескорыстных, образованных, способных и даже талантливых людей, они в своем большинстве не имели никакого управленческого опыта и в партии были известны в качестве революционных вождей, теоретиков и пропагандистов. Кроме того, эти лица составляли всего лишь небольшую часть из огромной массы управленцев, попавших в разветвленный партийный и советский аппарат.

Гражданская война открыла простор произволу должностных лиц, способствовала репрессивной политике властей. В этой обстановке неизбежно было нравственное перерождение даже

изначально честных людей, а тем более карьеристов, прорвавшихся «во власть» из корыстных побуждений.

По признанию Е. Г. Гимпельсона, «...в состав руководящих кадров влились десятки тысяч людей из народа, малограмотных, малокультурных или просто карьеристов, воспользовавшихся членством в ставшей правящей партии в целях, далеких от первоначальных, пусть утопических, но высоких идеалов большевиков-подпольщиков. И, в конечном счете, общий уровень культуры и стиль управления новой властью определялся этим большинством» [3].

Таким образом, в первые годы Советской власти корпус управленцев состоял как бы из двух частей: новая, советская, «исповедующая» коммунистические принципы, и старая, которая постепенно размывалась (либо полностью принимала новые принципы, либо вытеснялась, в том числе репрессивными методами, по мере обретения квалификации и знаний управленцами советской генерации).

Система репрессий, как метода воздействия, использовалась, прежде всего, органами революционного правопорядка: милицией, судом, трибуналами, ВЧК. Их скорейшее создание обуславливалось ведением войны по нескольким фронтам, полным развалом экономики, находящейся на уровне экономики царской России второй половины XIX в., а также трудностями политического характера молодого государства (недовольство крестьян продразверсткой, используемое контрреволюционными партиями (кадетами, эсерами, меньшевиками и пр.), выразившееся в восстаниях Тамбовщины, Сибири, Украины, Дона, в Кронштадте и пр.) [7. С. 280–283].

Параллельно шла организация Красной Армии, в которую уже в первые годы Гражданской войны ввели институт военных комиссаров, опиравшихся на армейских коммунистов и развернувших огромную партийно-политическую работу в армии и среди прифронтового населения, создавая коммунистические ячейки. Для ведения партийно-политической и культурно-просветительской работы создавались фронтовые, армейские и дивизионные политотделы. Партия призвала всех трудящихся к усиленной работе на оборону.

По мнению В. Б. Павлова, именно органы революционного правопорядка, наряду с Красной Армией, послужили краеугольной опорой режима того периода, организуя в обстановке отсутствия сложившейся новой законодательной системы политический розыск и политический контроль за населением, подавляя забастовки и восстания [11].

Сказывалось и влияние мировой войны, из которой, как считал Н. А. Бердяев, «родилась революция». «Война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе». И далее он писал: «Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он пришел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотными, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям было свойственно и «злопамятство» по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести» [1. С. 101–102].

Психология мировой войны, падение ценности человеческой жизни, благоприятствовали переносу в ходе Гражданской войны методов фронта на тыл. Лозунг «Все для войны, все для победы!» способствовал утверждению вознесенных потрясениями к власти людей в мысли, что цель – победа во имя будущего благоденствия – оправдывает любые средства для ее достижения. После Октября политическая культура, навыки управления, психология руководителей формировались в атмосфере чрезвычайщины, разрухи, голода, крайнего централизма управления. Немалую роль играла трактовка диктатуры пролетариата как подавления всех несогласных с ней, по отношению к которым не обязательно соблюдать нормы законности. Партия учила относиться к человеку в зависимости от его классовой принадлежности, терялось представление о том, что нравственно, т. к. считалось, что нравственно все то, что служит интересам пролетариата.

С окончанием Гражданской войны, выдвинувшихся в этот период коммунистов, пришедших к управлению производством на основе мандата, начинали, как отмечалось в партийных документах, «затирать», т. к. не каждый работник, выдвинувшийся в военный период, сумел приспособиться к новым условиям. Основных качеств, необходимых в условиях Гражданской войны, становилось явно недостаточно. Привыкшие к исполнению приказов сверху, не имевшие глубоких знаний в области экономики и управления, они терялись на производстве, которое все настойчивее требовало умения разбираться в рыночной обстановке, торговле и пр.

В мае 1921 г. в ЦК РКП(б) поступила докладная записка заместителя председателя Главного комитета государственных сооружений В. И. Гольдберга, в которой давалась резко негативная оценка деятельности «назначенным комиссарам в управ-

ление», «не смыслящим ничего в деле и тем самым дискредитирующим партию в целом». Подобные сведения об оценке специалистами коммунистов-назначенцев поступали и из других отраслей народного хозяйства¹.

На XI съезде партии Ленин выступил с крайне взвинченной и противоречивой речью, в которой он призывал «расстреливать из пулеметов» своих противников. Здесь он произносит сакраментальную фразу, что «гвоздь положения в людях, в подборе людей», тем самым, вскрывая, как тогда казалось, сущность многих дефектов и в процессе производства и в области управления.

Эту инициативу позднее, подхватывает и сам Сталин, который в ставшей уже легендарной речи перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г. провозгласил лозунг о том, что «кадры решают все».

Таким образом, на смену мятущейся речи В. И. Ленина, произнесенной им на XI съезде партии, пришла прямая, рубленая военная терминология И. В. Сталина. О рабочем классе он говорил как об «армии партии», массовые беспартийные аппараты для Сталина являлись «щупальцами в руках партии». О лицах, стремящихся через дискуссии, сопоставление различных точек зрения выяснять существо проблемы, он отзывался как «о вечно болтающих и ничего не решающих» и т. д.²

В 1920 г. 53 % коммунистов являлись служащими советских учреждений. Власть по форме оставалась советской, Советы продолжали функционировать, однако, советские органы постепенно теряли значение. Происходило сращивание партийного (большевистского) и советского аппаратов с переходом прерогативы принятия решений к партийным органам. Утверждался принцип единоначалия вместо провозглашенного первоначально безграничного советского коллегиального самоуправления. В. И. Ленин писал: «Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит... Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим» [9. Т. 40. С. 272].

Так, в течение нескольких лет была разработана концепция подчинения партийному аппарату всех государственных и хозяйственных органов. Объяснялось это желанием и стремлением развитие общества насильственно втолкнуть и направить по разработанным схемам и идеям. Первоначальное решение поставленной задачи через

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 667, лл. 104-106; ф. 17, оп. 3, д. 131, лл. 2, 3, 5.

² XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1923. – С. 49, 50, 181, 183.

прямое насилие не принесло желанных результатов. Если в первые годы Советской власти подобное насилие скрывала Гражданская война, то с ее окончанием всевозрастающая волна крестьянских выступлений, резкое падение и без того разрушенного войной производства, заставили руководство партии и государства отказаться от «кавалерийской атаки на капитал».

С образованием СССР многие черты государственного управления, сложившиеся в первые годы Советской власти, были упрочены. Коммунистическая партия оставалась ядром системы власти и инструментом управления государством. Постепенно был создан четкий механизм отбора, воспитания и проверки управленческих кадров. Для ответственных работников, занятых на разных этапах управления, была введена категория номенклатуры.

В условиях острой нехватки образованных кадров и огромной сложности географического, национального и хозяйственного строения страны, номенклатурная система имела большие достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это обусловило необычную эффективность советского государства в экстремальных условиях последующей индустриализации и войны.

Ряд авторов, освещающих эту проблематику, считают номенклатуру порождением именно послереволюционного периода, особенно периода Гражданской войны, когда было исключительно важно расставить своих людей на всех ключевых местах.

Так, В. Нефедов выделяет три этапа в зарождении номенклатуры: «Первый этап – этап замещения, который начался в результате февральской и, особенно, Октябрьской революции 1917 г., когда через Советы, завкомы, профсоюзные и партийные организации на смену старым царским, буржуазным бюрократам пришли десятки тысяч рабочих, солдат, интеллигентов, крестьян;

второй этап – этап штатной неопределенности, когда во время Гражданской войны в массовом (но неустойчивом) масштабе шло движение в государственный аппарат;

третий этап – стабилизационный (захлопывания дверей), когда уже в годы Гражданской войны устанавливались и тут же заполнялись «твердые» штаты в учреждениях на восстанавливаемых предприятиях, в органах советской и партийной власти всех уровней» [10. С. 19].

В то же время номенклатура как метод управления существовала и до Гражданской войны [8]. В рассматриваемом случае, как пример, можно привести обстоятельства составления списка первого состава правительства, предложенного для

утверждения II Всероссийскому съезду Советов. Однако в этот период, когда еще Советы действовали на основе многопартийности, это явление не могло иметь документального оформления в виде нормативного акта.

При этом, по сути, «фундаментальных» положений, непосредственно посвященных вопросам возникновения системы номенклатур в СССР, нет. Так, по мнению М. В. Зеленова, в качестве единственного содержательного источника по данному вопросу могут выступать «стенографические записи выступлений Сталина на заседаниях оргбюро, политбюро и пленумах ЦК при рассмотрении общих вопросов организации работы отделов секретариата или руководящих органов ЦК» [6. №1. С. 3–26; №2. С. 3–16].

Всестороннее исследование текущего дискурса по вопросам возникновения систем номенклатур приводит к выводу, что как политико-правовой субъект номенклатура нормативно оформляется вскоре после окончания Гражданской войны, осенью 1923 г. На протяжении своего существования номенклатуры не оставались неизменными, а ежегодно пересматривались, и в разные годы в них проходило разное число должностей. Однако во все периоды общей оставалась примерно одна и та же пропорция, введенная в марте 1926 г.: по Номенклатуре № 1 – 27,9 %; № 2 – 29,4 %; № 3 – 42,7 % всех назначений¹.

Итогом оформления систем номенклатур стал переход к «бережному и рациональному расходованию основного ресурса партии – партсил, все более широкому охвату и вовлечению в работу широких коммунистических масс»². При этом правящая партия обрела мощный инструмент власти, посредством которой все неугодные лица благополучно устранялись с крупных постов и отправлялись на второстепенные должности. С марта 1926 г. сторонники оппозиции в плановом порядке перемещались в глубокую провинцию [Там же].

Библиографический список

1. Бердяев, Н. Источники и смысл русского коммунизма [Текст] / Н. Бердяев. – Париж, 1990.
2. Большая Российская энциклопедия. Т. 7. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2007.
3. Гимпельсон, Е. Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы [Текст] / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 2004. – № 6.
4. Государственная служба (комплексный подход) [Текст]: учеб. пособие. – М.: Дело, 2000.
5. Декреты Советской власти [Текст]. – Т. 1. – М., 1957.

¹ РЦХДНИ, ф. 17, оп. 69, д. 142, л. 2.

² РЦХДНИ, ф. 17, оп. 34, д. 30, л. 3.

6. *Зеленов, М. В.* Рождение партийной номенклатуры [Текст] / М. В. Зеленов // Вопросы истории. – 2005. – № 1–2.

7. История КПСС. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

8. *Китаев, С. В.* Номенклатура как субъект социально-политической трансформации современной России [Текст]: дис. ... канд. полит. наук / Китаев С. В. – Волгоград, 2007.

9. *Ленин, В. И.* Речь о хозяйственном строительстве на IX съезде РКП(б) [Текст] / В. И. Ленин // Полное собрание

сочинений. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.

10. *Нефедов, В. Н.* Номенклатура империи: исследование кризиса [Текст] / В. Н. Нефедов. – Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятского кадрового центра, 1994.

11. *Павлов, Б. В.* Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921–1925 годах [Текст] / Б. В. Павлов // Вопросы истории. – 2004. – №1.

ОТДЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

ФГОУ ВПО «ВАГС»

**ПРЕДЛАГАЕТ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ ДОЛГОСРОЧНЫЕ
И КРАТКОСРОЧНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ СТАЖИРОВКИ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ,
А ТАКЖЕ ЯЗЫКОВЫЕ КУРСЫ
В ВЕДУЩИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ГЕРМАНИИ,
ФРАНЦИИ И США.
ПОМОЩЬ В ОФОРМЛЕНИИ
ВСЕХ НЕОБХОДИМЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПОКУПКА БИЛЕТОВ.**

Мы находимся: ул. Гагарина, д. 8, кабинет № 213.

Наши контакты:

Заведующий отделом – Тимачёва Елена Валерьевна

Телефон: 24-17-26

E-Mail: timacheva@vags.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.72

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. С. Субочев

Понятие и феномен социальной культуры принадлежат к числу малоисследованных объектов социологической науки. В статье предпринимается попытка исследования социальной культуры через рассмотрение организационной и корпоративной культур как единичных и особенных форм проявления социальной культуры. Этим понятием обозначаются социальные представления, ценности и нормы поведения людей, которые в совокупности обеспечивают регулирование совместной жизнедеятельности в обществе, региональных и местных сообществах по поводу условий жизни, образования, воспитания, отношений в быту и на досуге. При этом имеются в виду социальные отношения, в которых люди выступают не как индивиды, а как представители определенных социальных групп (семьи, образовательных, административно-управленческих и других трудовых коллективов, профессиональных, гендерных и возрастных групп, этнических общностей).

Ключевые слова: социальная сфера, общественная культура, социальная культура, социальные представления, ценности, нормы и правила социального поведения.

SOCIAL CULTURE AS THE REGULATOR OF SOCIAL SPHERE OF LIFE

N. S. Subochev

Concept and phenomenon of social culture belong to a number of hardly investigated objects of the Sociology. In the article the author tried to study social culture by means of considering organizational and corporative culture as one time and special forms of social culture manifestation. This concept covers social perceptions, values, norms of behaviour of people, and their complex enables regulation of collective life-sustaining activity in the society, regional and local communities connected with conditions of life, education, training, everyday and leisure relations, i.e. relations that people are involved in not as representatives of definite social groups (family, educational, administrative and management and other labour collectives, professional, gender and age groups, as well as ethnic entities).

Keywords: social sphere, societal culture, social culture, social perceptions, values, norms and rules of social behaviour.

Как известно, слово «культура» происходит от латинского «culture» и означает «возделывание, воспитание, образование». В Российской социологической энциклопедии она определяется как специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей и природы между собой и к самим себе. Культура также отражает особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретной сфере общественной жизни [1. С. 240]. Однако принципиальное положение о том, что сферы общественной жизни регулируются соответствующими формами культуры, далеко не всегда получает последовательную реализацию в науке и практике. Если понятия экономической культуры, духовной культуры, политической культуры

и правовой культуры, а в последние годы и экологической культуры прочно закрепились в научном лексиконе, то относительно социальной культуры как регулятора жизнедеятельности в социальной сфере этого сказать нельзя.

Хотя понятие социальной культуры было введено в научный лексикон еще в первой половине XX в. в рамках трехчастного деления культуры общества на материальную, духовную и социальную, встречается оно в отечественной и зарубежной литературе крайне редко, а специальные работы, насколько нам известно, отсутствуют вовсе. Возможно, это связано с тем, что социальная культура долгое время вообще не рассматривалась как особая форма и отождествлялась с обществом, растворяясь в материальной и духовной культурах. Если обратиться к учебным пособиям, которые тематически наиболее близки к данному предмету, то и в них зачастую не находим даже упоминания о социальной культуре [2].

Это обстоятельство резко контрастирует, бросается в глаза на фоне частого использования таких терминов, как «социокультурный фактор», «социокультурная среда» и т. п. Складывается парадоксальная ситуация: социальной культуры вроде бы и нет, а ее проявление в виде социокультурной среды и ее воздействия в виде социокультурных факторов имеют место быть, становятся не только предметом изучения, но и учитываются в практиках управления. Отсюда следует констатация: хотя культуральное содержание социальной сферы остается проблематичным, использование социокультурной терминологии неявно, имплицитно содержит признаки наличия неких свойств социальной культуры, которые нуждаются в раскрытии, экспликации.

Полагаю, что сложившееся положение обусловлено разными причинами. К ним относится объективная сложность структуры, функций и внешних проявлений социальной культуры, недостаточная степень осознания значимости ее для науки и практики. Однако не в последнюю очередь сложившееся положение объясняется тем, что поддающиеся эмпирическому исследованию конкретные формы социальной культуры только в последние десятилетия стали предметом специального социологического изучения, сначала за рубежом, а в настоящее время и в России. Такими конкретными формами, по нашему мнению, являются организационная и корпоративная культуры. Представляется, что взаимосвязь между ними и социальной культурой может быть представлена через диалектическое соотношение единичного (организационная культура), особенного (корпоративная культура) и общего (социальная культура).

Одни из немногих специалистов, кто использует понятие социальной культуры, Д. Ньюстром и К. Дэвис определяют ее как внешнюю среду существования человека, «которую формируют убеждения людей, их привычки, знания и практический опыт. Культура определяет принятое в обществе поведение и влияет на все действия индивидов (даже если они никогда об этом не задумываются)» [3. С. 87]. Здесь социальная культура выступает, с одной стороны, как продукт жизнедеятельности людей, а с другой – как культуральный фактор, оказывающие обратное воздействие на поведения и действия людей. К элементам социальной культуры авторы относят особенности поведения людей в процессе труда, способы принятия решений, отношение к власти, отношение к женщинам и принятый стиль руководства. Если к этому добавить, что продуктами социальной культуры они считают автомобиль, театральные спектакли, любимые блюда и организацию, в которой работает человек, то из этого

можно заключить, что здесь предлагается расширительная трактовка понятия «социальная культура». В его объем включаются культуры материального производства (автомобильного) и художественного творчества (театрального), бытовая культура питания и организационная культура.

Наряду с понятием социальной культуры авторы используют и понятие национальной культуры. Высказывая возражение против их отождествления, они обращают внимание на то, что «внутри национальной культуры могут существовать разные социальные культуры», иллюстрируя свое утверждение трагическими разногласиями между народами бывшей Югославии [Там же. С. 89]. Здесь, по нашему мнению, необходимо наряду с понятием «национальная культура» использовать понятие «этническая культура», эмпирический референт которого в многонациональном обществе не только имеет место быть, но и должен в обязательном порядке учитываться в социальном управлении.

В соответствии со своими профессиональными интересами Д. Ньюстром и К. Дэвис акцентируют внимание на экономической сфере и поведении работников в деловых организациях. В частности, они отмечают девальвацию принципов трудовой этики в молодежной среде, где этика удовольствий, желание интимности в личных отношениях и право жить на пособия, никак не связанные с участием в труде, становятся влиятельными, конкурирующими социальными ценностями.

Американский исследователь Хэл Рейни (вслед за У. Оучи) предпочитает использовать для обозначения всего многообразия культуры социума понятие «общественная культура» [4. С. 276], что представляется более корректным.

В монографии Э. А. Капитонова, Г. П. Зинченко и А. Э. Капитонова «Корпоративная культура: теория и практика» на базе выделения материальной, духовной и социальной сфер общества также предлагается выделение соответствующих видов культуры. Под материальной культурой здесь понимается все, что относится к взаимоотношениям человека со средой его обитания, к удовлетворению его потребностей дальнейшего существования, технологической стороне жизни. Под духовной культурой понимаются субъективные аспекты жизни, идеи, знания, язык, установки, религиозные верования, мораль и ориентирующиеся на них способы, образцы поведения. Помимо того, что авторы считают нужным отметить неразрывную связь в реальной действительности духовных и материальных элементов культуры, которая обуславливает *интегральный* духовно-материальный (духовно-практический) характер

многих социальных явлений, они приходят к весьма неожиданному заключению: «Данный факт фиксируется термином «социокультурный», отражающим пересечение духовного и социального, но без четкого его определения. Отсюда вытекает потребность (необходимость) выделения еще одного (наряду с духовным и материальным) элемента культуры – социальной культуры» [5. С. 52–53].

Как уже отмечалось, «социокультурная» терминология широко используется в научной литературе, к сожалению, без достаточно четкого определения ее содержания. Однако обусловлено это, на наш взгляд, не только пересечением духовного и социального, как полагают указанные авторы, но главным образом сложностью социальной сферы, ее взаимосвязей с другими сферами общества и недостаточным вниманием к разработке понятия «социальная культура» в социологической науке.

Тем не менее заслуга авторов цитируемой монографии видится в попытке предложить дефиницию социальной культуры. «Под **социальной культурой** понимается качественная характеристика осуществления людьми своей социальности, организации социальной жизни в рамках постоянно изменяющегося поля социальных образцов, норм, правил, ролей, конвенций и т. п. В ней социальное – это не только отличное от природного, экономического, индивидуального, но и совместное (коллективное) «со-бытие» людей: действий и взаимодействий в социальных группах, общностях, сообществах (корпорациях) в процессе их жизни и деятельности» [Там же. С. 53]. В этом плане выделяются обыденная социальная культура, реализуемая в повседневной практике и привычном образе жизни, и специализированная социальная культура, освоение которой требует специального профессионального образования.

Говоря о предназначении социальной культуры, авторы характеризуют ее как способ выживания и воспроизводства человека в социальной среде. При этом «правила игры» не задаются кем-либо извне, а вырабатываются членами ассоциаций в процессе накопления духовно-практического опыта социальной (коллективной) жизнедеятельности.

По нашему мнению, основное содержание, ядро социальной культуры образуют сложившиеся в социуме представления о человеке, обществе и государстве, о статусе различных социальных групп, социально-ролевые предписания и нормы социального поведения, регламентирующие межгрупповые и внутригрупповые социальные взаимоотношения. Социальная культура в отличие от индивидуальной культуры регламентирует взаимоотношения людей не как индивидуумов, а как представителей социальных групп. Ее влияние

обусловлено идентичностью, т. е. степенью, в которой граждане отождествляют, связывают себя конъюнктивными отношениями с обществом, региональным и местным сообществами.

В повседневном поведении следует разграничивать культуральные и психические проявления индивидуальной и групповой активности. В культуральных проявлениях индивид или группа ведут себя как принято, как должно, т. е. под влиянием социальных регуляторов, а в психических проявлениях доминируют рефлекс, аффекты и тому подобные преимущественно импульсивные регуляторы отклоняющегося поведения.

Между культурами, относящимися к разным сферам жизнедеятельности социума, существуют отношения взаимосвязи и взаимопроникновения. В зависимости от значимости тех или иных сфер и привлекательности видов жизнедеятельности формируются определенные социокультурные (когнитивные, эмоциональные и поведенческие) установки, которые реализуются не только в социальной, но и в экономической, духовной, политической и правовой сферах. Под определяющим влиянием социальной культуры изменяются духовная, экономическая, политическая, правовая, экологическая культура, которая регламентирует процессы взаимодействия общества и природы. В этой связи заслуживает поддержки суждение А. И. Пригожина о «социальной бедности», которая обуславливает материальную бедность российского общества. К социальной бедности он относит недостаток в обществе некоторых традиций и привычек, навыков, ценностных ориентаций, которые предопределяют хорошую или плохую работу масс людей, отношение к себе, друг к другу, изменение которых «каким-то чудесным образом» позволило бы решить все наши материальные проблемы [6. С. 692].

Более полное и определенным образом структурированное определение понятия социальной культуры можно вычленил из описательного определения общего понятия культуры, которое предлагает А. Н. Флиер. Для целей нашего исследования представим его в пронумерованном виде: «Культура – это:

1) «*возделанная*» среда обитания людей, организованная посредством специфических человеческих способов (технологий) деятельности и насыщенная продуктами (результатами) этой деятельности;

2) мир «*упорядоченных*» коллективов людей, объединенных системой отношений, коллективно решаемыми проблемами и опытом совместной жизнедеятельности;

3) мир *особых нормативных порядков, форм деятельности и образов сознания*, аккумулиро-

ванных и отобранных социальным опытом как приемлемых с точки зрения консолидированности и воспроизводства общества как социальной целостности;

4) мир «*возделанных*» личностей, чье сознание и поведение мотивируются и регулируются уже не столько биологическими, сколько социальными интересами и потребностями, общепринятыми нормами и правилами их удовлетворения, воплощенными в системах социальных целей, идеалов, ценностей, правил, обычаев, стандартов, методов социализации и инкультурации личности, и опредмеченных в специфических чертах технологий и продуктов человеческой деятельности;

5) мир *символических обозначений, явлений и понятий*, созданных людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, опыта, идей и т. п.;

6) мир *познания* – интеллектуальных и различных рефлексий бытия, способов расширения и упорядочения представлений о мире с целью практического преобразования, расширения объемов производства, распределения и потребления социальных благ;

7) мир *творчества* – открытия новых технологий материального и духовного производства;

8) мир «*культурных текстов*», фиксирующих все перечисленные формы социального опыта в различных знаковых системах» [7. С. 119–120].

Приведенное понятие может быть дополнено и уточнено, однако, нас в данном случае интересуют указанные компоненты с точки зрения представленности в них различных форм культуры и вычленения компонентов собственно социальной культуры. Под этим углом зрения к социальной культуре однозначно относятся второй, третий и четвертый компоненты, а именно:

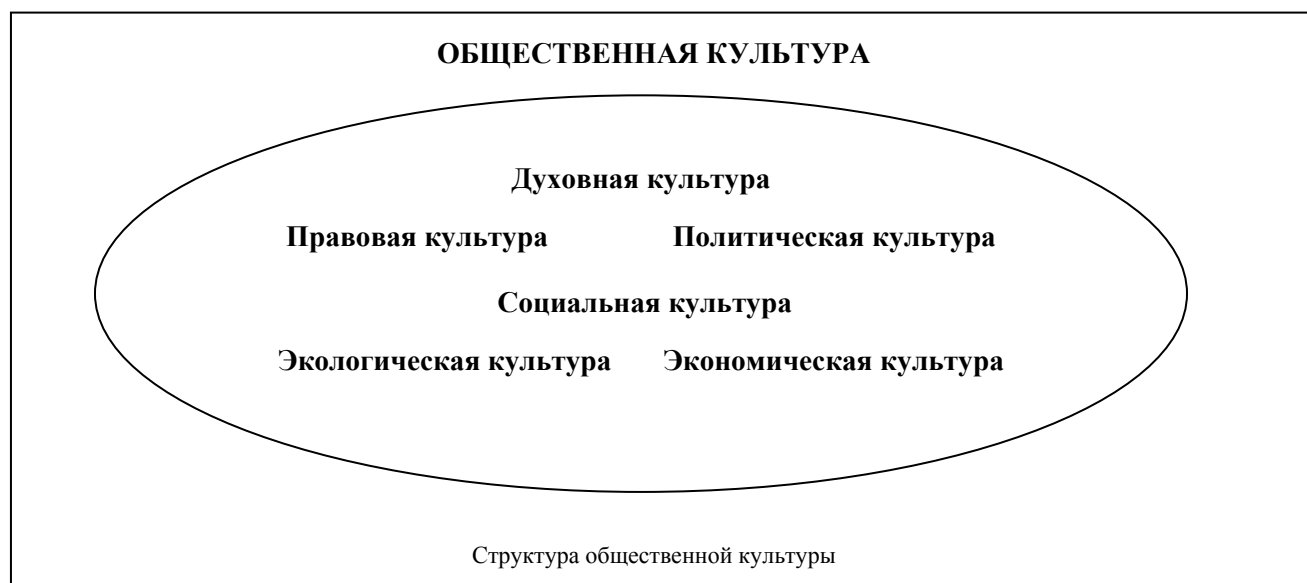
- мир «упорядоченных» коллективов людей, объединенных системой отношений, коллективно решаемыми проблемами и опытом совместной жизнедеятельности;

- мир *особых нормативных порядков, форм деятельности и образов сознания*, аккумулированных и отобранных социальным опытом как приемлемых с точки зрения консолидированности и воспроизводства общества как социальной целостности;

- мир «*возделанных*» личностей, чье сознание и поведение мотивируется и регулируется уже не столько биологическими, сколько социальными интересами и потребностями, общепринятыми нормами и правилами их удовлетворения, воплощенными в системах социальных целей, идеалов, ценностей, правил, обычаев, стандартов, методов социализации и инкультурации личности, и опредмеченных в специфических чертах технологий и продуктов человеческой деятельности.

Что же касается материальной, духовной, политической, правовой и экологической культур, то некоторые их элементы можно усмотреть во всех компонентах. Здесь проявляется системное качество культуры как целостности взаимопроницающих компонент, которые в большей или меньшей мере реализуются в указанных видах культуры. Так, например, к духовной культуре следует отнести шестой, седьмой и восьмой компоненты. К материальной культуре в данной дефиниции относятся элементы первого и седьмого компонента.

Центральное положение социальной культуры в общей культуре можно графически представить следующим образом.

Социальная культура функционирует на разных уровнях территориально-административного деления. Федеративное устройство России предопределяет наряду с федеральным, общегосударственным уровнем организации общества выделение в качестве относительно самостоятельных регионального (субъекты Федерации) и муниципального уровней.

В условиях недостаточной разработанности понятия «социальная культура», изученности его эмпирических референтов следует признать, что исследования организационной и корпоративной культур как единичных и особенных форм проявления социальной культуры актуализируют и стимулируют разработку понятия и феномена социальной культуры. Этим понятием будем обозначать *социальные представления, ценности и нормы поведения людей, которые в совокупности обеспечивают регулирование совместной жизнедеятельности в обществе, региональных и местных сообществах по поводу условий жизни, образования, воспитания, отношений в быту и на досуге*. При этом имеются в виду социальные отношения, в которых люди выступают не как индивиды, а как представители определенных социальных групп (семьи, образовательных, административно-управленческих и других трудовых коллективов, профессиональных, гендерных и возрастных групп, этнических общностей).

В национально-однородном обществе социальная культура является центральным компонентом национальной культуры, которая включает также экономическую, политическую, духовную, экологическую и правовую культуры. В многонациональном общественном образовании социальную культуру составляют общезначимые, разделяемые всеми членами сообщества или его большинством социальные представления, ценности и нормы. В этой связи следует заметить,

что религиозно-этнические конфликты в некоторых городах Западной Европы и России имеют, на наш взгляд, своим глубинным источником различия в социальной культуре коренного населения и мигрантов. Аналогичные конфликтотенные социокультурные условия создают угрозы государственной целостности России, предотвращение которых требует разработки и применения адекватных мер контроля и регулирования миграции, реализации программ социокультурной адаптации переселенцев.

Завершая рассмотрение социальной культуры, необходимо отметить, что именно благоустройство социальной сферы жизнедеятельности людей обуславливает потребность в формировании в нашем социуме осознанного представления о содержании и роли социальной культуры как регулятора социального поведения людей и групп в обществе, регионе, муниципалитете, в изучении данного феномена и разработке на этой основе методов модернизации сложившейся в современной России социальной культуры.

Библиографический список

1. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. – М.: Изд. группа ИНФРА-НОРМА, 1999.
2. *Осадчая, Г. И.* Социология социальной сферы [Текст]: учебное пособие для высшей школы / Г. И. Осадчая. – М.: Академический проект, 2003.
3. *Ньюстром, Д.* Организационное поведение [Текст] / Д. Ньюстром, К. Дэвис. – СПб.: Питер, 2000.
4. *Рейни, Х.* Анализ и управление в государственных организациях [Текст] / Х. Рейни; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002.
5. *Капитонов, Э. А.* Корпоративная культура: теория и практика [Текст] / Э. А. Капитонов, Г. П. Зинченко, А. Э. Капитонов. – М.: Изд-во «Альфа-Пресс», 2005.
6. *Пригожин, А. И.* Методы развития организаций [Текст] / А. И. Пригожин. – М.: МЦФЭР, 2003.
7. *Флиер, А. Н.* Культурология для культурологов [Текст] / А. Н. Флиер. – М., 2000.

УДК 316.752

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК ПОКАЗАТЕЛИ СИСТЕМНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

М. А. Анипкин

Основываясь на теоретическом подходе Д. Локвуда, в статье анализируются эмпирические показатели социальной и системной интеграций. Автор основывает свои выводы на эмпирическом исследовании, проведенном на территории Волгограда и Волгоградской области. В ходе анализа найдено подтверждение гипотезы о том, что преобладает социальная интеграция, в то время как системная интеграция нуждается в серьезном укреплении.

Ключевые слова: социальная интеграция, системная интеграция, социология региона, ценности, Волгоградская область.

**ORGANISATIONAL AND MORAL VALUES
AS AN INDEX OF SYSTEM AND SOCIAL INTEGRATION:
REGIONAL ASPECT**

M. A. Anipkin

The article is based on the theory of social and system integration by David Lockwood. The author tested specific empirical variables referring to social and system integration, namely organizational and moral values. The results of the survey confirmed the preliminary hypothesis that social integration seems to be more developed whereas system integration needs further improvement in the Volgograd Region.

Key words: social integration, system integration, regional sociology, values, the Volgograd Region.

Проблема социальной и системной интеграций была впервые теоретически обоснована английским социологом Дэвидом Локвудом [3. Р. 244–257] в 1964 г. и с тех пор довольно широко используется среди социологов на Западе для анализа различных процессов в обществе. Если говорить кратко, то системная интеграция относится к уровню социальных институтов (структур), а социальная интеграция – к уровню непосредственного межличностного взаимодействия. Все это укладывается в традиционную социоло-

гическую дихотомию «структура – действие». Мы попытались «приземлить» эту теорию на эмпирический уровень, проведя прикладное социологическое исследование в форме структурированных интервью в 2002 г. в Волгограде и Волгоградской области среди трех условных категорий: «интеллигенция», «чиновники» и «обычная публика». В качестве показателей социальной и системной интеграции были выбраны соответственно моральные и организационные ценности (табл. 1).

Таблица 1

Показатели социальной и системной интеграции отношений власти (общие)

Показатели системной интеграции отношений власти («организационные»)	Показатели социальной интеграции отношений власти, измерения доверия («моральные»)
Подчинение/исполнительность Профессионализм	Ответственность Порядочность Честность

В ходе статистического анализа мы попытались установить, существует ли ассоциация между соответствующими ценностями и социальными группами. В процессе исследования мы получили следующие результаты.

1. Кросстабуляция между подчинением и социальными группами

Как можно вывести из табл. 2 существует общая тенденция среди опрошенных респондентов несколько игнорировать необходимость подчинения

как важной ценности для представителей власти. Общее распределение ответов показывает, что подавляющее большинство во всех социальных группах выбрали опцию «менее важно» или «неважно вообще» (64,7 %), в то время как опцию «очень важно» или «важно» выбрали 18,3 % от общего числа респондентов. Это весьма существенная информация, поскольку нами было выбрано подчинение как один из самых важных индикаторов ценностей для организации, о чем и писал А. Этциони [2].

Таблица 2

Кросстабуляция между подчинением (исполнительностью) и социальными группами

Показатель		Социальные группы			Всего
		Обычная публика	Чиновники	Интеллигенция	
Подчинение (исполнительность)	Менее важно + неважно вообще	61,7 %	71,5 %	79,3 %	64,7 %
	Более или менее важно	18,2 %	13,0 %	13,0 %	17,0 %
	Очень важно + важно	20,1 %	15,4 %	7,6 %	18,3 %
Всего		100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

В то же самое время следует отметить, что процентное распределение варьируется среди социальных групп, т.е. можно заметить, что существует тенденция для ценности *подчинение* увеличивать свою значимость в случае обычной публики (20,1 %), снижая свою значимость в случае чиновников (15,4 %), снижаясь до 7,6 % в случае с интеллигенцией. Несмотря на то что разница в процентах не такая уж и существенная, основная тенденция очевидна – все опрошенные социальные группы выразили относительно общее мнение на роль подчинения для представителей власти. Таким образом, очевидным является безусловный контраст в ответах обычной публики и интеллигенции. Это не является сюрпризом, поскольку интеллигенция традиционно критично относится к безусловному подчинению, т. е. подчинение само по себе не оценивается ими высоко.

Chi Square тест показывает, что существует ассоциация между подчинением и социальными группами где *Chi Square* Пирсона равен 0,004, что меньше чем 0,05. Коэффициент *Cramer's V* равен 0,089. Этот коэффициент показывает относительную интенсивность ассоциации в сравнении с другими коэффициентами *Cramer's V*. В этом случае можно предположить, что значение коэффициента сравнительно низкое по сравнению с аналогичным в случае с профессионализмом (0,123). В случае с *подчинением* можно заключить, что интенсивность взаимоотношения между этим значением и социальными группами является относительно низкой. Тем не менее здесь самым главным фактом является то, что все еще существует ассоциация между исполнительностью (подчинением) и социальными группами.

Контрольная переменная *пол*. Если мы берем *контрольную переменную пол*, то мы видим наличие ассоциации в случае с женщинами, вместе с тем коэффициент интенсивности *Cramer's V* выглядит относительно низким (значение = 0,101). Здесь мы можем сделать вывод

о том, что исполнительность может зависеть от социальных групп в случае, когда пол выступает контрольной переменной, но мы не можем сделать вывод относительно направления возможной значимости этой ассоциации на основе имеющегося результата обработки данных. Целью настоящего эмпирического исследования является, прежде всего, выявление ассоциации между ценностями и тремя социальными группами. Переменные *пол*, *возраст* и *место проживания* играют вторичную роль в случае данного исследования, поскольку помогают осуществить более аккуратный статистический анализ посредством *SPSS*.

Контрольная переменная *возраст*. Здесь существует ассоциация в случае респондентов, возраст которых падает на 31–50 лет. Тем не менее нам необходимо посмотреть на всю переменную, чтобы сделать вывод относительно ассоциации. Коэффициент *Cramer's V* является относительно высоким, чем в предыдущем случае (значение = 0,180). Мы можем предположить, что в данном случае подчинение может зависеть от социальных групп, когда контролирующей переменной является возраст. Тем не менее, как и в предыдущем случае, невозможно установить направление этой ассоциации, поскольку потребовало бы специального статистического анализа, имеющего целью изучить эту специфическую социологическую проблему.

Контрольная переменная *место проживания*. Здесь существует ассоциация в случае с городом Волгоградом. Коэффициент *Cramer's V* (значение = 0,109) меньше чем в предыдущем случае, но все же несколько выше, чем в случае с полом. Представляется возможным заключить здесь, что подчинение также может зависеть от социальных групп, в случае, когда контролирующей переменной является место проживания, но это утверждение все же остается гипотетическим без возможности установления направления такой ассоциации (взаимосвязи). Как и в предыдущем случае здесь необходимо было бы

провести специальное исследование этого аспекта в рамках теоретической схемы с помощью отдельного эмпирического исследования, что не является целью настоящей работы.

2. Кросстабуляция между ценностью профессионализм и социальными группами

Профессионализм является другой организационной ценностью для нашего анализа.

Таблица 3

Кросстабуляция между профессионализмом и социальными группами

Показатель		Социальные группы			Всего
		Обычная публика	Чиновники	Интеллигенция	
Профессионализм	Менее важно + неважно вообще	26,7 %	11,3 %	12,9 %	23,4 %
	Более или менее важно	20,6 %	17,7 %	14,0 %	19,6 %
	Очень важно + важно	52,6 %	71,0 %	73,1 %	57,0 %
Всего		100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

Таблица 3 показывает, что подавляющее большинство (57 %) рассматривает профессионализм как важную ценность для представителей властей, в то время как только 23,4 % опрошенных выбрали опцию «менее важная + не важная вообще». Существует очевидная тенденция в случае с чиновниками и интеллигенцией воспринимать эту ценность достаточно одинаковым образом. Эти ответы распределяются следующим образом (чиновники/интеллигенция соответственно): «очень важно + неважно» – 71/73,1 %, «менее важно + неважно вообще» – 11,3/12,9 %. В случае с обычной публикой несоответствие в ответах несколько более очевидно, но тенденция в принципе та же самая. Говоря другими словами, интеллигенция и чиновники в данном случае смотрят на вещи практически одинаково, контрастируя свое мнение с обычной публикой. Объяснение такого распределения представляется ясным: среди интеллигенции и чиновников более высок процент людей, имеющих профессиональную подготовку, предполагающих высшее образование. *Chi Square* тест показывает, что существует взаимосвязь (ассоциация) между ценностью *профессионализм* и социальными группами и интенсивность этой ассоциации относительно выше, чем в случае с подчинением (коэффициент *Cramer's V* равен 0,123 здесь против 0,089 в предыдущем случае).

Контролирующая переменная *пол* демонстрирует ассоциацию в обоих случаях (мужчин и женщин). В случае мужчин, коэффициент *Cramer's V* относительно низок (0,109) в сравнении со случаем женщин (0,150). Можно заметить, что пол является единственной переменной, которая демонстрирует ассоциацию в случае всех ее индикаторов (мужчин и женщин), т. е. мы можем заключить, что ценность *профессионализм* зависит от социальных групп, где пол

является контролирующей переменной. Тем не менее мы должны здесь подчеркнуть, что не можем изучить направление этой ассоциации, например, нельзя сказать предпочитают ли респонденты-женщины ценность *профессионализм* больше чем мужчины, и наоборот. Здесь мы можем говорить об ассоциации между профессионализмом и социальными группами и эта ассоциация статистически доказана в данном случае посредством контролирующих переменных. Что касается контролирующей переменной *возраст*, то здесь существует ассоциация в двух случаях: в случае с группой респондентов между 31 и 50 годами (коэффициент *Cramer's V* 0,120) и в случае тех, кто старше 51 года (коэффициент *Cramer's V* 0,153).

Контролирующая переменная *место проживания* указывает на ассоциацию в случае города Волгограда. Здесь коэффициент *Cramer's V* равен 0,171, что является самым высоким уровнем интенсивности из всех других переменных в случае с профессионализмом. Полагаем, возможно гипотезировать здесь, что более высокий коэффициент *Cramer's V* в случае города Волгограда объясняется тем, что большинство профессиональных позиций очевидно сконцентрировано именно в Волгограде как областном центре. Город Волгоград является столицей Волгоградской области и самым крупным городом, насчитывающим около одного миллиона человек. Волгоград был одним из важнейших промышленных центров советской экономики в свое время. Тем не менее, поскольку в ходе экономической либерализации начала 1990-х гг. сектора тяжелой индустрии и военного производства экономики города Волгограда перестали иметь былое значение, это привело к маргинализации социальных групп, связанных с этими секторами. Речь идет об инженерах и высококвалифицированных

рабочих, прежде всего. Несмотря на это, подавляющее большинство профессиональных позиций все же сконцентрировано в Волгограде, нежели чем в аграрных районах области. Таким образом, респонденты из города Волгограда с очевидностью должны быть более озабочены профессионализмом как важной ценностью для представителей власти и это именно то, что демонстрируют наши статистические данные.

Представляется интересным отметить, что, даже несмотря на тот факт, что подчинение и профессионализм являются в данном случае организационными ценностями, респонденты оценивают их по-разному. Важность профессионализма сочетается с относительной неважностью подчинения. В то же самое время это с необходимостью не означает, что люди пренебрегают подчинением полностью и для них это является абсолютно несущественным качеством для функционирования аппаратов власти. Это означает, что подчинение не было поставлено на первое место респондентами относительно других ценностей. Можно также предположить то, что люди скептически настроены относительно этой важнейшей организационной ценности, означает одно – они не видят результатов функционирования соответствующих органов власти.

При обнаружении этой темы с британскими коллегами, они задали вопрос: «Им не нравится подчиняться... Означает ли это, что они не следуют правилам, не выполняют задачи в соответствии с инструкциями и не слушают своих руководителей?». Это, конечно же, являлось бы свидетельством полной анархии. Вместе с тем, если мы посмотрим на таблицы, то заметим сложность анализа проблематики подчинения. В частности, если мы взглянем на случай с «дистанцией власти» мы можем предположить, что в российской практике иногда слишком много подчинения, вследствие авторитаризма в отношениях власти. Люди могут поэтому не доверять государственным и муниципальным властям как институтам.

Можно и дальше теоретизировать относительно того, почему подчинение получило столь низкий рейтинг со стороны респондентов как ценность. Полагаем, что это можно воспринимать как достаточно четкий индикатор того, что респонденты делают посыл следующего содержания: «Нас не устраивает то, что делают представители власти. Нас не устраивает, как функционирует государственный аппарат. Мы не верим, что подчинение (исполнительность) позволит решить существующие проблемы в государственной службе, в силу высокого уровня коррупции и общей неэффективности». Последние замечания подтверждаются результатами анкетного опроса, когда респондентов спрашивали напрямую оценить функциональность региональных властей и уровень коррупции власти в целом.

3. Кросстабуляция между ответственностью и социальными группами

Таблица 4 показывает, что моральная ценность *ответственность* воспринимается респондентами как довольно важная ценность всеми категориями опрошенных социальных групп.

Следует отметить, что в этом случае распределение ответов представляется более гомогенным, чем в случае с организационной ценностью подчинения. В частности, опция «очень важно + важно» была выбрана 39,5 % из всех респондентов, а опцию «менее важно + неважно вообще» отметили 34,7 %, что всего лишь на несколько пунктов меньше чем в предыдущем случае. Очевидно, что ответы опрошенных чиновников и интеллигенции представляются более однородными, чем ответы обычной публики, но в целом разброс вовсе не большой. Говоря другими словами, табл. 4 демонстрирует малый уровень разногласий относительно ценности «ответственность». *Chi Square* тест показывает, что нет ассоциации между ответственностью и социальными группами (см. табл. 4). Контролирующие переменные *пол, возраст и место проживания* также не демонстрируют никакой ассоциации в данном случае.

Таблица 4

Кросстабуляция между ответственностью и социальными группами

Показатель		Социальные группы			Всего
		Обычная публика	Чиновники	Интеллигенция	
Ответственность	Менее важно + не важно вообще	35,3 %	32,0 %	33,7 %	34,7 %
	Более или менее важно	24,4 %	30,4 %	30,4 %	25,8 %
	Очень важно + важно	40,3 %	37,6 %	35,9 %	39,5 %
Всего		100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

4. Кросстабуляция между порядочностью и социальными группами

Как можно вывести из табл. 5, ценность *порядочность* представляется важной в целом, поскольку общее распределение составляет 44 %, опережая опцию «менее важно + неважно вообще» на несколько пунктов (36,6 %).

Вместе с тем, если мы посмотрим на распределение ответов между социальными группами, мы заметим, что в случае с чиновниками то же самое соотношение демонстрирует довольно малую разницу (39 и 38,2 % соответственно). В то же самое время можно заключить, что респонденты по-прежнему рассматривают порядочность как важную ценность для них самих в работе. Более того, срединный индикатор «более или менее важно» вероятно подтверждает нашу

посылку о важности порядочности в секторе государственной и муниципальной службы. Что касается интеллигенции, эта категория демонстрирует более осторожное отношение к сочетанию опций «более или менее важно» и «менее важно + неважно вообще», поскольку дистанция между этими ответами является наименьшей среди всех социальных групп (24,7 и 28 % соответственно). *Chi Square* тест показывает, что нет ассоциации между ценностями и социальными группами. Контролирующие переменные *пол* и *место проживания* не показывают никакой ассоциации, в то время как контролирующая переменная *возраст* демонстрирует низкую интенсивность ассоциации (коэффициент *Cramer's* равен 0,158).

Таблица 5

Кросстабуляция между порядочностью и социальными группами

Показатель		Социальные группы			Всего
		Обычная публика	Чиновники	Интеллигенция	
Порядочность	Менее важно + не важно вообще	37,4 %	38,2 %	28,0 %	36,6 %
	Более или менее важно	18,2 %	22,8 %	24,7 %	19,4 %
	Очень важно + важно	44,4 %	39,0 %	47,3 %	44,0 %
Всего		100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

5. Кросстабуляция между честностью и социальными группами

В соответствии с данными табл. 6 ценность *честность* рассматривается как важная 41,6 % от общего числа респондентов, в то время как вариант «менее важно + не важно вообще» был выбран 40,3 % респондентов. Другими словами, можно предположить, что разрыв практически минимален между этими двумя вариантами ответов.

Срединная опция «более или менее важно» получила 18,1 % общего распределения ответов. Распределение процента между различными социальными группами демонстрирует очень высокий уровень приближения между ответами чиновников и интеллигенции. Опция «менее важно + не важно вообще» получила соответст-

венно 46,3 и 45,7 %, опция «очень важно + важно» – 38,2 и 37 %, и опция «более или менее важно» получила 15,4/17,4 %. Обычная публика продемонстрировала большую озабоченность относительно важности честности в сфере государственной службы (42,7 % выбрали вариант «очень важно + важно»). Вместе с тем в целом можно заключить, что анализируемая ценность воспринимается респондентами из всех социальных групп как достаточно важная.

Проведенный анализ показывает отсутствие ассоциации между ценностью *честность* и социальными группами. Контролирующие переменные *пол*, *возраст* и *место проживания* также демонстрируют отсутствие ассоциации.

Таблица 6

Кросстабуляция между честностью и социальными группами

Показатель		Социальные группы			Всего
		Обычная публика	Чиновники	Интеллектуалы	
Честность	Менее важно + не важно вообще	38,7 %	46,3 %	45,7 %	40,3 %
	Более или менее важно	18,6 %	15,4 %	17,4 %	18,1 %
	Очень важно + важно	42,7 %	38,2 %	37,0 %	41,6 %
Всего		100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

Выводы

Данные статистического анализа результатов эмпирического исследования показывают, что самыми важными ценностями являются: профессионализм (57 % всего), порядочность (44 % всего), честность (41 % всего) и ответственность (39,5 % всего). Наименее важной ценностью является подчинение (18,35 % всего). Представляется важным тот факт, что только профессионализм достиг отметки более 50 % от всего распределения ответов респондентов. Другими словами, только организационные ценности были обозначены как наиболее важные (в случае с профессионализмом) и как наименее важные (подчинение) в то же самое время. Можно здесь предложить гипотезу, объясняющую существенную разницу в рейтинге организационных ценностей, но никак не моральных ценностей. Объяснение может находиться в наличии проблем в государственном аппарате. Какие именно проблемы можно попытаться идентифицировать здесь на основе настоящих результатов?

Первое возможное предположение может быть связано с тем, что есть большая проблема с профессионализмом среди представителей государственных и муниципальных структур власти. Респонденты выбрали именно эти проблемы, поскольку внимание к ним (проблемам) очевидно. Это абсолютно нормальная реакция людей приписывать большую важность вещам, в которых они испытывают недостаток. Поскольку очевиден недостаток профессионализма, респонденты и обозначили профессионализм как наиболее важную ценность для представителей власти. Что касается подчинения, то очевидно, что оно, по их мнению, не столь важно как профессионализм или моральные ценности. Возможно, такой результат можно объяснить тем, что в российской истории на практике всегда было слишком много подчинения, которое не делало систему более функциональной, если брать подчинение само по себе.

В России действительно было слишком много сервильности в отношениях власти, в связи с чем люди не видят оснований для высокой оценки подчинения. Сказанное означает, что существует серьезная проблема в системной интеграции отношений власти. Представляется важным тот факт, что более информированные респонденты в силу своего положения и образования (чиновники и интеллигенция) наивысшим образом оценили важность профессионализма – 71 и 73,1 % соответственно. Думаем, что этот результат можно назвать в буквальном смысле слова кричащим. Это означает, что одна из важнейших характеристик функционирования организации по существу

отсутствует, а это является проблемой системной интеграции.

Представляется, что существует и другая сторона этой проблемы: отсутствие профессионального управления в публичном секторе на фоне низкого рейтинга подчинения может усиливать авторитарные тенденции, поскольку авторитаризм может являться единственным средством решения проблемы неэффективности всех уровней государственного и муниципального аппаратов. Аргумент «восстановления порядка и подчинения» может быть использован и для усиления авторитарных тенденций в обществе. Хорошим примером для иллюстрации указанной тенденции в контексте Российской Федерации являются исследования Крыштановской [1. С. 158–180], которая весьма глубоко изучает структуру и динамику российской политической элиты. По ее наблюдениям, после прихода В. В. Путина к власти начался процесс назначения кадров из силовых и специальных структур на различные высокие должности в государственном аппарате. Процесс назначения бывших армейских офицеров или офицеров спецслужб на позиции в госаппарате до сих пор является очевидным в современной России. Причина этого, на наш взгляд, достаточно проста: это делается для того, чтобы сделать систему более контролируемой. Тем не менее практически ничего не было сделано до сих пор для усиления профессиональной стороны организационного поведения властей. Таким образом, на уровне системной интеграции отношений власти очевидны весьма существенные проблемы организационного характера.

Что касается других аспектов ценностного анализа, представляется важным сделать следующий вывод. В соответствии с данными эмпирического исследования только организационные ценности (подчинение и профессионализм) имеют ассоциацию с другими социальными группами, в то время как ценности, относящиеся к моральному измерению (честность, порядочность и ответственность) не имеют такой ассоциации. Поэтому можно заключить, что моральные ценности могут быть идентифицированы как некие универсальные паттерны, которые структурируют отношения власти, вне зависимости от принадлежности к социальной группе, включая по таким переменным, как *пол*, *возраст* и *место проживания*. Вместе с тем следует оговориться в целях аккуратности научного анализа, что в случае с ценностью *порядочность* существует ассоциация по контролирующей переменной *возраст* (18–30 лет), но мы должны оговориться, что данный случай не покрывает все индикаторы переменной *возраст*. Другими

словами, основываясь на анализе данных можно выдвинуть гипотезу, что моральные ценности представляются более интегрированными, чем организационные, поскольку они не зависят от специфических демографических характеристик, таких, как пол, возраст, место проживания (следовательно, ценности не зависят от этого). Также важным представляется отметить, что моральные ценности более интегрированы, поскольку общее распределение предпочтений между ними является более гомогенным. Например, опция «очень важно + важно» не значительно варьируется между тремя ценностями: 44 %, 41,6 % и 39,5 %, в то время как существует значительное несоответствие между исполнением и профессионализмом, как было показано выше.

Другим важным выводом является то, что респонденты в Волгоградской области имеют тенденцию к тому, чтобы использовать моральное измерение отношений власти или, по крайней мере, моральное отнесение играет важную роль. Это подтверждает широко распространенный теоретический вывод о том, что персонификация власти свойственна российской политической культуре. В любом случае, демонстрируемые результаты, по крайней мере, не оспаривают эту идею и показывают очевидный упор на моральное агентство и моральную ответственность для акторов.

Тем не менее возникает вопрос, можно ли экстраполировать эту картину на остальные российские регионы и, следовательно, на Российскую Федерацию в целом. Поскольку настоящее исследование это своего рода кейс-стади, лимитированное исследовательскими задачами, мы не имели целью развивать экстраполяции подобного рода. Если бы мы хотели этого, то мы бы сравнили результаты аналогичных исследований в других регионах России, и только после этого сделали бы вывод о легитимности перехода к более широким экстраполяциям.

Несмотря на то что может возникнуть необходимость выстраивания других моделей для обобщения выводов, настоящий анализ, представленный в данной статье, подтверждает тот факт, что социальная интеграция отношений

власти на региональном уровне имеет более высокую степень, в то время как системная интеграция отношений власти представляется относительно низкой. Основываясь на методологическом подходе Питирима Сорокина относительно ценностей как основного объекта для интеграционного анализа, можно гипотезировать, что едва ли существует согласованная система организационных ценностей, одинаково разделяемая представителями власти и обычной публикой применительно к Волгоградской области, что, возможно, также характерно для других регионов России. В такой ситуации, следуя подходу Сорокина, мораль и моральные ценности должны играть более важную роль для установления функциональной системы отношений власти. Этот вывод, в то же самое время поднимает проблему вовлечения интеллектуалов в процесс реализации власти. Эта проблема может иметь более широкий контекст, насколько российское общество в целом вовлечено в политический процесс? Нет широкой публичной дискуссии по основным социальным и политическим проблемам ни среди обычной публики, ни среди профессиональных политиков в России в настоящее время. Ситуация достигла точки абсурда, когда в конце 2006 г. спикер Государственной думы вполне серьезно сказал следующее: «Дума не место для дискуссии». Если парламент «не место для дискуссии», то общество тем более не может обладать такой привилегией. В то же самое время, основываясь на результатах эмпирического анализа данного исследования, можно предположить, что значительная часть российского общества не согласилась бы с процитированным тезисом.

Библиографический список

1. Крыштановская, О. Режим Путина: либеральная милитократия? [Текст] / О. Крыштановская // *Pro et Contra*. – 2002. – Том 7. – №4.
2. Etzioni, A. A comparative Analysis of Complex Organizations. On Power, Involvement, and Their Correlates [Text] / A. Etzioni. – New York: The Free Press, 1961.
3. Lockwood, D. Social integration and system integration [Text] / D. Lockwood // *Explorations in social change*. – London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

УДК 316.772.5

ПОРТРЕТ РОССИЙСКОЙ АУДИТОРИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТ

Е. Е. Рябцева, О. И. Лосенков

Статья посвящена анализу качественных и количественных характеристик российской Интернет-аудитории. Авторы делают попытку создать коллективный портрет Интернет-пользователей, обращают внимание на ценностные и политические предпочтения пользователей из различных регионов России и Астраханской области.

Ключевые слова: Интернет-аудитория, Интернет-пользователи, политические предпочтения, демографические характеристики.

AN IMAGE OF RUSSIAN INTERNET USERS

E. E. Ryabtseva, O. I. Losenkov

The article deals with the analysis of qualitative and quantitative characteristics of Russian Internet-audience. The authors made the opportunity to create the collective portrait of Internet-users, paid special attention at the political attitude of Internet-users from different regions of Russia, including Astrakhan.

Keywords: Internet-audience, Internet-space, political attitude, demographical characteristics.

Эффективность Интернет-технологии во многом зависит от аудитории (Интернет-пользователей), использующей эту технологию. Вплоть до середины 90-х гг. Интернет-пользователи в России обычно рассматривались в качестве своего рода элитарного сообщества талантливых и достаточно состоятельных в материальном плане энтузиастов, поскольку работа в сетевой среде была связана с необходимостью освоения значительного большего по сравнению с сегодняшним объема технических знаний и навыков, требовавшихся для создания домашних страниц и сайтов, а также приобретения довольно дорогого по тем временам оборудования.

Серьезные социологические исследования российской сетевой аудитории, включая анализ ее политических предпочтений, стали проводиться не ранее 1996 г., когда Интернет перестал быть «вещью для избранных» и начал становиться массовым феноменом, поскольку число его пользователей превысило полмиллиона человек. Одно из первых систематических исследований аудитории российского Интернета было предпринято компанией КОМКОН, возглавляемой П. К. Залеским. Результаты этого исследовательского проекта, получившего название «Web-вектор», позволяют проследить рост численности российской Интернет-аудитории, начиная с 1997 г. Комментируя факторы роста российской Интернет-аудитории, П. К. Залеский подчеркивал: «Мощным толчком для взрывного развития российского Интернета послужили, с одной стороны, августовский дефолт 1998 г. и, с другой стороны, избирательная кампания 1999–2000 гг. Финансовый кризис серьезно потрепал телевизионную индустрию и рекламный рынок. Осенью 1998 г. рекламодатели в России впервые всерьез обратили внимание на Интернет и как на канал оперативной экономической информации, и как на более дешевый, но весьма

эффективный рекламоноситель...» [1. С. 119]. Следующий импульс развитию Сети в России был придан думскими и, в несколько меньшей степени, президентскими выборами. По свидетельству Ю. Ю. Перфильева, практически все партии и движения, которые до этого не имели собственных сайтов, постарались их завести. Тогда впервые появились информационные ресурсы, освещающие ход предвыборных кампаний и результаты выборов, возникали сайты крупных политиков и гораздо оперативнее обновлялись уже имевшиеся к тому времени информационные ресурсы. Интернет стал удобной информационной площадкой для вброса в общество компрометирующих материалов на ту или иную политическую силу, так как практически никаких ограничений на характер помещаемой в Сети информации нет. Ю. Ю. Перфильев называет компромат «второй после выборов движущей силой политического Рунета» [3. С. 145]. Но как бы то ни было выборы 1999 г. и 2003 г. в целом знаменовали коренной перелом в сознании политиков в отношении использования Интернет. Сегодня вы не встретите политика или политическую партию, у которой бы не было своего сайта. На листовках и плакатах политических лидеров можно найти адрес электронной почты. А некоторые политические партии рассылают свои агитационные материалы по электронной почте.

Таким образом, одним из факторов, оказавшим заметное влияние на развитие Интернета в России в конце 90-х гг., стала политическая коммуникация.

Еще в 2002 г. энтузиасты развития глобальной Сети насчитывали в нашей стране 10 млн. регулярных пользователей Интернет. И вот всего за 2–3 года число постоянных посетителей просторов Интернета практически удвоилось. В ближайшие годы по числу «граждан информационного общества»

Россия может обогнать таких ближайших соперников, как Франция (с 23 млн. пользователей), Италия (около 25 млн. пользователей) или даже Бразилия (27 млн. пользователей) [2. С. 88].

В случае успешной реализации федеральных программ, таких, как «Электронная Россия» или программы развития ИТ-технопарков, наша страна имеет все шансы выйти на среднеевропейский уровень не только по общему числу пользователей Сети, но и по доле «интернетчиков» в общей численности населения. Пока же по относительной величине регулярных посетителей Интернета Россия заметно отстает от стран с близким количеством пользователей. Если в нашей стране доля регулярных пользователей составляет 21 % взрослого населения, то в Бразилии эта доля 22 %, Испании – около 47 %, а во Франции – около 48 %.

По данным авторитетного агентства по социологическим опросам ROMIR Monitoring, на первый квартал 2005 г. количество пользователей Интернета в России, тех, кто регулярно выходит в Сеть хотя бы 1–2 раза в неделю, составляло 10 % населения, а в 2006 г. – 15 % [7].

По данным опроса «Интернет в России / Россия в Интернете», проведенного Фондом «Общественное мнение» зимой 2005–2006 гг., 21 % населения страны или 23,8 млн. человек уже являются Интернет-пользователями. Для корректного сопоставления с данными международных опросов к общему числу пользователей Интернета относятся все, кто положительно ответил на вопрос «Приходилось ли Вам лично пользоваться Интернетом? Если да, то когда Вы лично пользовались Интернетом в последний раз?», и кто указал один из следующих вариантов: «в последние сутки», «в последнюю неделю»,

«в последний месяц», «в последние три месяца», «в последние полгода». Таким образом, к общему числу пользователей Интернета в каждой стране относится суммарная величина «шестимесячной», «трехмесячной», «месячной», «недельной» и «суточной» Интернет-аудитории. Как показали опросы, «суммарная» Интернет-аудитория в нашей стране увеличивается. Если весной 2003 г. опросы фиксировали в России 11,5 млн. пользователей, то весной 2004 г. – уже 14,9 млн., а весной этого года – еще на 4 млн. человек больше. Другими словами, по сравнению с 2002 г. российская Интернет-аудитория не только удвоилась, но и продолжает расти с возрастающим темпом [4].

При этом за три зимних месяца 93 % от общего числа Интернет-пользователей хотя бы раз выходили в Сеть – это рекордный показатель пользовательской активности за историю российского Интернета согласно отчетам ФОМ. Месячная аудитория Сети в 2006 г. составила 20,1 млн. человек (18 % россиян) [6], что составляет 34,9 % от общего числа пользователей. Это свидетельствует о том, что Интернет становится массовым явлением в нашей стране. Массовое использование Интернета, с одной стороны, является основанием для притока инвестиций и более бурного развития Интернет-сегмента рынка. С другой стороны, растет интерес к информации об этом сегменте рынка в целом, его отдельных составляющих.

Порог в 10 % населения характеризует массовое использование любой новой технологии. Это же относится и к росту пользователей Интернета, и к росту числа регистраций новых доменных имен. В России этот порог уже преодолен (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста численности пользователей Интернет в России

Период времени	Пользовались Интернетом хотя бы один раз за:									
	6 месяцев (шестимесячная аудитория)		3 месяца (трехмесячная аудитория)		1 месяц (месячная аудитория)		неделю (недельная аудитория)		сутки (суточная аудитория)	
	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.	%	млн. чел.
Осень 2002	8	8,7	7	7,6	6	6,5	4	4,6	2	2,1
Зима 2002–2003	9	9,6	8	8,7	7	7,7	5	5,5	3	2,8
Весна 2003	10	11,5	9	10,5	8	8,9	6	6,4	3	3,2
Лето 2003	11	12,1	10	10,8	8	9,0	6	6,1	3	3,0
Осень 2003	12	13,1	10	11,6	9	9,9	6	6,9	3	3,2
Зима 2003–2004	13	14,6	12	13,3	10	11,6	7	8,2	3	3,8
Весна 2004	14	14,9	12	13,7	11	12,0	8	8,5	4	3,3
Лето 2004	15	16,9	14	15,5	12	13,4	9	9,5	5	5,0
Осень 2004	16	17,3	14	15,7	12	13,7	9	10,1	5	5,5
Зима 2004–2005	16	17,6	15	16,0	13	14,2	9	10,3	5	5,2
Весна 2005	17	18,9	16	17,5	14	15,5	10	11,0	5	5,7
Лето 2005	19	20,9	17	18,9	15	16,1	10	11,2	5	5,9
Осень 2005	20	21,7	18	19,7	16	17,5	12	12,9	6	6,8
Зима 2005–2006 *	21	23,8	20	22,2	18	20,1	13	15,1	7	8,0

* Общая численность населения 18+ уточнена по детальным результатам Всероссийской переписи 2002 г. (113,8 млн. чел. вместо 110,4 млн. чел.)

Источники: <http://www.fom.ru/projects/23.htm>

Эти величины недалеки от недавно представленных результатов «Рамблера»: «В последние годы данные социологов и Интернет-счетчиков о месячной аудитории российского Интернета стали очень близки, – отмечает Леонид Делицин, аналитик компании. – Так, на конференции *E-Target* мы озвучили оценку январской аудитории в 20,2 млн. человек, основанную на данных рейтинга *Rambler's Top 100*. ФОМ получил 20,1 млн. в зимний месяц».

В недельную аудиторию Интернета, согласно ФОМ, вошли 15,1 млн. россиян (13 %). Эти пока-

затели выше аналогичных от «Рамблера». Как отметил Борис Овчинников, директор аналитического департамента *J'son&Partners*: «Темпы роста недельной аудитории – 47 % за четыре квартала. По нашей оценке, основанной на показателях динамики посещаемости ведущих веб-ресурсов и на мониторинге показателей Интернет-провайдеров, рост аудитории за год составил около 30 %» [6].

По данным Фонда «Общественное мнение», самую большую группу пользователей Интернета по состоянию на 2006 г. составляет молодежь в возрасте 18–24 лет – 38 % (табл. 2).

Таблица 2

Возраст	Осень 2002	Зима 2002/03	Весна 2003	Лето 2003	Осень 2003	Зима 2003/04	Весна 2004	Лето 2004	Осень 2004	Зима 2004/05	Зима 2005/06
18–24 года	21	25	28	29	32	34	34	37	38	38	38
25–34 года	13	14	18	20	19	23	23	26	26	28	27
35–44 года	8	8	10	10	12	13	14	15	16	18	18
45–54 года	4	4	5	6	7	8	8	9	10	12	13
55 лет и старше	1	1	1	1	1	1	1	2	2	4	4

Примечание. Таблица составлена по данным ФОМ.

Исследование, проведенное в марте 2006 г. Центром социологических и маркетинговых исследований *Socium*, показало, что Интернетом пользуются 85,9 % московских студентов. Целью опроса явилось изучение общественного мнения столичного студенчества об Интернете. Всего были опрошены 589 респондентов по выборке, представляющей студенческую молодежь Москвы, в зависимости от статуса вуза (государственные или коммерческие), специализации факультетов (гуманитарные или естественные) и по основным социально-демографическим признакам.

Из всех опрошенных только 12,5 % студентов не пользуются Интернетом, причем основная причина – отсутствие компьютера. Наиболее часто встречающимися ответами были также «отсутствие доступа», «отсутствие средств для подключения» и даже «не вижу смысла». Ежедневно навещаются в Сеть 38,9 % участников исследования, два-три раза в неделю выходят в он-лайн 25,5 % респондентов, один раз в неделю пользуются Интернетом 11,7 % опрошенных.

Подавляющее большинство учащихся – 83 % респондентов – посещают Интернет для помощи в учебе. Ищут онлайн-овых развлечений 52,5 % опрошенных, а 41 % студентов московских вузов пользуются Сетью для общения. Были названы и такие поводы, как просмотр новостей (25,3 %) и поиск работы (11 %) [7].

В исследованиях, касающихся «мест пользования Интернетом», видно, что из дома в Сеть зимой выходило 12,9 млн. человек, тогда как осенью 2005 г. домашних интернетчиков было 11,4 млн. Это, по нашему мнению, еще одна положительная тенденция. Аудитория российского Интернета растет, в первую очередь, за счет доступа из дома. Одновременно увеличилась доля пользователей, которые выходят в Сеть как из дома, так и из офиса. Иными словами, растет количество людей, которые находятся в он-лайн практически весь день.

Важной особенностью информационного развития страны является частный характер приобщения граждан к информационным ресурсам глобальной Сети. Если в начале наблюдений (2002 г.) в качестве места выхода в Интернет пользователи указывали компьютер «на работе», то в течение последнего года доля подключения к Сети с рабочего места заметно сокращается в пользу домашних компьютеров. На сегодняшний день в среднем по России 48 % пользователей выходят в Интернет из дома, и только 40 % – с компьютера по месту работы. Среди других мест выхода в глобальную Сеть россияне указывают: «у друзей» – 16 %, «в Интернет-кафе» – 12 % и в других местах – 5 %.

Таким образом, уже около года развитие российской Интернет-аудитории осуществляется преимущественно на основе личной заинтересо-

ванности наших сограждан в получении новой информации. Похоже, что технический прогресс, бизнес и государство сделали в России все для появления устойчивого частного интереса к информационно-коммуникационным технологиям,

которые больше уже не воспринимаются как игрушка или необязательное излишество. Показательно, что наиболее динамично растет доля пользователей среди лиц молодого возраста, а также лиц с высшим образованием (табл. 3).

Таблица 3

Уровень образования	Осень 2002	Зима 2002/03	Весна 2003	Лето 2003	Осень 2003	Зима 2003/04	Весна 2004	Лето 2004	Осень 2004
Высшее	26	26	31	35	37	37	45	41	48
Среднее специальное	7	8	10	12	14	14	15	16	20
Среднее общее	7	8	9	10	10	11	13	14	17
Ниже среднего	1	1	1	1	1	1	1	2	2

Примечание. Таблица составлена по данным ФОМ.

Характеризуя Интернет-аудиторию России, нельзя обойти стороной такую важную характеристику, как распределение пользователей по признаку пола. Статистика ФОМ позволяет нам проследить распределение пользователей Интернет по полу в зависимости от региона проживания.

Как видно из табл. 4 в среднем по России разница между мужчинами и женщинами не значительна и она имеет тенденцию к сокращению. Тем не менее мужчины все же активнее пользуются Интернетом, особенно это видно при анализе

распределения показателей по регионам. Во всех регионах России, кроме Уральского, количество Интернет-пользователей с прошлого квартала значительно увеличилось и на данный момент составляет от 15 % до 23 %. Уральский Федеральный округ во II квартале 2005 г. по росту количества интернетчиков отстал, оставшись, таким образом, на последнем месте по уровню интернетизации. Несомненно, на фоне остальных городов выделяется Москва, где количество интернетчиков составляло около 50 % в 2005 г.

Таблица 4

Федеральный округ	Мужчины		Женщины	
	2005 год	2006 год	2005 год	2006 год
Уральский	59	60	41	40
Приволжский	60	59	40	41
Москва	57	58	43	42
Сибирский	61	57	39	43
РОССИЯ	59	57	41	43
Центральный	62	56	38	44
Северо-Западный	57	55	43	45
Южный	55	53	45	47
Дальневосточный	57	52	43	48

Примечание. Таблица составлена по данным ФОМ.

Со II квартала 2005 г. было отмечено повышение Интернет-активности во всех федеральных округах – количество Интернет-пользователей, выходящих в сеть ежедневно, увеличилось, а численность ежемесячной аудитории стала меньше. Наиболее активными во II квартале 2005 г. оказались Интернет-пользователи Северо-Западного региона: лишь 10 % пользуется Интернетом не чаще, чем несколько раз в месяц, а 61 % выходит в Интернет еженедельно.

Количество активных пользователей, заходящих в Интернет в среднем 1–2 раза в неделю, в целом выше в городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург) и крупных областных центрах (от 500 тысяч). В то время как респонденты в средних и малых городах России пользуются Интернетом значимо реже – как правило, несколько раз в месяц (Источник данных: всероссийский опрос, I и II кварталы 2005 г., национальная репрезентативная выборка, N = 1600 для каждой волны, 18+, личные интервью).

По данным ФОМ, в 2006 г. среди «Интернет-вовлеченных» регионов лидируют Москва (с 4,7 млн. пользователей), Приволжский Федеральный округ (с 4,1 млн. пользователей), Центральный округ (с 3,9 млн. пользователей) и Северо-Западный округ (3,4 млн. пользователей). «Среднюю» группу образуют округа с примерно равным числом пользователей: Сибирский (2,8 млн. пользователей) и Южный (2,8 млн. пользовате-

лей). Группу «отстающих» образуют Уральский и Дальневосточный федеральные округа с 1,2 млн. и 1,1 пользователями соответственно [6].

У российской Интернет-аудитории имеются и резервы роста. Так, на вопрос: «Есть ли у Вас желание начать пользоваться Интернетом или такого желания нет? Если такое желание есть, то когда Вы планируете начать им пользоваться?» были получены следующие ответы (табл. 5).

Таблица 5

Ответ: «Предполагаю начать пользоваться Интернетом в течение...

Месяца	Трех месяцев	Шести месяцев	Года	Более года
0,4	0,8	1,3	2,6	3,6

Примечание. В млн. чел.

Причем наибольшее число желающих оказалось в Приволжском и Центральном округах, менее – в Уральском и Дальневосточном.

Всю аудиторию Интернета можно условно сгруппировать. Выделяются пять видов (групп) аудитории русскоязычного Интернета – в зависимости от частоты посещения Глобальной сети.

Первая – это так называемая максимальная аудитория: от 16 лет и старше; она имеет численность 33,8 млн. человек. Однако это отнюдь не составляет примерно 30 % взрослого населения России (110,5 млн. чел.). Дело в том, что пользователи Рунета – это и жители стран СНГ, и многочисленные русские, проживающие в различных странах. Максимальная аудитория включает как активных пользователей, так и менее активных, а также тех, кто имеет достаточно малый опыт посещения Интернета; численность максимальной аудитории – это информативный показатель развития аудитории Интернета в России.

Второй вид аудитории – нерегулярная группа. В нее входят все посетители Сети, исключая тех, кто имел только единичный или слишком малый опыт пребывания в Интернете. Ее размер составляет порядка 15 млн. человек, то есть нерегулярная аудитория Интернета меньше максимальной более чем в два раза.

Третий вид аудитории называется недельной аудиторией. Ее составляют те пользователи, которые посещают Интернет минимум раз в неделю или чаще; размер ее составляет 7–8 млн. человек. Именно оценку недельной аудитории принято использовать для рекламных целей и при координации коммерческой деятельности.

Четвертая, активная группа, состоит из тех, кто проводит в Интернете не менее одного часа в неделю; ее численность оценивается в 5 млн. человек.

Ну и, наконец, так называемое ядро образуют посетители, которые проводят в Интернете не менее четырех часов в неделю. Таких пользователей порядка трех миллионов человек.

Конечно же, такое деление достаточно условно и спорно, более того, погрешность подсчетов составляет 10–15 %. Но невозможно не согласиться с тем фактом, что рост аудитории пользователей по всем группам оказывается выше прошлогоднего, и уж тем более – значительно выше прогнозов двух-трехлетней давности [7]. Тем временем численность российской аудитории пользователей Интернета продолжает расти. Увеличение в основном происходит за счет новичков – тех, кто только недавно приобрел первый опыт использования Сети. Именно такие люди обеспечили рост максимальной аудитории. Причем большая часть этого прироста приходится на рост ядра и недельной аудитории.

Гораздо больше о Рунете говорит портрет аудитории. А он таков: во всех видах аудитории российского Интернета преобладают молодые образованные мужчины из семей с относительно высокими доходами. По своему социальному положению это специалисты с высшим образованием, студенты, обслуживающий персонал. Домохозяйки, пенсионеры, военнослужащие и безработные – достаточно редкие посетители Сети. Надо отметить, что как раз тут особых подвижек не наблюдается. Групповой портрет пользователя Рунета сегодня выглядит практически так же, как и год, и три года назад. Около трети аудитории Интернета – это люди до 24 лет, еще треть составляют россияне в возрасте от 25 до 34 лет. Средний возраст максимальной аудитории Интернета – 31,4 года. В России новые технологии, и в том числе Интернет, осваиваются, прежде всего, молодым поколением. Для людей старшего возраста Глобальная сеть по-прежнему не является необходимостью, естественным элементом быта. Кроме того, не последнюю роль играют материальные возможности – аналитики утверждают, что чем более активна аудитория, тем выше в ней доля группы с высоким доходом. Немаловажен и общеобразовательный уровень: более двух третей во всех видах аудитории Интерне-

та составляют люди с высшим или незаконченным высшим образованием. Остальные имеют среднее и среднее специальное образование. Теперь о других показателях. Мужчин в Рунете по-прежнему больше, чем женщин, хотя в последнее время этот разрыв стремительно сокращается.

В максимальной аудитории мужчины составляют 60 %. С увеличением активности аудитории доля мужчин в ее составе увеличивается до 72,3 % (ядро аудитории Интернета). Чуть меньше 1/5 максимальной пользовательской аудитории составляют жители Москвы и Санкт-Петербурга, на долю городов с населением свыше 100 тыс. человек приходится около 60 % этого вида аудитории. Интернет-активность охватывает как крупные, так и более мелкие города, где живет основная масса городского населения России.

Так, в городах с численностью жителей от 1 млн. и выше (исключая Москву и Санкт-Петербург) доля максимальной аудитории составляет почти 23 % взрослого населения, а ядро – 4,4 % жителей. Теперь, когда мы обрисовали коллективный портрет пользователей, имеет смысл поинтересоваться предпочтениями русскоязычной сетевой аудитории.

Среди российской аудитории Интернета наибольшую известность имеют всего несколько порталов. Так, по результатам опросов МАСМИ, на первом месте находится Yandex.ru, Rambler.ru и Mail.ru, известные практически одинаково, с некоторым отрывом идет поисковая система Google. Остальные порталы значительно уступают в популярности (табл. 6).

Таблица 6

Порталы/поисковики	Респонденты (в %)
Yandex.ru	92,1
Rambler.ru	87,1
Mail.ru	83,3
Google	65,8
Yahoo!	63,6
Aport.ru	55,4
Km.ru	26,1
Kulichiki.com	22,9
Rol.ru	21,6
Filesearch.ru	7,8
Naitiprosto.ru	2,1
Audio.Opencom.ru	1,2

Примечание. Таблица составлена по данным www.masmi.com.

Таблица 7

Веб-сайт	28.02.2006	31.03.2006	30.04.2006
Всего	164022	167057	169133
Бизнес	30145	30774	31174
Развлечения	27244	27807	28158
Дом и семья	21478	22019	22502
Компьютеры и Интернет	20759	21047	21135
Путешествия и транспорт	7951	8025	8314
Общественная жизнь	8028	8125	8163
Наука и образование	7697	7847	7950
Авто, мото	6859	6993	7128
Здоровье	6168	6314	6331
Музыка	5595	5648	5665
Культура и искусство	4730	4818	4868
Техника и электроника	4617	4756	4762
Отдых и спорт	3727	3793	3863
Новости и СМИ	3437	3465	3510
Связь	2928	2951	2955
Литература	2301	2312	2294

Примечание. Таблица составлена по данным Rambler's Top100

Одним из показателей объема Рунета является количество веб-ресурсов (сайтов), зарегистрированных в каталогах и рейтингах (табл. 7). Мы на основании регистрационных данных рейтинга Rambler's Top100 приводим информацию о количестве активных сайтов-участников – как в целом по рейтингу, так и в разбивке по тематическим группам. Как видно из табл. 7

раздел «Общественная жизнь» находится на 6-й позиции.

Ниже приводятся данные статистической службы Yandex.ru. за один месяц 2006 г. Данные табл. 8 свидетельствуют о наибольшей популярности поисковых порталов, почты, каталогов, новостей. Раздел «Народ» также находится в начале списка.

Таблица 8

Служба	Хосты	Посетители	Хиты
Портал	3 985 187	23 484 277	1 414 874 005
Поиск	3 345 243	20 593 256	774 871 079
Почта	1 818 007	5 421 506	246 646 383
Картинки	1 024 923	3 548 842	59 731 936
Каталог	1 250 836	4 570 009	57 710 641
Народ	1 317 752	3 235 557	42 730 229
Маркет	720 292	1 905 249	36 497 274
Новости	1 107 527	3 103 677	31 288 479
Словари	638 648	1 244 310	23 679 445
Погода	819 369	2 118 837	17 038 549
Телепрограмма	475 231	742 890	11 819 971
Открытки	402 782	694 769	11 344 918
Карты	331 190	747 877	5 602 453
Игрушки	302 844	444 132	5 497 443
Адреса	318 900	630 970	4 653 537
Деньги	239 503	462 149	4 344 113
Директ	284 521	546 651	3 593 356
Афиша	267 285	594 543	3 367 137
Поиск по блогам	370 391	630 377	2 827 873
Сфера	90 019	83 507	2 577 556
Музыка	164 258	233 559	2 329 704
Города	159 333	261 273	636 548
WiFi	69 074	101 192	466 204
Гостиная	23 336	29 020	197 648
Кубок	19 344	24 518	143 105
Народные сайты	5 228 355	16 028 110	358 188 352

Примечание. Таблица составлена по данным статистической службы Yandex.ru

Также, по данным ФОМ, более половины недельной аудитории Рунета заинтересованы новостями, которые можно найти в Сети. Около 35 % недельной аудитории интересуются информацией о бизнесе, финансах, общением и пр. Наиболее молодая группа объединена интересом к общению в Сети (средний возраст – 25 лет). Самая старшая – интересом к медицине (средний возраст – 39 лет). На пятом месте – развлечения, анекдоты, игры (30 %).

Максимальная аудитория предпочитает новости (25,9 %); общение, чаты (19,3 %); бизнес, финансы (18,9 %); музыку, литературу, кино (17 %). Новости и общение – вот что ищет в Глобальной сети активная аудитория. Третью строку

наиболее популярных тем этой аудитории занимает информация, связанная с бизнесом, финансами. Приобретение товаров и услуг также входит в первую десятку, но на последнем месте. Предпоследнюю строку в рейтинге симпатий аудитории Интернета занимает эротика. Группа, объединенная интересом к эротике и новостям, самая старшая, ее средний возраст – около 35 лет. Самые молодые люди в этой аудитории Интернета объединены интересом к сетевому общению, музыке, литературе, кино (средний возраст – 23 года).

В нерегулярной аудитории Интернета, как и в предыдущих, преобладает интерес к новостям, финансам и общению. В последних строках десятки находятся приобретение товаров и услуг,

спорт и медицина. Самые молодые группируются вокруг спортивных ресурсов Сети (27 лет) [6].

Интерес аудитории к политике можно оценить и через статистику посещаемости политических сайтов. Среди полусотни рубрик рейтинга Rambler's Top100 далеко не последнее место занимает «Политика». На Rambler.ru. Раздел «Политика» представлен 934 ресурсами (хотя, по данным Б. П. Овчинникова, в 2002 г. эта цифра была 630).

Преобладает раздел «Товары и услуги» – 14 286 ресурсов. В других каталогах раздел «Политика» представлен также незначительно. В каталоге List – 635, в Yandex – 180 сайтов. Существенное расхождение между отдельными каталогами Б. П. Овчинников видит в специфике толкования пределов понятия «политика» и разной структурой классификаторов [2]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Таблица 9

Сайт	Посетители	%
Автомобили, мототехника	343789	22,77
Экономика, бизнес	236280	15,65
Рынок труда, вакансии	192306	12,74
Образование, учебные заведения	218428	14,47
Медицина, здравоохранение	183147	12,13
Социальная политика и пенсионное обеспечение	37497	2,48
Страхование	37474	2,48
Политика, международные отношения	189355	12,54
Законодательство, нормативные акты и их комментарии	178838	11,84
Знакомства, общение он-лайн	243031	16,09
Отдых, туризм	311902	20,66
Развлечения, анекдоты, игры	541401	35,85
Литература, библиотеки	456216	30,21
СМИ, он-лайн пресса	280768	18,59
Компьютеры и комплектующие, сервисное обслуживание	454423	30,09
Программное обеспечение	303571	20,10
Культура, искусство	227850	15,09
Кино	247681	16,40
Театр	112920	7,48
Фотография	236442	15,66
Музыка	506651	33,55
Наука, техника	332826	22,04
Общество, гуманитарные науки	141538	9,37
Дом и дача	111849	7,41
Прогнозы погоды	301657	19,98
Программы телепередач, театров и т.п.	124952	8,27
Расписания транспорта	107157	7,10
Спорт, спортивное снаряжение	220574	14,61
Электроника и бытовая техника	245627	16,27
Электронная коммерция и магазины	151007	10,00
Другое	232862	15,42

Примечание. Таблица составлена по данным Subscribe.ru. май 2006.

Если анализировать популярность политических сайтов, в первую очередь следует обратить внимание, на то, что политический сегмент Интернета представлен значительно меньшим количеством ресурсов по сравнению с другими. По данным Subscribe.ru, раздел «Политика, международные отношения» посещает 12,5 % пользователей (табл. 9). Хотя в абсолютных числах это

выглядит внушительно – почти 190 тыс. посетителей. По данным Mail.ru, за день зарегистрировано 329212 визитов на 1110 политических ресурсах. Данные значительно различаются, видимо, причина такого расхождения заключается в содержательной стороне сайтов, включенных в рейтинг. Но возникает и другой вопрос: насколько пользователи Сети заинтересованы в участии в полити-

ческом процессе? Но анализ популярности политических сайтов позволяет говорить о том, что политические сайты используются скорее как источник информации, чем средство политического участия или политического влияния. Среди политических сайтов наиболее популярны (по количеству

посетителей) ресурсы, связанные с политическим компроматом (табл. 10). Посещаемость политических рубрик также определяется наличием многочисленных онлайн-СМИ и новостных лент, таких, как Лента.Ру, Газета.Ру, РБК, Вести.Ру и др.

Таблица 10

Количество посещений за один день

Название	Посетители	Хосты	Визиты
КОМПРОМАТ.РУ. Библиотека компромата Сергея Горшкова	27,874	23,280	152,29
Столичные новости: Вся правда о Москве!	13,403	12,424	35,204
Владимир Владимирович™	9,423	8,894	16,060
ФОРУМ.мск – глоток свободы	6,049	5,980	15,394
InfoRos – Информационная Россия	6,014	5,668	11,320
Портал «Русская Цивилизация». Будут русские – будет и Россия!	4,740	4,657	14,200
КПРФ: Что Дума «подарила» народу?	4,183	4,294	15,984
ПОЛИТКОМ.РУ: Информационный сайт политических комментариев	3,959	3,891	7,811
Гуляй-Поле. Российско-украинское обозрение	3,918	4,020	11,284
Агентство Политических Новостей – Нижний Новгород	3,222	3,186	4,999

Источник. Рейтинг. Mail.ru.

В Астраханском регионе политическое пространство еще менее освоено, чем в среднем по России. Из 129 астраханских сайтов только 8 ресурсов находятся в разделе «Государство-Право», причем в разделе «Политика» – 0 сайтов. Двадцатка

наиболее посещаемых сайтов на апрель 2006 года представлена в табл. 11. Лидерами оказались сайты библиотеки, автосалона и рыбацкого портала. Сайты администрации области и мэрии города оказались далеко позади.

Таблица 11

№ п/п	Сайт	Пользователи	Хиты	Хосты
1	Библиотека on-line	494	507	185
2	Астраханский рыбацкий портал	450	453	122
3	Рейтинг астраханских ресурсов	58	117	79
4	Автосалон «М-АВТО»	416	418	75
5	Газета «Комсомолец Каспия»	95	102	61
6	SHOP30.RU: Товары в Астрахани	82	108	54
7	Рок в Астрахани	96	97	46
8	Официальный сайт ФК «Волгарь-Газпром»	159	160	44
9	Астраханское Подворье	134	177	44
10	Астрахань GSM	94	94	37
11	Женский журнал «Кокетка»	69	69	33
12	Астраханский государственный университет	71	71	29
13	Наружная реклама в Астрахани и области	6	19	18
14	Интересные новости Интернета (лучшие)	18	18	17
15	Астрахань – Парадный вход	32	32	17
16	Администрация города Астрахани	20	21	16
17	Астрахань- сайт астраханские татары	20	20	16
18	Газета «Все для Вас»	16	22	13
19	Астрахань. Желтые страницы	41	41	13
20	Астрахань-город	26	26	11

Источник. top.net.ru. Астраханские сайты

Таким образом, при анализе, в первую очередь, следует обратить внимание на количественную характеристику аудитории Интернета в России. Численность пользователей шагнула далеко за 10 % и сейчас составляет 22 % или 23,8 млн. человек, что позволяет говорить о массовости данного явления. В статистике по резервам роста Интернета в России мы обнаруживаем вполне благополучные перспективы: еще 3,6 млн. нам «обеспечены». Значит, российский Интернет растет с постоянной скоростью, не только подтверждается, но и экстраполируется на некоторый период в будущее. Хотя «постоянная скорость роста» не тождественна «постоянным темпам роста», поскольку при постоянной скорости темпы незначительно падают.

2 июня 2005 г. Министерство экономического развития и торговли РФ (МЭРТ) опубликовало документ под названием «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008 годы)» [5]. Есть в программе и раздел, посвященный инфокоммуникационным технологиям. Так, в Министерстве полагают, что доля ИКТ увеличится к 2008 г. примерно вдвое и достигнет 10 %. Наибольший же интерес вызывает прогноз роста количества пользователей российского сегмента Всемирной сети. В Программе запланировано увеличение доли активных Интернет-пользователей до 57 % (очевидно, имеется в виду взрослое население) к 2008 г. Чиновники также планируют сокращение количества нетелефонизированных населенных пунктов, увеличение плотности телефонной сети и, конечно, рост обеспеченности компьютерами: с 10 до 40 штук на 100 человек.

Во-первых, можно отметить значительную молодость российской Интернет-аудитории. Значительная ее часть – это пользователи не старше 35 лет. По данным различных замеров, от 65 % до 80 %. Тогда как доля лиц пенсионного возраста не превышает 15 % [2]. Более того, в ближайшее время можно ожидать «омоложения» – осуществляемая сейчас программа предполагает подключение к Интернету школ по всей России. Реализация указанной программы приведет и к увеличению числа домашних подключений. Во-вторых, следует отметить высокий образовательный уровень Интернет-аудитории. Две трети

аудитории – это люди с высшим или неоконченным высшим образованием. Следовательно, можно говорить о высоком качественном уровне аудитории.

В-третьих, несмотря на высокий политический потенциал Интернет-аудитории, обусловленный ее активностью, образованностью, самостоятельностью и мобильностью, Интернет в России продолжает оставаться преимущественно средством развлечения или источником информации, необходимой для работы, политика же менее интересуется интернетчиков, хотя потенциал в этой сфере огромен.

И наконец, российский ареал пользователей Интернета значительно увеличился. Но считать, что Интернет стал играть огромную роль в политической жизни страны еще рано. Речь может идти только о тех регионах, где им охвачена достаточно высокая доля населения. А это в основном Москва, Санкт-Петербург и еще примерно десяток регионов, где Интернет по уровню развития постепенно приближается к столицам, Сеть играет какую-то роль в политике. Именно в силу масштабов российской территории, различий в условиях жизни и деятельности в различных регионах наиболее эффективно содействовать развитию общественной политики можно с использованием новых информационных технологий. К их числу относится, в первую очередь, сеть Интернет.

Библиографический список

1. *Залесский, П. К.* Миллион, еще миллион [Текст] / П. К. Залесский // *Инфобизнес*. – 2000. – № 40.
2. *Овчинников, Б. В.* Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета [Текст] / Б. В. Овчинников // *Полис*. – 2002. – № 1.
3. *Перфильев, Ю. Ю.* Российское Интернет-пространство: развитие и структура [Текст] / Ю. Ю. Перфильев. – М.: Гардарики, 2003.
4. *Сергеев, М.* Ускорение с удвоением [Текст] / М. Сергеев // *Politcom.ru*.
5. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008 годы) // www.polit.ru/dossie/2005/02/15/program1.html.
6. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.fom.ru/projects/23.htm>
7. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.romir.ru>.

УДК 316.74

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

О. Ю. Тарская

В статье раскрывается социальная сущность новой модели социокультурной парадигмы модернизации государственного управления военным образованием, основанной на особой управленческой деятельности субъектов образовательной системы.

Ключевые слова: система военного образования, модернизация государственного управления военным образованием, моделирование, алгометризация управленческих действий, ценностно-нормативные регуляторы.

CONCEPTUAL MODEL OF SOCIAL AND CULTURAL PARADIGM OF MODERNIZING PUBLIC ADMINISTRATION BY MILITARY EDUCATION

O. Yu. Tarskaya

The article reveals the social essence of new model of social and cultural paradigm of modernizing public administration by military education based on special management activity of educational system subjects.

Keywords: system of military education, modernization of public administration by military education, modeling, algorithmization of administrative actions, value and norm regulators.

Проектирование адекватной вызовам XXI в. системы российского образования в целом и системы военного образования в частности является прерогативой государственного управления. Именно на него возлагаются задачи по выработке стратегии развития отечественного образования, определению приоритетных направлений его модернизации, а также выбору адекватных средств, методов и технологий ее реализации. Государственное управление призвано обеспечить постоянное обновление системы подготовки кадров, создание условий для творческого поиска новых форм обучения и наполнения их новым содержанием. На государственное управление в сфере военного образования возлагается задача по совмещению государственных стандартов с инновационными формами подготовки руководящих кадров, диктуемая потребностями практики.

В ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ подчеркивается необходимость последовательного укрепления Вооруженных Сил, соизмерения задач по их модернизации с социально-экономическими возможностями, социокультурными традициями, а также характером потенциальных угроз и динамикой международной политической обстановки. При этом на первый план выдвигаются такие задачи, как: переход к профессиональной армии; формирование принципиально новой кадровой политики и системы профессиональной подготовки; обновление теории и практики военного строительства; организация структурной перестройки войск и военного управления; повышение престижа военной службы; демократизация и гуманизация

внутриармейских отношений; формирование общественного сознания в духе необходимости вооруженной защиты национальных интересов страны. Таким образом, в компетенцию системы военного образования входит не только реализация профессиональных образовательных программ в сфере военного дела, но и формирование у будущих офицеров системообразующей социокультурной конструкции, от которой зависит направленность профессиональной социализации, динамика социального статуса и социальной мобильности, осознание государственной и общественной значимости военно-профессиональной деятельности, становление личности в целом.

Сегодня система отечественного военного образования находится в процессе сложного качественного роста. Безусловно, на нее влияют общемировые тенденции, связанные с глобализацией, ростом объема информации и научно-технического знания, диверсификацией потребностей государства и его Вооруженных Сил в высококвалифицированном типе специалиста. Можно утверждать, что современная система российского военного образования развивается в поиске новых парадигм. С одной стороны, необходимо, чтобы динамика военной образовательной системы отвечала лучшим мировым стандартам, а с другой – была адекватна отечественным социокультурным особенностям, воспроизводила передовой отечественный опыт военной образовательной деятельности, интегрированной многими поколениями россиян.

В контексте модернизации государственного управления военным образованием дискуссионными

становятся вопросы, связанные с созданием универсальной вузовской образовательной инфраструктуры; формированием непрерывной, многоуровневой и многоступенчатой системы профессиональной подготовки; развитием новых организационно-управленческих структур; соотношением образования с социокультурными особенностями государственной образовательной политики.

Практика реформирования Вооруженных сил России свидетельствует о необходимости достижения нового качества военного образования, что актуализирует поиск организационных механизмов, инновационно-управленческих стратегий его совершенствования. В связи с этим важной исследовательской задачей становится концептуализация социокультурной парадигмы модернизации государственного управления военным образованием в условиях развития современного российского общества.

Известно, что категория «модель» представляет собой конкретный образ будущей системы, ее структуру, желаемые характеристики и существенные стороны. Поэтому конструирование модели является важнейшим средством оптимизации внутренней структуры системы и процессов управления ею и позволяет сформулировать комплексное представление о ней, прогнозировать последствия, выбирать из них наиболее рациональные.

В последнее время в отечественных социологических исследованиях методология моделирования стала использоваться все чаще. И это не случайно, поскольку целостный, синтетический анализ социальной системы, к которой относится и военная образовательная система, можно осуществить путем конструирования ее моделей, где будут обозначены различные виды и способы взаимодействия субъектов в процессе реализации социальной совокупной ответственности. Подобные модели позволяют представить процессы и явления, происходящие в конкретном образовательном пространстве, в виде системы, вследствие чего появляется возможность выявления причин и факторов, влияющих на их продуктивность. Собственно говоря, речь идет о реализации системного подхода, который предполагает рассмотрение вопросов функционирования военной образовательной системы как в целом, так и со стороны любого компонента. Моделирование представляет собой одну из ключевых технологий системного анализа при исследовании сложных, многоэлементных и полиструктурных систем, функционирование которых определяется большим количеством внутренних и внешних факторов. Именно к ним относятся военные образовательные системы, сложный характер которых определяется

доминированием факторов сознания, способных оказывать регулирующее воздействие на траектории развития данной системы.

В настоящее время моделирование зарекомендовало себя эффективным инструментом познания в различных областях науки, в том числе и в социологии, где методологические проблемы моделирования анализируются в основном в рамках теорий социального проектирования и социального управления. Так, с позиций разработчиков теорий социального проектирования (Г. А. Антонюк, И. В. Бестужев-Лада, В. А. Луков, Ж. Т. Тощенко) социальным моделированием является особый вид деятельности, связанный с преобразованием окружающей социальной реальности в соответствии с некоторым идеалом посредством создания выраженного в знаковой форме и ориентированного на реализацию описания, которое и называется социальным проектом. Социальный проект рассматривается здесь в качестве научно обоснованного прототипа (модели), эффективного в рамках поставленных задач намечаемой к созданию социальной системы, описанной в соответствующей знаковой форме [1; 2; 3].

С точки зрения представителей теории социального управления (Ю. Л. Аверин, В. Г. Афанасьев, Г. И. Петров, И. М. Слепенков, А. Д. Урсул), моделирование определяется как алгоритмизация управленческих действий, направленных на получение известных результатов – моделей, которые состоят из цели (функции) управляемой системы и спектра принуждающих связей, совместимых с целью. Процесс такой деятельности теоретически включает в себя четыре функции: целеполагания, ценностно-нормативную, проектирования, реализации. Этот полный цикл моделирования затем повторяется в каждый новый период, соответствующий изменению целей управления, факторов, средств и условий [4; 5].

С этих позиций обратимся в первую очередь к целям, необходимость достижения которых породила модернизацию государственного управления военным образованием в системе Министерства обороны России. Главная цель модернизации – создание и развитие целостной системы профессиональной подготовки, обеспечивающей потребности Вооруженных сил в кадрах. Система включает все элементы и этапы обучения: раннюю профессиональную ориентацию, специальное первоначальное обучение, среднее и высшее, дополнительное, послевузовское профессиональное образование во всех основных аспектах – содержательном, организационном, управленческом, финансовом, материально-техническом. Система профессиональной подготовки должна

стать единой, многофункциональной, многоуровневой, гибкой, эффективной, менее затратной структурой. Данная цель обусловлена основной задачей ведомственной системы профессиональной подготовки – формирование у военнослужащих, в первую очередь офицеров, способностей к военно-профессиональной деятельности, в том числе к решению нестандартных, творческих задач в сфере обучения и воспитания защитников отечества. В этой связи необходимо: обеспечить повышение качества профессиональной подготовки, отвечающего современным требованиям; усовершенствовать государственные образовательные стандарты высшего, среднего и дополнительного военного профессионального образования, а при необходимости разработать новые; отладить систему формирования перечня специальностей и направлений по подготовке специалистов для Вооруженных сил с учетом новых потребностей и новых задач; сохранить, консолидировать и приумножить квалифицированный педагогический потенциал высших, средних образовательных учреждений и учебных центров; интенсифицировать развитие научных исследований в вузовской системе Министерства обороны на основе активного использования отечественного и зарубежного опыта, приблизить их к нуждам практики; осуществить оптимизацию ведомственной системы подготовки кадров; совершенствовать нормативно-правовую базу в области военно-профессиональной подготовки; укрепить взаимодействие государственных органов с образовательными учреждениями в области профессиональной подготовки; развить на новом качественном уровне систему учебно-методического обеспечения профессиональной подготовки; усилить воспитательную направленность профессиональной подготовки в целях формирования высококвалифицированного специалиста; стимулировать научное творчество курсантов и слушателей военных образовательных учреждений.

Поставленные цели и задачи модернизации государственного управления ведомственной профессиональной подготовкой предполагают корректировку ее ценностно-нормативных регулятивов.

Государственные образовательные стандарты являются базовыми для профессиональной подготовки военнослужащих. Образовательная система МО России призвана: обеспечить подготовку офицеров с фундаментальными профессиональными знаниями; способствовать формированию гражданственности, инициативности, самостоятельности, способности к успешной социализации в обществе, профессиональной мобильности и других

профессионально и общественно значимых личностных качеств.

Процесс развития модернизации управления профессиональной подготовкой кадров в системе МО России нельзя в строгом смысле считать имманентным, поскольку он обусловлен вызовами со стороны управляемой системы и еще в большей мере – со стороны конкурентной образовательной среды. Сегодня образование радикально отличается от образа, прописанного социально-философскими построениями индустриального века. В современном мире роль образования возрастает, что обусловлено рядом объективных причин, среди которых следует отметить переход к информационному обществу. Уровень образования, его качество начинают выступать критериями прогрессивности общества. Отказ от понимания образовательных процессов как традиционно-линейных детерминировал введение в научный оборот термина «образовательное пространство», где задается разнообразие отношений и связей, осуществляются специальные деятельности различных систем (цивилизационных, государственных, общественных, смешанных) по развитию индивида и его социализации. Результатом функционирования данного пространства является объективное изменение содержания всей сферы образования, создание новых социокультурных условий его развития.

В современном обществе перед системой образования встают совершенно новые задачи, значительно изменяющие функции и роль образования. Из простого ретранслятора знаний оно превращается в систему, которая повышает социальную мобильность личности, в источник формирования нового подхода к жизни вообще. Речь идет о том, что образование сегодня должно быть нацелено на выполнение таких функций, как формирование новых личностных качеств человека, среди которых можно выделить установку на диалог цивилизаций и сотрудничество.

Однако на практике модернизация управления профессиональной подготовкой кадров в системе МО России происходит под влиянием преимущественно кризисных состояний в образовательной, военно-образовательной среде. В этой связи весьма перспективным представляется исследование такого вида социального регулирования, как ценностно-нормативное. Значение социальных ценностей и норм в жизни общества трудно переоценить. Выступая в качестве инструментов социального регулирования, они являются тем промежуточным звеном, которое обуславливает поведение человека и его взаимодействие с важнейшими социальными институтами, их идеями, идеалами

и требованиями. Как в отношении общества, так и личности социальные ценности и нормы выполняют многообразные и сложные регулятивные функции. Такая «двойная» ответственность социальных ценностей и норм – и к обществу в целом, и к личности – обуславливает актуальность исследования ценностно-нормативных регулятивов модернизации управления профессиональной подготовкой кадров в системе МО России.

С этих позиций нами была предпринята попытка сконструировать ценностно-нормативную модель модернизации государственного управления профессиональной подготовкой кадров в системе МО России. Реализация модели может быть рассчитана на ближайшую и отдаленную перспективу и в конечном итоге предполагает повышение эффективности функционирования военной образовательной системы в целом.

Сущность военной образовательной системы в рамках предлагаемой концептуальной схемы видится в том, что она представляет собой функционально значимую социальную систему, имеющую своим содержанием целенаправленное, организованное регулирование, в первую очередь, социальных отношений. Цель данной системы заключается в том, чтобы при помощи создания благоприятных социального климата и условий обеспечить потребности общества и его военной организации не только в высококвалифицированных военных специалистах, но и ответственных, творческих личностях, способных к дальнейшему саморазвитию. Такое целеполагание связано с тем, что современное военное образование должно быть представлено в качестве института социальной идентификации, конструирования реальности, социального интеллекта, культурного инвайронмента и плюрализма жизненных стилей, удовлетворения статусных социальных, интеллектуальных и экзистенциальных потребностей. Исходя из этого, сам подход к моделированию государственного управления военными образовательными системами выходит за рамки традиционных подходов, так как сравнительной оценке в большей степени могут быть подвергнуты базовые принципы и характер взаимодействия основных субъектов образования – слушателей, курсантов, преподавателей, руководителей военных образовательных систем. Это позволит выйти не только на различия в обобщенных характеристиках типов данных систем, но и распознать множество внутренних специфических особенностей, включая формы, методы, технологии реализации, межуровневое распределение полномочий, источники финансирования, распределение ответственности между государственными и негосударственными участ-

никами, формы социального партнерства, стратегические установки и приоритетные направления. Такой подход может позволить выйти на формирование социокультурной модели государственного управления военным образованием, выстроенной с учетом взаимодействия широкого спектра наиболее существенных факторов организационно-управленческого, правового, финансового и межсубъектного характера.

Если государственное управление военным образованием рассматривать как систему, подвергающуюся процедуре моделирования, то в качестве ее основных элементов, в первую очередь, будут выступать ее субъекты, играющие определяющую роль в осуществлении процесса образования в целеполагающем, организационном, функциональном и ресурсообеспечивающем плане. К ним относятся и те общественные и государственные структуры, которые непосредственным образом участвуют в определении целей, организации, реализации, финансировании военного образования, разработке его конкретных программ. Исходя из этого, мы предлагаем параметры концептуальной модели в системе принципов современного образовательного пространства.

В первую очередь это *принцип демократизма*, который построен на идеологии партнерства, сотрудничества курсанта и преподавателя в процессе образования. В своей социально-конструирующей роли военное образование должно синтезировать новую этику военного образования, осуществляя поиск, способствуя стабилизации духовного и социального статуса его субъектов. Согласно данному принципу, современное военное образование должно стать поддерживающим, интегрирующим, обеспечивать открытость, гибкость, включать индивидуальный контакт и сокращение властной дистанции. Следующим является *принцип универсальности*, фундаментальности и синтеза, обеспечивающий единство универсального и уникального, фундаментальной и специальной подготовки. *Принцип инновационности* изначально утверждает инновационный тип военного образования, меняющий сам облик военной организации, социокультурный инвайронмент субъектов образования, дающий расширение выбора образовательных программ, профессиональных и личностных возможностей, осуществление жизненных стилей, достижение конкурентоспособности, и, самое главное, жизненного успеха. Инновационные технологии дополняют классические модели, демократические принципы образовательного процесса, расширяя жизненное пространство индивида. *Непрерывность образования*. Концепция непрерывного образования ЮНЕСКО дополняется

современной моделью военно-профессиональной ориентации и психологической поддержки. В рамках данной модели гибко реализуются различные варианты программ переобучения и повышения квалификации. *Принцип информативности* связан с тем, что в настоящее время наблюдается так называемая интервенция информационных технологий в высшую школу, в том числе военную. *Инвайронментальный принцип*. Данный принцип означает, что военное учебное заведение должно быть не только подготовкой к жизни в военной среде и обществе, но и самой жизнью, адаптацией молодого человека к социальным изменениям. Выступая в качестве условия самореализации и жизненного успеха военного человека, военное образование осуществляет свою институциональную функцию в сотрудничестве преподавателя и курсанта.

В результате можно предложить концептуальную модель социокультурной парадигмы модернизации государственного управления военным образованием, которая представляет собой образ будущей системы, основанный на отечественных традициях и содержащий предшествующий опыт, в том числе не исключая опыт зарубежный. Социокультурная парадигма модернизации государственного управления военным образованием включает в себя: высокий уровень информированности всех субъектов образовательного процесса о целях и результатах образования, требованиях к специалистам; высокое качество самих целей образовательного процесса, рациональность их выбора и интегрированность в мировое образовательное пространство; заинтересованность всех субъектов в повышении социального и профессионального качества образовательного процесса; активное участие субъектов управления в научно-исследовательской и информационной деятельности; наличие соответствующих социальных и образовательных технологий, повышающих уровень управленческой деятельности; контролируемость результатов управленческой деятельности, привлечение большинства участников образовательного процесса к оценочной деятельности; наличие у участников образовательного процесса высокосформированных управленческих умений и нравственных качеств.

В контексте этой парадигмы в военных образовательных учреждениях целесообразно использовать систему взаимоконтроля и самоконтроля, привлекающая, таким образом, всех субъектов образовательной системы к ее управлению. На наш взгляд, это может способствовать повышению объективности контроля и формированию чувства сопричастности к самой системе государственного управления

качеством военного образования.

Таким образом, социокультурная концептуализация социокультурной парадигмы модернизации государственного управления военным образованием заключается в последовательности шагов по изучению традиций, современного состояния и перспектив научного осмысления проблем подготовки офицерских кадров в условиях построения гражданского общества в России, мировых глобализационных процессов, изучению их влияния на развитие российского военного образования. Анализ моделей государственного управления сферой военного образования за всю историю его становления и развития показывает, что социокультурная составляющая государственного управления военным образованием является определяющей. Это позволяет сохранять и преумножать отечественные традиции и готовить военных профессионалов – патриотов, обладающих высокой нравственностью и культурой. В современных условиях модернизации государственного управления военным образованием необходима особая система подготовки управленцев образовательных систем, обеспечивающая их вооружение современными технологиями обучения и воспитания, самообучения и самовоспитания. Эти положения и принципы, положенные в основу управленческой деятельности субъектов образовательной системы, могут стать отправными моментами модернизации государственного управления военным образованием, позволят определить его конкретные направления, создать наиболее оптимальные социокультурные модели их анализа и реализации и таким образом обеспечить эффективность государственного управления системой военного образования. В целом государственное управление военным образованием должно опираться на внутренний потенциал военной образовательной системы с учетом новых требований к военным специалистам, предъявляемых современной военно-политической, социально-экономической и социокультурной обстановкой.

Исходя из этого, сам подход к моделированию государственного управления военными образовательными системами выходит за рамки традиционных подходов, так как сравнительной оценке в большей степени могут быть подвергнуты базовые принципы и характер взаимодействия основных субъектов образования – слушателей, курсантов, преподавателей, руководителей военных образовательных систем. Это позволит выйти не только на различия в обобщенных характеристиках типов данных систем, но и распознать множество внутренних специфических особенностей, включая формы, методы, технологии реализации, межуровне-

вое распределение полномочий, источники финансирования, распределение ответственности между государственными и негосударственными участниками, формы социального партнерства, стратегические установки и приоритетные направления. Такой подход и позволяет выйти на формирование социокультурной модели государственного управления военным образованием, выстроенной с учетом взаимодействия широкого спектра наиболее существенных факторов организационно-управленческого, правового, финансового и межсубъектного характера.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада, И. В. Прогнозное обоснование социальных нововведений [Текст] / И. В. Бестужев-Лада. – М., 1993.
2. Луков, В. А. Социальное проектирование и прогнозирование [Текст] / В. А. Луков. – М., 1998.
3. Тощенко, Ж. Т. Метаморфозы общественного сознания: методологические основы социологического анализа [Текст] / Ж. Т. Тощенко // Социс. – 2001. – № 6.
4. Афанасьев, В. Г. Социальная информация [Текст] / В. Г. Афанасьев. – М., 1934.
5. Слепенков, И. Основы теории социального управления [Текст] / И. Слепенков, Ю. Л. Аверин. – М., 1990.

ЦЕНТР ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ВАГС

на базе кафедры психологии

предлагает:

1. Тренинги руководящего состава компании.
2. Тренинги для персонала.
3. Оценку, подбор и отбор персонала с использованием технологий Assessment-center.
4. Разработку профессиограмм.
5. Индивидуальное психологическое консультирование.
6. Комплексную диагностику индивидуально-психологических особенностей личности.
7. Помощь специалистов в проведении программ внутрифирменного обучения, оценки, аттестации, подбора и отбора персонала.

*Любые программы разрабатываются и адаптируются
с учетом пожеланий заказчика и условий конкретной организации*

СОТРУДНИКИ ЦЕНТРА

имеют высшее и послевузовское психологическое образование,
ученые степени кандидатов психологических наук
и значительный опыт в оценке и отборе персонала.

Получить более подробную информацию Вы можете по телефону:
24-17-31 (кафедра психологии)

E-mail: psycholog@vags.ru

Конфиденциальность гарантирована

Гибкая ценовая политика

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 316.32

ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ФИЛОСОФИЯ ЭТНИЧЕСКОГО БЫТИЯ

Р. А. Данакари

В статье рассматриваются проблемы глобализации и философия этнического бытия. Актуализируется неадекватность западной парадигмы, необходимость смены ее главных ориентиров и подходов. Отмечается уникальность Российской Федерации как особого полиэтничного и поликонфессионального феномена, способной объединить народы евразийского континента на основе нового суперэтнического синтеза.

Ключевые слова: парадигма, глобализация, интернационализация, системный кризис, евразийство, космизм, цивилизационное многообразие, суперэтнический синтез.

GLOBALIZATION IN THE MODERN WORLD AND PHILOSOPHY OF ETHNIC BEING

R. A. Danakari

The article touches upon the problems of globalization and philosophy of ethnic being. The eastern paradigm is considered to be irrelevant and inadequate and subject to changing its main targets and approaches. The Russian Federation is marked as a unique poly-ethnic and poly-confessional phenomenon as the country able to join nations of Eurasian continent on the basis of superethnic synthesis.

Keywords: paradigm, globalization, internationalization, system crisis, eurasianism, cosmism, civilization diversity, superethnic synthesis.

Активные процессы модернизации и интенсивное развитие индустриального общества за последние столетия привели к появлению глобальных проблем современности. После разрушения биполярного мира объективными предпосылками современного глобализма как общественного явления стала стратегия построения нового авторитарного мирового порядка в традициях Атлантической хартии [4. С. 3]. Не секрет, что одна из главных причин системного кризиса современного человеческого сообщества – стремление развитых стран к глобальной экономической и политической экспансии.

Сегодня глобальная проблематика предстает как новая точка отчета жизни людей, предполагающая формирование представлений о качественно ином будущем, которое никаким образом не вытекает линейно из настоящего. Будущее, как непосредственное продолжение настоящего, возможно только на основе следующего: во-первых, радикальной трансформации концепции развития всей техногенной цивилизации, что связано с экологическими и экономическими «пределами роста». Во-вторых, смены западной социокультурной парадигмы, задающей духовно-нравственный и поли-

тико-правовой коды человечеству. В-третьих, поиска альтернативных выходов из системных противоречий между развитыми и развивающимися странами, из состояния неопределенностей, рисков, перманентных конфликтов и кризисов.

Современная глобализация актуализировала и проблему социально-этнического бытия России как евразийской цивилизации, объединившей в единую федерацию около 200 этносов и наций, языков и культур. Тревоги за будущее человечества, судьбу России, ее роль и место в мировой цивилизации всегда были в центре внимания представителей русской философской и общественно-политической мысли. Лейтмотивом их высказывания можно признать слова Н. Я. Данилевского, утверждавшего равноценность всех людей, народов и культур. В работе «Россия и Европа» он развивает идею о недопустимости насильственного осуществления на Земле «единой общечеловеческой цивилизации» [3. С 426].

Нам представляется, что утверждения русских философов, в том числе и высказывания Н. Я. Данилевского, следует рассматривать как идейные и методологические предпосылки формирования современного глобалистского типа мышления.

Многие феномены отечественной философской и культурологической мысли, такие, как евразийство и космизм, с полным основанием могут быть включены в современную методологию научного исследования проблем глобального мирозерцания и прогнозирования.

Сегодня важно четко различать неизбежные процессы глобализации и интернационализации, связанные с гуманистической классикой, верой в человека как в высшую ценность, социальный прогресс, справедливость, в единство и многообразие культур, с современным глобализмом, утверждающим превосходство одних государств над другими, идею «конца истории» или «столкновения цивилизаций», монополию на провозглашение «истины в последней инстанции».

Глобализация представляет собой объективный, но сложный и противоречивый процесс. С помощью арсенала социально-философских методов и принципов возможно постижение глубинных, субстанциональных оснований глобализации, определение альтернатив мирового развития. Актуальной и плодотворной станет постановка в центр мировоззрения и методологии систему комплексного исследования человека, в том числе и проблем человека этнического. Это, в свою очередь, будет способствовать соответствующему направлению развития конкретных исторических, социологических, политологических и культурологических исследований, позволит определить характер взаимодействия всей совокупности социально-гуманитарных и философских знаний о человеке.

Конечно, здесь речь не идет о некоей «разорванности» социального бытия. Естественно, что признание человека этнического в качестве важной фигуры мировоззренческих и методологических притязаний в каждой из антропологий порождает различные, хотя и близкие друг другу спектры исследовательских программ. Не секрет, что в числе современных «вызовов» оказывается проблема роли и значимости этничности в мире, место человека этнического в философии глобализма.

Известно, что в своей основе современный глобализм является результатом западного типа модернизации и соответствующей научно-технической революции, оказавших существенное воздействие на все стороны жизни и деятельности общества, в том числе и его этнического бытия. На протяжении всего XX в. глобальные идеи обрели характер всемирных проблем человечества. Если на начальном этапе человечество стремилось найти пути предотвращения термоядерной войны, то впоследствии появились глобальные проблемы экологии, демографии, здравоохранения и другие.

Феномен глобализма и процессы глобализации представляют особый интерес для социально-философского и системного исследования этнического бытия. Во-первых, глобалистская парадигма современного социального мира объединяет в одно исследовательское пространство все многообразие самобытных обществ и культур, выражающих деятельное начало человека, и общность социального бытия различных этносов и регионов. Если в первом случае, при анализе самобытности, человеческое начало просматривается в социальной динамике, представленной особым бытием и координатами времени, включающими деятельность и активность, то во втором, при осмыслении этнических общностей, предметом исследований оказывается социокультурная динамика геополитических пространств бытия различных народов, этносов, их традиции, менталитет.

Во-вторых, совершенно новый смысл обретает тезис «человек – творец своей судьбы, своей истории». Как связующая нить между прошлым и современностью, история предстает по своей сути как социокультурная и этническая история человечества. Причем на глобальном уровне одна из тенденций ее развития заключается в попытках окончательного раскола всего человеческого сообщества на развитую, постиндустриальную, информационную цивилизацию и остальную его часть, окончательно отставшую и оказавшуюся на задворках истории.

В-третьих, другой важной тенденцией развертывания социокультурной истории выступает формирование в социальном мире полюсов силы на основе существовавших на протяжении многих веков и тысячелетий мировых цивилизаций – китайской, индийской, западноевропейской, арабско-мусульманской, русской. Она находится в явном противоречии с предыдущей, выражающей устремления техногенной цивилизации. В данном случае проявляется одна из глубинных социальных закономерностей: общность социального бытия получает воплощение в цивилизационном многообразии. Сама общность социального бытия заключается в базовых экономических отношениях, а цивилизационное многообразие представлено различиями этнического, политического, идеологического, духовного, религиозного, языкового порядка.

В-четвертых, в современном социальном мире достаточно четко прослеживается органическая связь между глобализмом как универсальной концепцией и геополитикой, как сферой реализации определенных политических действий, направленных на передел как социального, так и этнического бытия-пространства. Одновременно в глобализме получает воплощение попытка передела социаль-

ного и этнического времени, завершения всемирной истории. Так, на протяжении XX в. подобного рода геополитические и глобалистские устремления реализовывались: а) в разделе мира между крупнейшими империалистическими державами; б) в образовании советской цивилизации, бросившей вызов всему ходу мировой истории; в) в попытках утверждения идеологии «конца истории», которая претендует на status quo западной цивилизации; г) в феномене бурного возрождения этнического и религиозного сознания народов, правда, находящихся, по мнению некоторых зарубежных идеологов глобализма, на периферии исторического развития.

На наш взгляд, используя системную методологию, можно выделить три подхода на проблему глобализации. Революционный подход исходит из утверждения специфики рыночного пространства в качестве структурообразующего элемента системы глобального мира. Системный анализ позволяет прогнозировать наступление глобальной эры, движущими силами которой становятся свободный капитал и новые технологии, где транснациональные компании занимаются управлением в мировых масштабах, где ослабевают и распадаются национальные государства, происходит радикальная эрозия традиционных ценностей, разрушение уклада жизни, осуществляется пересмотр всей природы человеческих действий.

Эволюционный подход исходит из признания глобализации как нового этапа цивилизационного развития, как мощной силы, трансформирующей и преобразующей мир. В экономической сфере происходят процессы интенсивной и экстенсивной глобализации. Глобальная интеграция постепенно умалает роль национальных государств, власть переходит к локальным и региональным органам. Появляются межрегиональные и глобальные ассоциации со слабой, но экономически детерминированной структурой, с весьма разнородными и противоречивыми функциями и целями развития.

Представители скептического подхода достаточно жестко и критически воспринимают идеологию глобализма. Во-первых, глобализация подвергается критике потому, что она все более предстает как открытое проявление корпоративной силы развитых стран, формирующих удобные себе экономические и торговые блоки. Во-вторых, скептиков вполне обоснованно не устраивает американский вариант глобализма, утверждающий однополюсный мир и диктующий свои «правила игры». В-третьих, за то, что глобализм значительно игнорирует роль национальных государств, этнокультурные и религиозно-

конфессиональные ценности, что может привести к столкновению цивилизаций. В-четвертых, идеология глобализма предстает как миф, скрывающий противоборство разных региональных блоков за власть, ресурсы, собственность, усиливает мировое неравенство и провоцирует ответные реакции антиглобалистов, анархистов, левых радикалов и террористов.

Таким образом, феномен глобализма и нарастание конфликтов мирового развития требуют серьезных философских системных исследований. Конечно, ключевым моментом при их анализе и осмыслении становится проблема объективности, детерминации, устойчивости протекающих глобальных процессов, определения основных критериев, а также выявления соотношения, стратегии, перспективы этнической, межнациональной политики государств и социально-экономического развития мира. Сегодня в центре внимания народов не только мировой социально-экономический и финансовый кризис. Серьезную тревогу мировой общественности вызывают проблемы и перспективы «столкновения цивилизаций». Учеными разных стран создаются оптимистические и пессимистические сценарии глобального развития человечества.

В 2008 г. в России появилась концепция социально-экономического развития страны до 2020 г. Началась работа по ее реализации. Сразу появились победные рапорты и утверждения об отсутствии альтернатив. Однако мировой экономический кризис вскрыл огромные недостатки и все более проблематизировал вопрос о судьбе и предназначении России в глобализирующемся мире, в системе «вызов – ответ». В данном случае хотелось бы остановиться на двух моментах. Во-первых, европейские государства и их народы, входящие в ЕС, а также США и Канада, несмотря на все кризисы, идут по собственному пути развития, ощущая историческую и цивилизационную общность судеб. Во-вторых, характер «ответов» Российской Федерации на существующие «вызовы» во многом должны определяться не желанием наших руководителей любой ценой превратить страны Запада, особенно США, в своих партнеров и союзников, а ее геостратегическим положением, социально-экономической политикой, этнической, религиозно-конфессиональной и социокультурной спецификой, динамикой экологических и демографических изменений.

Социально-философское и системное исследование Российской Федерации как уникального социокультурного и полиэтнического феномена дают основания для определения основных положений современного глобализма и выбора собственной модели развития:

1. Происходящие в современном мире процессы глобализации по ряду характерных признаков воспроизводят структуру мира на рубеже XIX–XX вв. Эта была эпоха перехода капитализма в свою высшую стадию – империализм, сущность и природа которого во многом остались неизменными на протяжении целого столетия и где всегда господствовала идеология превосходства сильного над слабым.

2. Октябрьская революция в России, образование Советского Союза, а затем и возникновение мировой системы социализма нарушили процесс формирования глобального рыночного хозяйства, основой которого оставались империализм и колониальная система. Однако не увенчалась успехом идея мировой социалистической революции и установления всемирного интернационального братства народов.

3. Разрушение СССР и мировой социалистической системы вновь поставили на повестку вопрос о создании всемирного хозяйства на традициях индустриального общества, но по прежним меркам империализма. Следует признать, что современная стратегия и политика по установлению нового мирового порядка ведут не только к расколу всего человеческого общества, но и к бесконечным конфликтам, терроризму и локальным войнам.

4. Российская цивилизация находится перед уникальной альтернативой. Она оказалась перед дилеммой: используя достижения мировой науки, культуры и цивилизации, развиваясь по собственному пути, построить современное информационное общество с высокими технологиями и сильное государство с социально ориентированной рыночной экономикой. Или, провести своеобразную «латиноамериканизацию» России, при которой политическая элита полностью оказывается под влиянием западных держав. В настоящее время развитие страны осуществляется по второму сценарию. Несмотря на всю патриотическую риторику, в государстве и обществе по-прежнему «умело» реализуется обанкротившаяся неолиберальная политика и ее идеологическая доктрина, свободная от подлинных национальных традиций и высоких моральных принципов.

Современная глобализация опирается не только на политическую, экономическую, идеологическую и культурную экспансию, но и на военную мощь самых развитых стран мира. Становящаяся система глобализации постепенно закрепляет и легитимизирует несправедливое распределение природных, трудовых, интеллектуальных и иных ресурсов. В культурно-информационной сфере глобализация обусловлена развитием технологий, она способствует пере-

мещению огромных масс людей и товаров, распространению и получению информации. Однако данный процесс сопровождается попытками установления господства западноевропейской цивилизации, культуры, мировоззрения над всеми странами планеты, транснациональной элиты над миллиардами людей, что особенно нетерпимо в современную эпоху.

Несмотря на продолжающийся кризис, по-прежнему предпринимаются серьезные пропагандистские попытки, особенно в России, представить единственно возможной западную модель глобального рыночного хозяйства и общества. Известно, что во всем мире такая форма глобализации встречает нарастающее недовольство и сопротивление, что делает судьбу человечества все более непредсказуемой.

Действительно, современный глобализм выявил объективную тенденцию: процесс формирования нового информационного общества носит системный характер. Поэтому по своей сущности глобализация имеет универсальную природу и не может быть только односторонним и индивидуальным процессом. Она возможна только при значительном, устойчивом и стабильном развитии всех континентов, всего человечества. Навязывание миру системы ценностей евроатлантической цивилизации, стремление отдельных стран доминировать в мире, взять на себя глобальное руководство и заставить мировое сообщество принять только свои ответы на вызовы современности, могут закончиться всеобщей катастрофой.

В условиях современных глобализирующихся процессов, когда развитыми странами игнорируется принцип единства в многообразии, когда присутствуют настойчивые попытки США до конца разрушить сложившуюся систему международных отношений, в мире начинает объективно действовать обратный, геополитический закон-тенденция: слабые объединяются против сильного. Одним из современных вариантов противодействия глобализму является активный процесс формирования многополярного мира, предложение качественно иных подходов решения общечеловеческих проблем, учет общемировых устремлений.

Российская Федерация, имея богатый опыт социально-исторического развития и значительный духовно-нравственный потенциал, традиции совместного существования на протяжении многих столетий различных цивилизаций, культур, народов, языков, религий, может предложить свою концепцию глобализации и интернационализации.

Как евразийская цивилизация, она представляет собой единый континент в географическом, геополитическом и социокультурном контексте,

имеет весьма сложную и разнородную социально-этническую структуру. Одним из вариантов действия принципа единства в многообразии, противостоящего современным негативным тенденциям глобализации, может быть концепция российского интернационализма. Эвристический и творческий потенциал сохранили идеи русского космизма и евразийства, которых можно рассматривать не только как философскую, культурологическую и идеологическую доктрину, но и как социально-политическое движение, противостоящее теории и политике глобализации западных стран.

Сегодня, как никогда, в рамках социально-философского и системного поиска гуманистического содержания глобальной проблематики востребованы обновленные идеи космизма и евразийства, непосредственно не связанные с многочисленными современными теориями. В анналах российской философской и социально-культурной мысли они представляют собой различные, но во многом схожие варианты универсального, глобального мировидения. Действительно, Россия может сыграть важную объединительную, синтезирующую роль в глобальной политике XXI в.

С каждым днем в мире все больше мощно и активно проявляют себя иные экономические, политические и духовные тенденции, противостоящие западной форме глобализма как специфической стадии постиндустриального развития. Нам представляется, что всемирная альтернатива глобализму наиболее полно и адекватно воплощена в интернациональной идее, которая ни в коей мере не отвергает мировых интеграционных процессов – взаимопереплетения экономик, взаимообогащения культур, взаимодействия самобытных цивилизаций. Конечно, кризис мирового социализма и развал Советского Союза породили гигантскую волну разочарования и отчаяния среди сотен миллионов людей, пессимизм, безверие в социальное равенство и справедливость, в дружбу народов. Однако следует заметить, что потерпели поражение не идеи социализма и интернационализма, а построенная в нашей стране государственная мобилизационная экономика, командно-административный тип политической системы и примитивная модель общества.

Сегодня часть западных ученых продолжает утверждать, что с наступлением глобализма можно говорить о «конце истории», необратимом характере «нового мирового порядка». Им кажется, что они изобрели средство перехитрить историю и остановить ее течение. Однако современный мировой кризис свидетельствует о том, что человечеству необходимы глобальные радикальные изменения, новая «переоценка ценностей». В наши дни все более актуальным становится вопрос: как вывести

человечество из тупика, каковы векторы мирового развития? Существует ли реальная альтернатива современным формам глобализма?

Нам представляется, что на современном этапе реальная интеграция человечества может происходить только в двух разных формах – западной «глобализации» и социалистической «интернационализации». Они противоположны друг другу практически во всех сферах и измерениях общественной жизни: в экономике и политике, в международных отношениях и государственном строительстве, в этническом и национальном развитии, в науке и культуре, искусстве и морали. Соперничество этих двух тенденций и образует ключевое содержание современного глобального процесса. Если провести чисто формальное, сугубо поверхностное сопоставление доктрин, то может показаться, что и апологеты глобализации, «нового мирового порядка», и приверженцы социалистической, интернациональной идеи будущего, проповедуют схожие ценности и идеалы.

В самом деле, в обеих системах видное место занимает сближение народов и наций, стирание государственных границ. В них в конечном счете проявляются наиболее фундаментальные тенденции развития мировой экономики, перерастающей в ограниченность и обособленность. Объективная основа этого движения – обобществление труда, идущее как в процессе развития производительных сил, так и производственных отношений, обобществление, перешагивающее через национальные и государственные границы.

Прогрессивная историческая миссия индустриальной системы заключается в том, что она ликвидировала изолированность, осуществила слом национальных перегородок, и тем самым создала предпосылки для развития всесторонних связей и отношений между народами, предпосылки всемирной «глобальной» теории, воплощение которых в действительности может идти разными путями. Социальный прогресс всегда преодолевает прежние формы общественного устройства. Однако в безудержной погоне за «новым» она разрушила фундаментальные, непреходящие основы существования общества и человека.

Аналогичные процессы происходят и в современную эпоху, когда модернизация и становление информационного общества сопровождается разрушением не только материальных основ, но и девальвацией духовно-нравственных ценностей всех цивилизаций. Следует также признать, что созданные развитыми странами могучие производительные силы, переходя через эту грань, превратились в универсальную, глобальную, деструктивную силу разрушения и саморазрушения.

Вопреки логике всеобщей истории, социального прогресса, в антиисторический прогрессизм превращается глобальное наступление постиндустриальной цивилизации, искусственно навязавшей большинству населения планеты изоцированные формы отчуждения и эксплуатации. Безраздельное господство развитых стран со своей рыночной экономикой и транснациональными компаниями превратило все в мире в поверхностное мелькание мод. Появилась мода на политику, мораль, «стиль жизни», «идеи», одежду, автомобили. Конечно, многое может стать предметом быстротекущей моды, как, например, одежда, прически. Однако серьезные идеи и ценности не могут превращаться в моду, потому что выхлещаются и гибнут. Это прямое следствие действия системы рыночных отношений, безразличных к человеку как субъекту не только экономики, культуры, но и собственной жизни. В западном обществе по-прежнему господствует деструктивная тенденция к замене всего многообразия общественных отношений только одной универсальной связью – денежной, достижением прибыли в любой ситуации. Сегодня эта связь лежит и в фундаменте «нового мирового порядка», т. е. современной глобализации.

Возвращаясь к проблеме этнического бытия, отметим, что центральным моментом, определяющим различие между глобализмом и интернационализмом, является их противоположное отношение к национальному как особому явлению, играющему огромную роль в жизни человечества. Среди всех проблем общественного развития национальные вопросы всегда были самыми деликатными, затрагивающими очень тонкие, чувствительные струны человеческой души. История человеческого общества знает многочисленные примеры спекуляций на национальных чувствах, использования их в качестве прикрытия высоких целей, эгоистических интересов и амбиций лидеров, для развязывания социальных конфликтов.

Социальный прогресс требует отделения национализма и шовинизма, прикрытых оболочкой национальных чувств, от естественного стремления народов к свободному развитию своей культуры и государственности. Конечно, достаточно сложно объяснить человеку, как его патриотизм и чувство национального достоинства часто эксплуатируются разными политическими силами в грязных эгоистических целях.

В противоположность глобализму, интернационализм даже этимологически резко отличается от него. Интернациональный – значит межнациональный, то есть ни в коем случае не отменяющий и не зачеркивающий национальную особенность. Без национального нет и не может быть интерна-

ционального. И, наоборот, интернационализм немислим без патриотизма. Интернационализм вырастает на основе взаимодействия и сотрудничества народов, взаимообогащения культур и языков, кооперации национальных экономик. Транснациональные корпорации как олицетворение глобализма – учреждения наднационального и вненационального характера. Если интернационализм способствует национальному развитию, органически включая в себя патриотизм, то глобализм обедняет, коверкает и постепенно разрушает национальное, «укладывая» его в две взаимодополняющие пары: гегемонизм и шовинизм. В мире существует много людей по наивности и злему умыслу отождествляющие интернационализм с космополитизмом, а патриотизм – с шовинизмом. Современный космополитизм, в отличие от античных идей всемирного братства и равенства всех людей, в настоящее время противоположен интернационализму, а шовинизм – патриотизму.

Сегодня в мировом духовном пространстве столкнулись не Запад и Восток, а культура и антикультура, в равной мере враждебная как западной, так и восточной традиции. Современное российское общество являет собой арену, на которой эта борьба протекает в наиболее острых формах. И в то же время она ярко окрашена в неповторимые тона, приобрела исконно национальные черты. Вполне очевидно, что пресловутый тезис о «возвращении в цивилизацию» – это продолжающаяся дискуссия между славянофилами и западниками о судьбе России, ее месте в мировой цивилизации.

Передовая русская мысль в лице ее ярчайших мыслителей: В. Г. Белинского и А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, Г. В. Плеханова и А. М. Горького и других, нашла выход из крайностей, безнадежной антиномии, указала на демократическое разрешение вопроса. Именно у них стоит поучиться верному пониманию русского национального характера. Особые черты русского народа они видели в непримиримости ко всяким половинчатым, фальшивым решениям, в горячем стремлении вырваться из старого, крепостнического строя без подчинения новому рабству западной, рыночной цивилизации, в трезвой способности отбирать лучшее среди достижений современной культуры, не поддаваясь внешним эффектам, обманчивой видимости комфорта и благополучия. Эти черты с наибольшей полнотой нашли свое воплощение в русской культуре, в частности, в литературе, особенно в «феномене Пушкина». Его гениальное творческое наследие показало и доказало, что культура тогда становится подлинно национальной и на-

родной, когда она достигает мирового, интернационального значения, становится органической составляющей мировой культуры.

Во второй половине XX в. СССР в сложных международных условиях вел борьбу против разных форм западной глобализации, разрушающих основы бытия народов мира, защищал и развивал их национально-культурную самобытность, стремился реализовывать идеи социалистического интернационализма, дружбы народов. Разрушение Советского Союза привело к полному распаду биполярного мира и разложению всей системы сложившихся международных отношений, способствовал девальвации духовно-нравственных ценностей социализма, идей и традиций интернационализма. Сегодня стремление народов продолжить свой самобытный путь исторического развития сталкивается с не менее ожесточенным стремлением навязать миру идеи и ценности западной концепции глобализма.

Современные процессы глобализации, в отличие от идеологии и социальной практики интернационализма, становятся фактором, разрушительно действующим на всемирную историю. Они формируют свою специфическую модель культуры, элит и масс, разрушая национальные культуры и замещая абстрактными «общечеловеческими», а на самом деле – ценностями рыночного, атомизированного индивида. Образуемое этими индивидами «гражданское общество» – не общечеловеческое достояние, а именно сообщество отдельных эгоистов и потребителей, превыше всего ставящих личные, узкокорыстные цели. Поэтому за рамками современного гражданского общества остается большинство населения планеты. Совершая экскурс в историю, вспомним, как за пределами античных демократий оставались миллионы рабов. Однако если без античного мира не было бы мировой культуры, то современные изощренные формы господства и эксплуатации не являются необходимыми условиями развития цивилизации, а наоборот они стали тормозящим, разрушительным фактором.

Актуализируя проблемы социально-этнического бытия, следует рассматривать и один из ключевых вопросов современности – вопрос о судьбе государства, о котором позиции сторонников глобализма и интернационализма также диаметрально противоположны. В отдаленной перспективе, по мнению классиков марксизма, движение от социализма к коммунизму, как специфическому состоянию общества, предполагало естественное «отмирание» государства как орудия насилия, особого, стоящего над социумом, аппарата публичной власти. Соответственно возникли бы условия для его постепенного «засыпания» и перехода общества к само-

управлению, что является, конечно, делом отдаленного будущего.

Как показывает современная действительность, глобализация выбрала путь форсированной ликвидации национальных государств и их суверенитета ради усиления наднациональной власти, всемирного государства, создания мирового правительства, выполняющего цели транснациональных корпораций [1. С. 32]. Глобализация не устраняет внутренних противоречий, свойственных любому классовому государству, а переводит их на более высокий уровень, доводит до мирового масштаба. Государство, наоборот, усиливает свои карательные, надзорные функции. По мере отрыва такого государства от его национальной, территориальной и «почвенной» основы, все более обнажается его сущность как машины экономической эксплуатации, политического господства и отчуждения человека. Это «всемирное государство» уже цинично загоняет в резервации целые страны, вершит судьбы народов, душит долгами национальные экономики. Оно все более выявляет свою агрессивную сущность, плодит немалое количество агентов влияния, создает марионеточные правительства, использует ложь, клевету, политические и манипуляционные технологии для полного господства на планете [2. С. 46].

Очевидно, что представители большинства наций и народов, культур и цивилизаций не только не согласятся с настойчивым стремлением развитых стран навязать им уродливые формы глобализации, установить «новый мировой порядок» по-американски. Как показывают современные реалии, они неизбежно встанут на борьбу за свои права и свободы, в защиту национальной культуры и этнической идентичности. Все это делает дальнейшую судьбу человечества непредсказуемой и более опасной.

Как указывали ранее, Российская Федерация оказывается перед серьезной необходимостью объединить на основе обновленных концепций космизма, евразийства и идей интернационализма народы Запада и Востока, предложить человечеству свои варианты глобальной интернационализации. В настоящее время формируется новое самосознание российской цивилизации. Оно должно оформиться не просто как пространство перехода от постиндустриального общества к информационному, а как новый центр социокультурной идентификации.

Действительно, в рамках западной парадигмы не могут быть решены стоящие перед человечеством глобальные проблемы. По мнению В. С. Степина, во второй половине XX в. техногенная цивилизация со своей идеологией преобразования мира и обеспечения господства человека над при-

родой, породила глобальные кризисы. Западное общество, оказавшись перед необходимостью их преодоления, пока не стремится к изменению своих базовых ценностей [5. С. 311].

Все это дает нам основание признать особую роль России на пути формирования нового информационного сообщества. Она нужна всему мировому сообществу как цивилизационная самоценность, как лидер огромного евразийского пространства, обеспечивающего стабильные и плодотворные отношения между великими цивилизациями Запада и Востока. Следует помнить, что «как раз на стыке культуры и цивилизации наиболее остро и в явной форме проявляется двойственная, противоречивая природа общественного развития, противостояние космополитизма и национализма, глобализации и автаркии» [6. С. 35]. Мир нужен России как источник современного опыта социально-экономического и политического развития, как важный потенциал содействия в радикальной модернизации, как благоприятная среда, в которой идет поиск ее новой идентичности.

В современных условиях становления новой информационной цивилизации перед российским обществом стоит особая историческая миссия. Несмотря на все продолжающийся кризис социально-экономической системы и духовно-нравственных ценностей, Россия способна с помощью новой интернациональной идеи осуществить суперэтнический синтез, предложить свою, качественно иную

стратегию и концепцию глобализации и интернационализации.

Конечно, философия не может непосредственно влиять на решения национальных правительств или на деятельность международных организаций. Однако мы, философы, как утверждает Р. Рорти, можем помочь в наведении мостов между народами, ибо если философы не станут интернационалистами, никто не будет таковым [7. Р. 110].

Действительно, сегодня философия со всей серьезностью должна заняться осмыслением проблем глобализации и интернационального единства народов, чтобы превратиться в реальный инструмент построения на Земле справедливого и гуманного общего дома.

Библиографический список

1. Бек, У. Что такое глобализация [Текст] / У. Бек. – М., 2001.
2. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн. – М., 2003.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа [Текст] / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.
4. Жуков, В. И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз [Текст] / В. И. Жуков // Социологические исследования. – 2008. – №12.
5. Степин, В. С. Цивилизационного развития типы [Текст] / В. С. Степин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., Мысль, 2002.
6. Чумаков, А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности [Текст] / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2009. – №1.
7. Rortys, Richard Pragmatism and the Russian Context [Text] / Richard Rortys. – Moscow, 1997.

УДК 502.313

ПОНЯТИЕ ПРИРОДЫ И ГЛОБАЛИЗМ

Д. Р. Яворский

В статье анализируется генезис понятия природы и показывается роль этого понятия в становлении идеологии глобализма.

Ключевые слова: природа, глобализм, символ единства, натурализм.

NOTION OF NATURE AND IDEOLOGY OF GLOBALISM

D. R. Javorsky

In this paper the author analyzes the genesis of the notion of nature and explicates the role of the notion in the ideological background of globalization.

Keywords: nature, globalism, symbol of unity, naturalism.

Едва ли можно признать полной и достаточной трактовку глобализации как объективного процесса, в котором экономическая логика диктует свои правила остальным сферам культуры. Успехи многогранной интеграции вряд ли были бы столь

впечатляющи без мировоззренческой поддержки. Поэтому анализ глобализации требует наряду с другим вдумчивого изучения явных или скрытых идеологических оснований, служащих если не двигателем, то, по крайней мере, катализатором

этого процесса. Иными словами, уместно и своевременно задаться кантовским вопросом о мировоззренческих условиях возможности реализовать амбициозный проект под названием «единое человечество».

Вышедший из неокантианства, Эрнст Кассирер обратил внимание на то, что деятельность человека опосредована символическими системами [1]. Если соглашаться с ним, то условия возможности понятия «человечество» и условия возможности интеграции человечества следует искать именно в области символов культуры.

Поскольку интегрированное человечество – один из типов социально-культурного единства (возможный, но не реализованный), постольку необходимо рассмотреть механизмы символического моделирования социально-культурных систем. Для последующего хода рассуждений принципиально важно отметить, что люди осознают или переживают единство друг с другом именно при помощи символики, будь то символика родства, территории, религиозного братства и прочее. Однако социальная символика представляет собой только надводную часть символического айсберга: при более внимательном анализе она видится вплетенной в сложную систему символов, описывающих фрагменты действительности, на первый взгляд, далекие от социальной жизни [2].

Среди множества символов, опосредующих отношения людей друг к другу, можно обнаружить символы единства, выступающие в качестве фетишей сложных и, в большинстве случаев, неочевидных социальных систем. Но символ единства будет эффективен, если он связывает (осознаваемо или не осознаваемо для его носителей) представления об устройстве общества с представлениями о мироустройстве. Иначе говоря, единство определенной группы людей должно быть обосновано онтологически.

Один из наиболее ранних символов единства – тотем. Достаточно убедительно продемонстрировал связь между тотемическими представлениями и самосознанием первобытного социума Э. Дюркгейм в классической работе «Элементарные формы религиозной жизни», посвященной религиозным представлениям австралийских аборигенов [3]. В то же время многочисленные работы этнологов, посвященные тотемизму, демонстрируют тотем как центр сложной символической системы, включающей в себя множество самых разных уровней: уровень классификаций существ и предметов природного мира, уровень социальных отношений, уровень мифологии и прочее. И если вслед за современной этнологией рассматривать тотемизм как универсальный культурный фено-

мен, то с уверенностью можно поставить тотем в начало процесса развития символики социального единства.

По мере усложнения социальных систем трансформировались и символы единства: вместе с расширением размеров социума должен был увеличиваться интегративный потенциал этих символов. На раннем этапе развития, несмотря на все трансформации, характерной чертой символов единства оставалась принадлежность к религиозному символическому набору. Примерами таких символов единства являются боги – покровители городских общин, именами которых нередко назывались города, и отправление культа считалось обязанностью граждан. Проявление непочтительности по отношению к ним рассматривалось как политическое преступление: подтверждение тому – судьба Сократа. В качестве символа единства выступал и обожествленный правитель восточных деспотий, и небо в качестве источника социального порядка. Однако при всем различии интегративных потенциалов этих символов и размеров социумов ими поддерживаемых, можно усмотреть общую черту ранних символических моделей социально-культурного единства – их партикулярный характер. Все эти символы создают локальные сообщества, не притязающие на тотальность. И здесь партикулярным символам единства могут быть противопоставлены универсальные, при помощи которых возможно моделирование глобальной социально-культурной целостности.

Основы первой универсальной символической модели социально-культурной целостности заложил монотеизм. Бог как творец и промыслитель мироздания выступает в качестве такого символа единства, интегративный потенциал которого позволяет в перспективе охватить все народы. Следует признать, что путь от монотеизма древних евреев до концепта «человечество» был долгим и извилистым. Библейские тексты свидетельствуют о трудном противостоянии партикуляризма и универсализма в древнееврейской религии. Но уже пророческая литература свидетельствует о новом типе религии и новой модели социально-культурной целостности. Конец времен описывается у древнеизраильских пророков посредством образов, демонстрирующих грядущее примирение и единение народов перед престолом единого Бога. Более того, само разделение народов трактуется как нарушение изначального единства, описанного в мифе о сотворении всечеловека – Адама.

С универсалистскими тенденциями библейской традиции сближается античная философия.

Однако ни Платон, ни Аристотель, авторитет которых не иссяк доньше, не решились, да, видимо, и не собирались отказаться от партикуляристской концепции человека, сохранив в неприкосновенности обыденное представление о качественной несхожести эллинов и варваров. Уникальный прорыв за рамки партикуляризма удалось совершить, по всей видимости, только воспитаннику Аристотеля царю Александру Македонскому. Впрочем, о его убеждениях мы можем судить только по косвенным источникам – сообщениям античных историков.

Универсалистский потенциал библейского антропогонического мифа был во всей мощи раскрыт в христианской антропологии, где единство человеческой природы закреплено догматом о боговоплощении. Вочеловечившийся Бог-Сын вобрал в себя всеобщую человечность, к которой причастен каждый, вне зависимости от родовой, племенной, национальной или расовой принадлежности. Этот аспект христианской доктрины (вкуче с другими) позволяет без сомнения характеризовать христианство как мировую, универсальную религию. Таким же убеждением в единстве человечества пронизана и мусульманская доктрина. Именно поэтому ислам стал единственным равновесным христианству соперником в деле глобальной интеграции человечества.

Средние века стали временем политической реализации этих моделей в виде *Respublica Christiana*, с одной стороны, и «дар-аль-ислам» – с другой. Для осуществления монотеистического проекта социально-культурной целостности были задействованы все ресурсы: и интеллектуальные, и политические, и экономические. Однако к концу средневековья была наведена непреодолимая граница между христианским и исламским мирами. Более того, внутри этих миров произошли болезненные разломы – свидетельство исчерпания монотеистической символикой единства своего интегративного потенциала.

На рубеже средневековья и Нового времени начались интенсивные поиски символов единства, способных преодолеть обозначившиеся религиозные и культурные барьеры. Результатом этих поисков стала кристаллизация нового универсального символа единства – «природы», а значит и новой модели интеграции человечества, которую можно обозначить как «натуралистическую».

Следует подчеркнуть, что содержание понятия «природа» не сводится к «чувственно воспринимаемой физической реальности»; оно включает в себя и такие смысловые сегменты, как «естественный человек», «естественная мораль», «естественная религия», «естественный разум», «естественное

право» и т. д. Во всех этих выражениях слово «естественный» указывает на универсальную «природу» человека, скрывающуюся за многообразием религий, традиций, обычаев, стереотипов и т. п. Именно эта «природа» делает человечество изначально (онтологически) единым. Однако в условиях религиозной и культурной раздробленности это единство выступает как потенциальное, как конечный пункт исторического процесса.

Необходимо признать, что понятием естественного как изначально универсального широко пользовались еще в Средние века, однако, статус символа единства «природа» получила только в процессе секуляризации, заменив собой монотеистического Бога. Как известно, в новоевропейскую культуру «природа» вошла в одеждах пантеистически понятого Яхве. Это свидетельствует как о преемственности, так и об антагонистичности монотеистической и натуралистической моделей.

Средневековые схоласты, в особенности номиналисты, редко употребляли слово «природа» в единственном числе, стремясь следовать в русле перипатетики. В соответствии с аристотелевской философией, «природ» столько, сколько единичных вещей: у каждой вещи своя «чтойность», своя природа, своя собственная субстанция. Многообразие индивидуальных вещей согласуется, по мысли схоластов, божественной волей [4. С. 26–29]. Если реконструировать в духе социологического редукционизма социально-культурное содержание этой плюралистической интерпретации «природы», то получится феодальное общество, хрупкое единство которого поддерживалось христианством и Католической церковью, подчиненной римскому понтифику [5. С. 57]. Формула этой социально-символической модели: *природ много – Бог один (религия одна)*.

Расшатывание могущества Католической церкви в XIV в. заставило интеллектуальную элиту в XV в. искать новую символическую идеологическую модель, отвечающую новой ситуации. Ключевая роль здесь, по-видимому, принадлежит Николаю Кузанскому, который первым в рамках ортодоксальной теологии провозгласил собственное единство тварного мира [4. С. 47–49]. Таким образом, он подготовил новую монистическую концепцию природы, закрепленную в пантеистической натурфилософии Ренессанса в XVI в. Примечательно, что Николай из Кузы принимал активное участие в преодолении результатов Схизмы конца XIV – начала XV вв. в Католической церкви и участвовал в подготовке знаменитого Ферраро-Флорентийского собора, где решался вопрос об объединении Римской и Греческой церквей.

Однако только к XVII в. натуралистическая символика начнет вытеснять христианскую. Формула новой модели социально-культурного единства: *религий много – природа одна*.

Принципиально важным для натуралистической модели единства стало положение о том, что природа, в качестве физической реальности, повсеместно одна и та же и дана человеку в непосредственном восприятии, не зависящем от культурной установки. Это положение настойчиво проводится естествознанием, которое само становится важным элементом социотворческой «машины» новой модели единства. Неслучайно научная интеллигенция до сих пор рассматривается как главный проводник универсализма. Единство природного мира подкрепляется и целостностью научной парадигмы: как и природа, наука должна быть едина, то есть должна иметь общий, хоть и сегментированный, предмет, общий набор принципов и общую инфраструктуру (университеты, академии).

Не менее важным элементом символической системы натурализма является положение о видо-вом единстве человечества. Создателем термина «*homo sapiens*», как известно, был Карл Линней, предложивший первую научную классификацию биологических видов в книге «Система природы», вышедшей в свет в 1735 г. Примечательно то, что не всех людей он относил к одному виду. Наряду с *homo sapiens*, он выделял вид *homo monstrosus*, к которому относил «малорослых» горцев, «крупных» и «ленивых» патогонцев, готтентотов, «безбородых» американцев, китайцев «с конической головой» и канадцев «со сплюсненной головой» [6. с. 20–24]. Значит, на этом этапе концепция человечества как единого вида находилась в процессе становления.

В более поздних классификациях видовой термин «*homo sapiens*» распространяется учеными на всех людей. Уже современник Линнея, знаменитый французский натуралист Жорж Бюффон не сомневался в видовом единстве человечества: «Человек, белый в Европе, черный в Африке, желтый в Азии и красный в Америке – все тот же человек, лишь окрашенный в цвет своего климата». Главным аргументом в пользу этой точки зрения Бюффон считал факт браков между представителями разных рас, дающих репродуктивное потомство [7. С. 108].

Особого внимания как символическое выражение всечеловеческого единства заслуживают географические карты [8]. Как известно, координатные точки средневековых географических карт несли мощную религиозную нагрузку. В дошедших до нашего времени западноевропейских картах VII–XIII вв. (так называемых «монастырских

картах») ориентиром выступал восток, где средневековые картографы помещали рай. В центре карты располагали Иерусалим как место Гроба Господня, как наиболее сакральную точку Вселенной. Арабские карты того же периода ориентированы на юг и центральной точкой изображают Мекку. Географические карты – одно из самых красноречивых свидетельств того, что представители разных конфессиональных кругов в Средние века жили в разных, несовместимых друг с другом и противостоящих друг другу мирах.

Революцию в картографии произвело открытие книг Птолемея, где предлагалось использовать координатную сетку из параллелей и меридианов для вычерчивания географических карт. На основании картографических принципов Птолемея, но с учетом новых географических открытий в 80-е гг. XV в. в Западной Европе появляются географические карты, где религиозные ориентиры уступают место сугубо «природным»: полюсам и экватору. С XVI в. географические карты нового образца доминируют. Они изображают мир, не разделенный религиозными координатами, а единый мир природы, где нет религиозных и культурных границ. Этот новый природный мир становится вмещением для потенциального единого человечества, преодолевшего религиозную вражду. Таким образом, географические карты изображали единый, неразделенный мир природы, которой становился благоприятной средой для социально-культурной интеграции.

Разумеется, выявление социокультурного содержания понятия «природа», а также демонстрации развертывания этого содержания в концепте «*homo sapiens*» и в новоевропейской картографии недостаточно для всестороннего описания идеологических истоков глобализма. Тем не менее, даже этот весьма ограниченный анализ способен пролить свет на неясный смысл тех процессов, которые происходят сегодня. Распад классической научной парадигмы, атомизация наук, легитимация в методологии принципа несоизмеримости научных программ, парадигматический плюрализм – все это можно рассматривать как симптомы распада натуралистической модели социально-культурной интеграции человечества. Симптоматично и то, что само понятие природы становится объектом политической деконструкции [9]. В этой ситуации успехи глобализации не представляются столь уж фатальными, как не выглядит predetermined и победа глобализма в качестве универсальной идеологии всемирного человеческого единства. Конечно, это не означает, что девальвация натурализма неизбежно ведет к краху глобализма – возможны иные символические модели, обеспе-

чивающие интеграционные процессы. Однако следует отдавать себе отчет в том, что характер глобализации и ее предполагаемые результаты в значительной степени будут зависеть от того, каким образом обосновывается ее долженствование и необходимость.

Библиографический список

1. *Кассирер, Э.* Философия символических форм. Т. 1–3. [Текст] / Э. Кассирер. – М.; СПб., 2002.
 2. *Пигалев, А. И.* Культура как целостность: (методологические аспекты) [Текст] / А. И. Пигалев. – Волгоград, 2001.
 3. *Durkheim, É.* The elementary forms of religious life [Text] / É. Durkheim. – N.Y., 1995.

4. *Ахутин, А. В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура») [Текст] / А. В. Ахутин. – М., 1988.
 5. *De Wulf, M.* Philosophy and Civilization in the Middle Ages [Text] / M. De Wulf. – N.Y., 1953.
 6. *Linnaei, Caroli.* Systema nature. (A photographic facsimile of the first volume of the tenth edition (1758)). Regnum animale [Text] / Caroli Linnaei. – L., 1956.
 7. *Канаев, И. И.* Избранные труды по истории науки [Текст] / И. И. Канаев. – СПб., 2000.
 8. *Дитмар, А. Б.* От Птолемея до Колумба [Текст] / А. Б. Дитмар. – М., 1989.
 9. *Latour, B.* Politics of Nature. How to Bring the Science into Democracy [Text] / B. Latour. – Cambridge, Mass., London, 2004.

УДК 378.1

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ
И СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

С. С. Восканян

В постсоветский период российская наука и система высшего образования оказались в глубоком кризисе. Все попытки их реформирования практически не улучшали ситуацию. Нередко реформы носили противоречивый характер. Демонопользация рынка образовательных услуг и либерализация требований к получению ученых степеней привели к повышению количественного показателя в науке, а не качественного.

Ключевые слова: министерство образования, высшее образование, наука, преподаватели, студенты.

**BASIC SCIENCE AND HIGH EDUCATION DEVELOPMENT TRENDS
IN POST-SOVIET RUSSIA**

S. S. Voskanyan

In post-Soviet Russia science and system of higher education appeared to be in deep crisis. All efforts to reform them in practice failed. It often happened that the reforms were contradictory. Demonopolization of educational services market and liberalization of the requirements to getting scientific degrees led to increasing quantitative index in science, but not the qualitative one.

Keywords: Ministry of Education, higher education, science, Professors, students.

Прошло семнадцать лет со времени распада СССР и можно подвести некоторые итоги развития отечественной постсоветской науки. Гуманитарная наука в целом совершила определенный шаг вперед по сравнению с советским периодом. Этому способствовали две главные причины: 1) открытие границ, которое позволило нашим ученым получать прямой и неограниченный доступ к достижениям зарубежной науки, и 2) свобода слова, предоставившая возможность изучения любой проблемы, в том числе без оглядки на существующие теории и признанные в советское время научные авторитеты. Нарботки зарубежных ученых не только принимались нашими специалистами, но и дополнялись и апробировались на российской действительности. Как ни странно, но большую услугу отечественным ученым ока-

зали политики и власть – бурные политические и социально-экономические события и процессы, особенно в 1990-х гг., проходившие в стране «благодаря» действиям или бездействию властей, предоставили гуманитариям богатый эмпирический материал и прекрасную возможность для проверки истинности своих теорий, выводов и предположений. За считанные годы наши специалисты получили огромный объем информации и, к их чести, в целом успели его обработать, хотя и с разной степенью качества. Резко увеличилось количество публикаций, в том числе монографий, учебников и журналов. Расширились возможности для публикаций. К настоящему времени в таких науках, как история, политология, социология появились определенные школы, направления и центры по изучению отдельных проблем.

На научном небосклоне засветились новые имена плеяды талантливых ученых, причем не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но и из регионов.

Однако наряду с положительными явлениями нельзя не заметить и отрицательные тенденции, и процессы, которые появились в гуманитарной науке и связанной с ней системе высшего образования за постсоветский период. Источники этих негативов находятся на всех уровнях научной сферы и в него вовлечены практически все основные акторы. Попытаемся их проанализировать.

Высший уровень – министерство образования и науки. Политическая и социально-экономическая реальность, в которой оказалась страна в 1990-х гг. поставили на повестку дня вопрос проведения реформ. Необходимо было привести научную сферу и систему высшего образования в соответствии с новыми вызовами эпохи и потребностями страны. И хотя за семнадцать лет сменилось уже несколько руководителей минобра, однако, о проведении реформ говорили все. Но, к сожалению, отсутствие логически грамотно выработанной программы реформ в конечном счете привело к внедрению отдельно взятых, разрозненных элементов, которые лишь усугубили ситуацию, а сама наука и система высшего образования стали развиваться в целом по регрессивному пути. Среди основных элементов реформы, которую начали активно внедрять министерство буквально с первых дней распада СССР, оказались: ослабление государственного контроля над наукой и системой высшего образования с одновременной демонополизацией рынка образовательных услуг, сокращение государственных расходов на науку и государственные образовательные учреждения, предоставление большей самостоятельности вузам, в том числе в вопросах увеличения своих доходов.

Еще в начале 1990-х гг. правительство демонополизировало рынок образовательных услуг, дав добро существованию негосударственных образовательных учреждений, в том числе в сфере высшего образования, и резко ослабило свой контроль над государственными вузами. Общество и научные круги в целом позитивно восприняли эти действия. Однако мало кто сразу понял, что это был фактически призыв ко всем и вся, с одной стороны, создавать негосударственные вузы, даже не имея минимальной материальной базы и людских ресурсов (квалифицированного преподавательского состава), а с другой – получать высшее образование сомнительного уровня. Бизнесмены от науки и высшего образования и массы были допущены к системе, которая до этого считалась элитарной, и для попадания куда необходимо

было раньше пройти конкурсный отбор. В результате начали появляться многочисленные вузы. Такими же темпами увеличивалось число филиалов и представительств государственных вузов.

Лишь в последние годы минобр, осознав допущенную ошибку, пытается через различные механизмы закрыть наиболее слабые вузы (в том числе и государственные), филиалы и представительства.

Еще одним из негативных последствий либерализации стало то, что ученые степени и научные звания начали получать, так сказать, все, кому не лень, вне зависимости от того, был ли соискатель связан хоть чем-то с наукой и системой высшего образования или нет. В первую очередь кандидатами и докторами наук, профессорами становились те, кто имел тесные связи (родственные, дружеские, финансовые и др.) с руководителями вузов или диссертационными советами. В результате количество защищенных диссертаций стало быстро расти и в настоящее время оно превысило средний показатель 1980-х гг. по СССР. Так, к примеру, если в 1987 г. в СССР ВАК утвердил 32472 ученых степеней, в том числе 3190 (9,8 %) докторов наук и 29282 (90,2 %) кандидатов, то в 2006 г. – 34613, из них 3963 (11,4 %) докторов и 30650 (88,6 %) кандидатов наук¹, т. е. увеличение произошло не только по абсолютному показателю (на 6,6 %), но и по относительному – на душу населения, так как численность жителей страны за этот период сократилась в два раза с 285 млн. человек (в СССР) до 142 млн. (в России). И несмотря на данные показатели, а также на то, что количество защищенных диссертаций повысилось в основном за счет докторских (стало больше на 24,2 %, кандидатских – на 4,7 %), на качестве нашей науки это никак не проявилось.

Со временем эту проблему начали осознавать и чиновники из минобра и ВАКа, и вот уже на протяжении последних 6–7 лет государство стремится исправить существующее положение. Но не даром же одной из национальных черт россиянина считается максимализм: ВАК и минобр от политики крайнего либерализма перешли к политике крайнего ужесточения требований по получению ученых степеней и званий. И чуть ли не ежегодно эти требования дополняются все новыми и новыми.

Средний уровень – высшие учебные заведения. Одна из главных проблем вузов, особенно государственных, – это ограниченность финансовых ресурсов. Резкое сокращение бюджетного

¹ Качуровская А., Федюкин И. Совет в конце тоннеля // Коммерсантъ-Власть. – 2001. – №5.

финансирования госвузов в 1990-х гг. привело к тому, что учебные заведения вынуждены были не только сократить и прекратить отдельные научно-исследовательские, а порой и лабораторные работы, но и выплачивать своим сотрудникам и преподавателям лишь часть зарплаты, обещая остальную выдать, когда появятся деньги (такое имело место в некоторых вузах Волгограда). Начался отток профессорско-преподавательского состава из системы высшего образования в другие сферы. Чтобы хоть как-то воспрепятствовать этому, руководители многих высших учебных заведений фактически своим молчанием и бездействием разрешили преподавателям осуществлять поборы со студентов при приеме экзаменов, зачетов, защите курсовых работ и т. д. Конечно, нельзя сказать, что в советское время в этом плане было все идеально. Отдельные случаи тогда были практически во всех вузах страны, особенно выделялись те, где наблюдался слабый конкурс и, следовательно, умственный и культурный уровень студентов был невысок, т. е. когда студенты, не имея способностей и(или) желания учиться «по-другому» договаривались с преподавателями о сдаче экзаменов и зачетов. Однако высокая и стабильная зарплата преподавателей, высокий уровень культуры преподавателей и, в целом, студентов, а также некоторые другие положительные факторы препятствовали в тот период глубокому и всеобщему расползанию этого процесса. Демонополизация рынка образовательных услуг, всеобщая доступность высшего образования, наличие многочисленных вузов и, следовательно, ужесточение конкуренции между ними стали причинами того, что в стремлении заполнить студенческие места, вузы начали брать чуть ли не всех и вся, вне зависимости от уровня знаний и способностей.

С легкой руки минобра вузам облегчили возможность зарабатывания денег и с помощью новых форм обучения. В постсоветский период появилась дистанционная форма обучения, скопированная с Запада. Однако, разрешив эту форму обучения, минобр не учел разницы в психологии и целевых установках западного студента и отечественного: если на Западе студент учится, в первую очередь, ради знаний, которые помогут ему в дальнейшем устроиться в жизни, то наш студент – ради диплома. Причиной такого различия являются разные требования, предъявляемые общественными системами к человеку: на Западе – это, главным образом, способности, знания, навыки, талант, у нас – формальные признаки – наличие определенного диплома, дружественных, родственных и других связей и т. д. Поэтому студенты разных стран стремятся

удовлетворить требования своих общественных систем.

Низший уровень – население (студенты, научно-преподавательский состав и др.). Эти группы также являются причинами не меньшего числа негативных тенденций в отечественной науке.

Возьмем, к примеру, современных студентов. Выше уже говорилось, что всеобщая доступность высшего образования, большое количество вузов, а также коммерческих мест в госвузах резко увеличили в высшей школе долю студентов с очень низким уровнем знаний и культуры. В первую очередь это повлияло на взаимоотношения преподавателей и студентов, стали чаще возникать конфликтные ситуации. Кроме того, например, большая масса студентов, особенно в негосударственных высших учебных заведениях, не успевает во время лекций конспектировать, и преподаватель вынужден снижать скорость речи, в результате чего он не выдает необходимый объем информации, а сами лекции превращаются в диктанты, которые, как известно, пишут ученики средней школы до 6–7 класса.

Злую шутку со студентами сыграл и научно-технический прогресс. Так, если до появления компьютеров, ксероксов и сканеров студенты при подготовке к занятиям вынуждены были работать непосредственно с книгами и журналами, конспектируя необходимый материал, что способствовало хотя бы частичному его запоминанию, то теперь материал просто ксерокопируют, и знакомится студент с ним уже во время его перечитывания (даже не пересказывания) на семинарском занятии. Что же касается более сложных видов учебной деятельности, таких, как выполнение курсовых и дипломных работ, то для этого есть Интернет. Если же студент абсолютно ленив или «очень занят» и не хочет даже из Интернета скачать готовую курсовую или дипломную работу, то эти работы можно купить (причем иногда у самого преподавателя). В результате студент недополучает определенный объем знаний, разучивается (если он вообще умел) работать с литературой и привыкает к мысли, что для решения многих возникающих проблем в жизни требуется всего лишь наличие достаточных финансовых средств, а не труд, знания и способности.

Не лучше дело обстоит и с написанием диссертаций. То, что диссертации тоже можно спокойно заказать или почти весь материал взять из Интернета, уже давно никого не удивляет. Наличие многочисленных вузов способствовало резкому повышению спроса на кандидатов и докторов наук, а легкая доступность к информации (через Интернет) помогает быстро удовлетворить

этот спрос. В результате уровень подготовки профессорско-преподавательского состава начал снижаться. Случаев, когда иные кандидаты или доктора наук (обычно молодые) не знают даже базовых основ по своей дисциплине, становится все чаще и чаще. В начале 2000-х гг. при одном из волгоградских вузов действовал центр помощи в выполнении кандидатских и докторских диссертаций. Причем центр работал легально, активно рекламируя себя в СМИ, и приглашая к сотрудничеству всех желающих. Не исключено, что он до сих пор действует, особенно учитывая существующий спрос на диссертации.

Массовая доступность ученых степеней и научных званий, приход в науку и систему высшего образования таких горе-ученых не могли не отразиться на отечественной науке. Если проанализировать статьи, монографии, учебники, диссертации по таким дисциплинам, как «политология», «социология», «философия» и некоторым другим, то очень часто обнаруживаешь, что наши ученые переписывают у других специалистов (особенно зарубежных) их идеи и теории или предлагают такие, что иногда удивляешься, как такое могло вообще прийти в голову ученому. Наука и высшее образование, став общедоступными, заполнились не талантами, а массами. Если в советский период публикации, особенно в крупных журналах, монографии, учебники подвергались хоть какой-то рецензии (пусть даже с идеологическим подтекстом для гуманитариев), то теперь пишут все и про все.

Особенно пострадала от этого гуманитарная наука, так как, если в естественных дисциплинах нужны хотя бы минимальные знания основных законов, формул и т. д., то история, политология, социология, философия, экономика дают больше простора для творчества и воображения, ведь писать можно все – бумага все стерпит, а говорить – тем более. Здесь не обязательно знать хотя бы что-то в изучаемом вопросе, главное считать себя специалистом в этой области и, желательно, иметь какой-либо документ, подтверждающий это. Такие «ученые» вдруг резко начали менять свою ориентацию – математики стали юристами, юристы – социологами, социологи – профессорами экономики. В постсоветский период гуманитарная наука переживает определенный бум, о чем красноречиво свидетельствует структурное соотношение успешно защищенных диссертаций по научным направлениям. Так, в 1993 г. ВАК утвердил ученые степени кандидатов наук в следующей пропорции: всего – 15679, из них: военные науки – 333 (2,1 %), медицина и сельское хозяйство – 3097 (19,8 %), гуманитарные и общественные науки – 4362 (27,8 %), естественные и инженер-

ные науки (включая биологию) – 7887 (50,3 %), а в 2005 г. эта же структура выглядела следующим образом: всего – 30116, военные науки – 807 (2,7 %), медицина и сельское хозяйство – 7027 (23,3 %), гуманитарные и общественные науки – 15981 (53,1 %), естественные и инженерные науки (включая биологию) – 6301 (20,9 %)¹.

Ученые степени и научные звания в постсоветский период стали настолько притягательными, что в погоню за ними устремились даже те, кто вообще далек от науки. Мы имеем в виду такую категорию наших граждан, как политики, чиновники и бизнесмены. Мы бы назвали их особой кастой ученых или «новорусскими учеными». Почему? Потому, что даже в отличие от тех, кто попал в науку не по призванию, а по воле случая или стремясь избежать службы в армии, эти господа-товарищи заниматься наукой не собирались ни до, ни тем более после получения ученых степеней. В противном случае мы были бы сейчас свидетелями множества научных публикаций, научно-исследовательских работ или их преподавательской деятельности. Кстати, они сами этого особо и не скрывают. Так, например, на рубеже 1990–2000-х гг. представитель Президента России в Госдуме А. Котенков, который в годы своей политической карьеры на различных федеральных должностях, начиная с 1990 г., успел стать доктором наук, в одном из интервью в свое время заявил примерно следующее: «Мне не интересно в науке. Я там уже всего достиг». Вот так! Оказывается, ученые, которые годы, а то и десятилетия своей жизни посвящают исследованию той или иной проблеме, и не подозревают, что работают они очень плохо, и что изучить любой вопрос можно за считанные годы.

Причин появления касты «новорусских ученых», думаем, несколько: во-первых, либерализация в 1990-х гг. положений о защите диссертаций, открывшая широкий доступ к ученым степеням. Во-вторых, получив доступ к определенной части экономических и политических ресурсов, политики, чиновники и бизнесмены, вероятно, посчитали необходимым взять у государства, пока есть такая возможность, и другие атрибуты, символы и ресурсы. В подтверждение этой версии говорит следующий факт: в первой половине 1990-х гг. в стране наблюдалось сокращение числа диссертационных защит, а пик спада пришелся на 1995 г., когда ВАК утвердил всего 14294 ученых степеней, из них 2741 – докторских и 11553 кандидатских², а ведь именно в 1992–1995 гг. проходили наиболее крупные политические потрясения (противостояние между президентом и парламентом, расстрел Верховного Совета, выборы в 1993 г.

¹ Качуровская А., Федюкин И. Указ. соч.

² Там же.

в обе палаты Федерального Собрания и в 1995 г. в Госдуму) и приватизация самых «лакомых» кусков госсобственности. То есть, заполучив от государства в первой половине 1990-х гг. все, что можно было, когда в целом в стране установился определенный политический и экономический расклад и дополнительно взять у государства без особого труда еще что-то ценное уже нельзя было, взоры политиков, чиновников и бизнесменов устремились на то, что стало вдруг легко доступным, благодаря либерализации положений о диссертационных защитах и ослаблению контроля со стороны государства. Ну а финансовые и (или) административные ресурсы для претворения в жизнь своих новых целей уже имелись. В-третьих, не исключено, что, достигнув ко второй половине 1990-х гг. определенных успехов в политической или коммерческой сфере, некоторая часть политиков, чиновников и бизнесменов посчитала себя выдающимися личностями, в которых скрыты универсальные способности и таланты ко многим видам деятельности, в том числе и научной. Придя в науку, они успевали (и успевают) буквально за несколько лет не только защитить две диссертации (кандидатскую и доктор-

скую), но и полностью исследовать какую-нибудь проблему, после чего им становится там «скучно» и «не интересно».

Подвести итог всему вышесказанному можно, перефразировав знаменитые слова Л. Толстого: «Все смешалось в российской науке!». Как видим, проблемы существуют на всех трех уровнях отечественной науки и системы высшего образования. Все три уровня несут определенную ответственность за то, что у нас теперь творится, за то, что отечественная наука вместо движения вперед и выше, нередко (в отдельных областях) топчется на месте, а периодами даже скатывается назад. Отмеченные недостатки – лишь самые явные и видимые и если не начать их срочно устранять, то перспективы российской науки и высшего образования, а следовательно, и страны окажутся не столь радужными. Но для этого необходима соответствующая политическая воля властей и комплексная государственная программа действий, поддержки и помощи всем участникам процесса. Однако этого пока, к сожалению, не наблюдается.

УДК 340.131

ТЕОРИЯ ЗАКОННОСТИ КОНФУЦИЯ

Кийоказу Накатоми

В статье исследуются причинно-следственные взаимосвязи военной агрессии США последних десятилетий и раскрываются закономерности современного мирового финансово-экономического кризиса. Автор предлагает для преодоления современных социальных проблем и предотвращения возможных политических и природных катаклизмов руководствоваться теорией законности Конфуция.

Ключевые слова: государственность, законность, Конфуций, война, экономика, справедливость, удовольствие, смелость.

A THEORY OF JUSTICE BY CONFUCIUS

Kiyokazu Nakatomi

The article presents cause-and-effect analysis of USA military aggression in recent decades. It reveals process regularity of current world financial and economic crisis. The author proposes to follow the theory of legality of Confucius in order to overcome modern social problems and to prevent possible political and natural cataclysms.

Keywords: nationhood, legality, Confucius, war, economy, justice, pleasure, courage.

После «холодной войны» США по уровню своей государственности стали мировым лидером. Я также надеялся, что США станут мировым лидером по уровню благородства, уважения к другим странам, благопристойности. Однако в ситуации с войной в Ираке США открыто и самонадеянно объявили себя международной полицией и своими действиями показали всему миру, что грубая сила приравнивается

законности. Заявляя о том, что у Ирака есть оружие массового поражения, США напали на Ирак несмотря на неодобрение со стороны других стран мира. Хотя США удалось расправиться с Администрацией Саддама Хусейна, им до сих пор не удалось восстановить порядок, и все еще зачастую гремят взрывы. Более того, финансовый кризис, который недавно охватил США, теперь распространяется по всему миру.

США уже лишились своей прежней экономической мощи.

«Кто сильнее, тот и прав» – на протяжении истории великие государства очень часто пытались реализовать эти слова на практике, но им это не удавалось. Что такое законность? Хотя некоторые философы (например, Платон и Аристотель) размышляли о законности в Европейской философии, реальность показывала, что «кто сильнее, тот и прав». В последний раз я предложил «Теорию мира Конфуция» на конгрессе. В этот раз я хочу прокомментировать, почему следует обращаться к Теории законности Конфуция, а не к выражению «кто сильнее, тот и прав». Законность Конфуция обусловлена его образом жизни.

Законность – это смелость

Для Конфуция, законность это еще и «благоклонность». Но слово «благоклонность» очень многозначно и многогранно. Мне хотелось бы поразмыслить над значением данного слова через призму современных проблем. В последние годы США выступили инициатором двух войн: в Афганистане и в Ираке. И до сих пор США не могут найти свет во тьме. Когда США напали на Ирак, Президент Джордж В. Буш заявил: «Страны, несогласные с США, – враги». Это типичная и традиционная логика европейской философии (Логика Аристотеля). Она требует однозначных ответов «да» или «нет», «правильно» или «неправильно», «белое» или «черное». Всегда необходимо делать выбор только из двух вариантов. Конечно же, эта логика вполне применима для определенных неизвестных. Когда человек не может определить свою позицию в пространстве, он использует логику «Север» или «Юг», «Восток» или «Запад». Такая «альтернативная» логика очень полезна в нашей обычной жизни. Мартин Хайдеггер назвал такую работу, как определение предметного поля (области исследования) *Sachgebiet* [1. С. 10]. Президент Джордж В. Буш применил эту логику необоснованно, потому что он получил одобрение лишь немногих стран. Заявление о том, что «страны, несогласные с США, являются ее врагами», ставит в неловкое положение такие дружественные государства, как Япония, Франция и Германия. Особенно Японию, которая имеет крепкие политические, экономические и военные связи с США по договору о безопасности между США и Японией. Так как Япония не может быть врагом США, то Япония ратифицировала нападение на Ирак. К сожалению, японские политики ничего не сказали, им не хватило смелости выступить против США.

«Понимание того, что правильно и бездействие в отношении реализации правильного свидетельствует о недостатке смелости» [2]

Из этого предложения мы можем сделать вывод о том, что такое законность. Законность – это смелость. Более того, смелость означает честность в благосклонности. Действия японцев свидетельствуют о недостатке законности, по мнению Конфуция. В отличие от действий японцев, министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен (~1953) выступил против США в своем решительном обращении к ООН. Его обращение было действительно впечатляющим. Точно также и правительство Германии выступило против действий США. Позднее те страны, которые противостояли США, ощутили на себе притеснение со стороны США в бизнесе и торговле. Многие государства лишились своих возможностей в бизнесе. Но лидеры этих стран составили значительную оппозицию США и имели смелость открыто выступить против этой страны. Англия пришла к соглашению с США, вскоре также поступило и правительство Японии, проявив готовность оказать существенную поддержку. Военные силы напали на Ирак под видом «уничтожения оружия массового поражения». На первый взгляд, атака прошла успешно, и правительство Японии помогало с реконструкцией Ирака.

Хотя США удалось расправиться с Администрацией Саддама Хусейна, до сих пор не получается навести порядок в стране. Нападение началось в марте 2003 г. и уже длится в течение пяти лет. Беспорядок продолжается и по сей день. Характерным явлением являются частые подрывы автомобилей. Машины врезаются в грузовики, гостиницы, залы заседаний. Такое ощущение, что камикадзе бессмертен. Я обратился к японскому фашизму и камикадзе в своей работе «Теория мира Конфуция – с точки зрения *“Философии небытия и любви”*». Камикадзе возник в результате пророческой мысли о том, что Тенноу (царь) является богом [3]. Многие молодые пилоты врезались в американские самолеты и боевые корабли с бомбами во время Второй мировой войны. Дух камикадзе привел к 100 миллионам смертей с благородными намерениями. Это было настолько аномально, что США были готовы использовать атомные бомбы. Мы никогда не должны допустить повторение этой трагедии. Несмотря на то что трагедия камикадзе до сих пор повторяется в самом Ираке, истоки подрыва автомобилей лежат в подвиге японского камикадзе. Американским солдатам всегда нужно быть начеку, в любой момент может произойти подрыв автомобиля. Экстре-

мизм несет в себе трагедию. Одна ошибка может привести к тяжелым последствиям, как, например, инцидент в деревне Сонми (*Sonmi Village*) во время Вьетнамской войны. Солдаты США были очень обеспокоены атаками вьетнамских десантников, истребили всех жителей деревни Сонми (504 человека) 16 марта 1968 г. Это было сделано, несмотря на тот факт, что сами жители деревни не оказывали сопротивления. Война сводит людей с ума. Каждый день полон ужасных возможностей.

Более того, джихад разрешается только тогда, когда противник атакует во имя Аллаха. В Коране такие нападения с целью убийства, как подрывы автомобилей, не прописаны. Зато здесь есть описание райской жизни после смерти [4]. В раю о пострадавшем за веру позаботится небесная девушка (Хур ал-ян). Но там нет описания нападения с целью убийства. Если бы Коран учил организовывать подрывы автомобилей, то такие прецеденты возникали бы и в древности. Однако в древности этого не происходило. Сначала Бог создал людей, у человека не было права убивать других людей, ни в иудаизме, ни в исламе. Из этого видно, что Коран фактически запрещает убийство. Иногда Коран используется для того, чтобы осуществлять подрывы автомобилей, обосновывая такие действия религиозными целями. Оправдание подрывов автомобилей с помощью религии вызывает неправильное понимание ислама и предрассудки по отношению к нему. Именно образ мышления делает ислам военизированным и нацеленным на убийство. По этой причине «ислам» считается «сатанистской» религией, а христианство, напротив, – религией «правовой». Мы должны избавиться от этих предрассудков. Изначально ислам – это мирная, а не воинственная религия. Являясь одной из трех основных религий, она играет значительную роль¹. Говорят, что общая численность мусульман один миллиард. Мы не можем ни запретить такую величайшую религию, ни уменьшить конфронтацию религий за счет нападения, как это сделали США. Причина настоящей конфронтации лежит в неправильном понимании и предрассудках Джорджа В. Буша. Он был нацелен на получения доступа к нефтяным ресурсам, но был истощен давлением со стороны военной промышленности. Кажется, что религиозная причина является лишь способом прикрытия реальной причины. Но реальная причина гораздо серьезней. Несмотря на то что Администрация Садама Хусейна была свергнута

абсолютной властью, невозможно установить порядок и мир с помощью насилия. Теперь США задумываются над тем, когда можно отозвать армию из Ирака. Даже этот отдельный пример доказывает, что утверждение «кто силен, тот и прав» не верно.

Конфуций жил во времена войн и беспорядка. Это было время, когда на практике воплощалась идея «кто силен, тот и прав». Он был сиротой, и он прочувствовал пустоту из-за недостатка родительской любви и тепла. Но, несмотря на жалкие условия своего существования, он сделал попытку получить образование и стал Министром юстиции. Точно так же, как и в случае с сегодняшней «Американской мечтой», он осознал, что может реализовать свою надежду только с помощью огромных усилий и тяжелого труда. Обычно человек думает только о сохранении своего положения. Но Конфуций желал достижения мира гораздо больше, чем сохранения собственного положения. Он планировал создать теорию разоружения, но ему помешали. Он потерял свое положение. Мы должны познать способ бытия Конфуция. Очень важно учитывать «Какова цель правителя государства?». Конфуций рассматривал мир и законность как благопристойность. По мнению Конфуция, законность тождественна благопристойности (честности и благосклонности).

Учитель сказал: «О как прекрасен Фен Сю (Fan Hsü)! В ситуации когда те, кто находится у власти, уважают чины, никто из простых смертных не осмелится проявлять неуважение; когда они почитают законопослушание, никто из простых смертных не посмеет не подчиниться; когда они уважают достоверность, никто из простых смертных не осмелится быть неискренним. Таким образом, люди со всех четырех направлений придут со своими детьми за спиной...»².

Здесь описываются важные отношения: почитание чинов, законопослушание, достоверность и искренность.

Тзу Лу (Tzu-lu) спросил: «Считает ли джентльмен смелость высшим качеством?», Учитель ответил: «Для джентльмена высшим качеством является нравственность. Обладая смелостью, но, не имея нравственности, джентльмен может оступиться, в то время как мелкую сошку посчитают бандитом»³.

Так как законность это благосклонность через честность и уважение, я говорю, что законность это внимание к слабым и бедным. Именно поэтому законность призвана помогать немощ-

¹ С точки зрения философии, в докладе я объединил три великих мировых религии.

² Аналектика XIII-4.

³ Аналектика XVII-23.

ным и неимущим. Многие неимущие собираются в тех местах, где оправляется законность. Конфуций всегда понимал под законностью благосклонность. Но Джордж В. Буш, с другой стороны, полагался на абсолютную власть и лишился ее. Более того, он также потерял экономическую власть. В последнее время США охватила ужасная финансовая паника. Она разрушила мировую экономическую систему, а вместе с тем и мечты алчущих.

Законность – это искренность (бесхитрость) и бережливость. От «американской мечты» к новой «универсальной мечте»

В течение около 10 лет США, Россия, Китай и европейские страны развивались относительно стабильно. Россия вступила в ареал развитых стран, а Китай успешно провел Олимпиаду в Пекине. Кажется, Япония вновь обрела былую экономическую мощь после экономической депрессии. Как вдруг обанкротился крупный инвестиционный банк в США *Lehman Brothers*. Именно с этого момента началась глобальная финансовая паника, расходящаяся волнами от США.

После распада Советского Союза США стали мировым лидером по военной и экономической мощи. Необъятная страна с многочисленными ресурсами способствовала развитию США. Если человек трудится до «кровавого» пота, он может преодолеть любые экономические условия. Но США, мировой лидер в области науки, произвели новый тип «финансовой технологии», нацеленный на зарабатывание огромных сумм денег. В народе такое явление, которое позволяет зарабатывать большие деньги и активы, называют «алхимией». Так как на японцев оказало влияние учения Конфуция, они склонны сберегать больше, чем инвестировать в акции. С другой стороны, американцы в большей степени склонны создавать новые виды бизнеса, играть на бирже и покупать акции, нежели чем откладывать сбережения. Именно поэтому средняя цена на акции в США довольно высока. Они всегда хотят найти новую возможность получения прибыли. Это обусловлено американским духом, духом авантюризма. Они стремятся к роскошному особняку, бассейну, теннисному корту и площадке для игры в гольф. Это типичная «американская мечта». Говорят, что заработная плата в одном американском банке около одного или двух миллионов долларов. Один из директоров за все время работы получил 480 миллионов долларов. В США много таких примеров. Они хотят увеличивать свои активы и покупают больше акций. Их жела-

ния нескончаемы. Спрос заставил финансовый инжиниринг открыть новые виды страхования (товаров, системы).

Прежде всего, кредитно-дефолтный своп, изначально предназначенная для компаний страхования, но это только одно преимущество. Другое заключается в том, что это страхование от риска банкротства. Если компания становится банкротом, бенефициарий получает деньги за счет такой страховки. Появилась новая отрасль, в которой компания может получать деньги в качестве страховых выплат. Бизнес с высокой долей риска становится весьма распространенным. Бенефициарий выпускает новые акции и страховое обязательство, т. е. обеспеченное долговое обязательство (ОДО), которое гарантирует комбинацию хороших и плохих акций. Новые акции и страховые обязательства продаются по всему миру организациям, банкам, финансовым институтам и т. д.

Распространение акций стремительно росло. Был построен огромный картонный замок, но финансовая пирамида не предполагала случившегося банкротства. Падала одна карта, а за ней другие немедленно складывались как домино. Большой экономический пузырь взорвался как атомная бомба. Возник внезапный обвал цен на акции и поразил Японию, Англию, Китай, Россию, Германию и страны всего мира. Вскоре вокруг новой Депрессии возникла паника. Это трагедия, которую повлекла за собой монополистическая экономика. Из этого вытекают важные вопросы: чем в это время занимались экономисты? Почему они не предупредили об опасности деловое сообщество?

В первую очередь проблема современной экономики состоит в том, что вопросы эти до сих пор остаются без ответа, а современная экономика требует увеличения экономической активности. В теории анализа национальных доходов используется линия под углом 45 градусов. Это значит, что доход равен расходам и сбережениям. Если доход растет пропорционально расходам, то соответственно и сбережения растут. Это основная теория современной экономики. Взглянув на график доходов, легко оценить масштаб экономики. Но есть ограничение.

В основе создания теории, например, Джона Мэйнарда Кейнса лежит обширная территория и богатые природные ресурсы Индии. Поэтому современные экономисты использовали соотношение один к одному, диагональную линию под углом 45 градусов. Они продолжали поддерживать устоявшееся мнение о том, что необходимо увеличивать масштаб экономики.

По этой причине экономисты всегда думают о расширении сферы применения экономики масштаба. Эта теория вполне подходит США, как довольно большой стране. До 1990-х гг. в США производили промышленные товары и продукты. Но последние 20 лет экономика США игнорировала теорию страхования и финансового инжиниринга. Эта тенденция сохраняется и в мировой экономике.

Во-вторых, проблема в том, что экономика Америки стала мировой экономикой. Знали ли вы о том, что обладатели Нобелевской премии по экономике в большинстве своем американцы? Нобелевскую премию в этой области начали вручать в 1969 г., и количество победителей-американцев составило 45 человек за 40 лет. Известно, что большие специалисты "хедж-фондов" становились победителями в 1997 г., но их компания понесла тяжелые потери, около 42 млн. долл. Прошлый, 2008 г., снова стал победным для американских экономистов. Так как американская экономическая активность охватывает почти половину мировой экономики, число американских обладателей премии действительно велико. Но как насчет других стран? Хотя Япония и занимает второе место в мире по масштабу экономики, здесь нобелевских лауреатов в этой области нет. Причина очень проста – японские экономисты просто переводят английские книги на японский язык. Собственного оригинального материала у них нет.

Так как Япония страна очень маленькая и имеет мало природных ресурсов, японским экономистам действительно необходимо создать собственную экономику. Японии не следует отталкиваться от американской версии построения экономики, которая основывается на обладании обширными землями и богатыми природными ресурсами. И еще, современная экономика не должна ограничиваться формулами и графиками. Они являются лишь инструментами, чтобы облегчить понимание. Многие японские экономисты просто ставят перед собой цель использовать формулы и графики. Они для таких специалистов выступают, как символ интеллекта. Они это делают, подражая американским экономистам. Когда американская экономика стала мировой, это породило новую экономику, «финансовый инжиниринг» – атомную бомбу в финансовом мире. Это похоже на то, как в современной физике впервые открыли свойства атомной энергии, которая может быть использована как для промышленной энергетики, так и для производства атомных бомб. До сих пор экономический инжи-

ринг выпустил «большие невидимые деньги» или «мнимые деньги». Непрерывный поток не был остановлен. Но в итоге его предел настал. «Атомная бомба» экономики резко взорвалась.

Третьей проблемой является то, что человек не в силах остановить развитие экономики. Под экономикой подразумевается бизнес и коммерция. Как только налажено производство товаров экономикой и инвестиционными банками, этот процесс начинает напоминать непрерывное дорожное движение. Во время этого процесса продается бесчисленное количество финансовых продуктов. Просто так этот поток не остановишь. Чтобы остановить его, нужно создать соответствующий закон. Устойчивый торговый поток связан с потоком человеческих желаний, а от них избавиться не легко. Поэтому нам нужна новая философия и иное мировоззрение, чтобы создать новую мечту и новый образ экономики.

Доля вреда от финансовой «атомной бомбы» оценивается в размере около пятидесяти триллионов долларов США от мирового валового национального продукта (ВВП). Цифры действительно астрономические. США решили использовать 700 млрд. долл. бюджетных средств, чтобы помочь исправить ущерб, причиненный этим экономическим кризисом. Неужели это справедливо, что долги богатых людей погашаются за счет налогов и сбережений тех, кто намного беднее? Нет, это несправедливо. Законность заключается в том, что богатые и сильные люди помогают бедным. Общество, в котором бедные поддерживают богатых, в современных условиях не может быть полноценным. Ситуация аналогична в Японии, Франции и Германии. Теперь, мы – философы указываем правильный путь к свету в окружающей темноте и Великой депрессии. Век роскоши закончился. Человеку должно быть достаточно того, чтобы просто поесть вкусной еды и иметь крышу над головой. Можно проиллюстрировать это на примере бывшего чемпиона в японской борьбе сумо, которому пришлось перенести операцию по удалению жира из живота, из-за того, что он слишком много ел. Другой пример – «защитник окружающей среды», проживающий в огромном, роскошном особняке с бассейном и теннисным кортом. Вряд ли он будет настаивать на реализации мер по защите окружающей среды, которые заставят его отказаться от всех благ. Учение Конфуция о простоте и бережливости может быть очень полезным для людей из развитых и развивающихся стран.

Учитель сказал: «Благородный муж умерен в еде, не стремится к удобству в жилье, быстр

в действиях, сдержан в речах и, чтобы усовершенствовать себя, сближается с людьми, обладающими правильными принципами. Об этом человеке можно сказать, что он любит учиться».

В этом высказывании я хотел бы сделать акцент на фразе «не стремится к удобству в жилье». Конфуций не был беден в первой половине своей жизни. Когда он был Министром юстиции, он вел комфортную жизнь. Но, несмотря на то, что он существовал в комфортабельных условиях, он отказался от этой жизни и покинул свой пост для служения миру. В результате он потерял свой пост и дом и начал свое удивительное путешествие. Значение фразы «не стремится к удобству в жилье» сама по себе не запрещает иметь дом, скорее всего, человеку просто не стоит упорствовать в достижении этих благ. У Конфуция не было дома. Зато было место, где он преподавал свои дисциплины. Конфуций преподавал философию и, конечно, внес весомый вклад в культуру. Школа и резиденция Конфуция называется «Храм Конфуция». Самый большой и древний Храм Конфуция находится в городе Цюйфу, провинция Шаньдун – родной город Учителя. В Японии Школа и резиденция Конфуция в эпоху Эдо называлась Шохейгаку, сейчас она называется «Юшима Седоу» и находится рядом с Токийским университетом.

Когда человек достигает успеха, особенно экономического успеха, приобретает социальный статус, он, как правило, начинает гнаться за роскошью. Вероятно, таких людей множество

в Соединенных Штатах Америки. И неслучайно, именно в США произвели экономику «алхимии», что и привело нас к сегодняшней Великой депрессии. Одно желание порождает другое. Наши желания необходимо контролировать. Не обязательно проживать жизнь в поисках роскоши. Гораздо лучше просто получать удовольствия от жизни, чем постоянно находиться в поиске богатства. Я предлагаю новое видение, новую всеобщую мечту вместо традиционной американской мечты. И я предлагаю прислушаться к следующему высказыванию всем мировым лидерам, особенно новому президенту США Бараку Обаме, с надеждой:

«Если человек не забывает о правилах при виде прибыли, если он готов отдать свою жизнь в условиях опасности, и если он не забывает о тех чувствах, которые он пережил за всю свою жизнь, даже когда он находился в тяжелых обстоятельствах в течение длительного времени, он достоин называться настоящим человеком».

Библиографический список

1. *Хайдеггер, Мартин*. Бытие и Время [Текст] / Мартин Хайдеггер. – Тюбинген: Изд-во Макса Ниемейера, 1979.
2. *Конфуций*. Аналектика [Текст] / Конфуций // Penguin Classics, Penguin Books. – Лондон, 1979.
3. *Накатами, Кийоказу*. Теория мира Конфуция [Электронный ресурс] / Кийоказу Накатами // ISUD (International Society for Universal Dialogue). – Режим доступа: <http://papers.isud.org/>
4. Коран. «Корова». – Ч. 2 // Oxford World's Classics, Oxford university Press, 1998.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТЕРРОРИЗМ НА КАВКАЗЕ

(информационный обзор участия расширенного заседания
Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН, октябрь, 2009 г.)

SOCIAL AND POLITICAL CONFLICTS AND TERRORISM IN THE CAUCASUS

(informational review of participation in extended session
of the Senatus Academicus of the Institute of Social Economic and Humanitarian Researches
of the South Scientific Center of Russian Academy of Science, October, 2009)

В октябре 2009 г. по приглашению Председателя ЮНЦ РАН академика Г. Г. Матишова представители ФГОУ ВПО ВАГС – проректор по научной работе и внешним связям, канд. техн. наук, доцент В. М. Запругайло, зав. кафедрой истории и теории политики, д-р полит. наук, профессор В. А. Колесников, зав. кафедрой социологии управления, д-р социол. наук, профессор О. В. Байдалова – приняли участие в работе расширенного заседания Ученого совета Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН по проблемам социально-политических конфликтов и терроризма на Кавказе (заседание состоялось 7 октября 2009 г. по адресу г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41).

Для участия в заседании были приглашены представители аппарата Совета безопасности России, полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, ФСБ, Национального антитеррористического комитета, МВД, МО, ФСО, прокуратуры, администраций субъектов Российской Федерации в ЮФО, академических научных центров в ЮФО, преподаватели и научные работники ЮФУ, СКАГС, других вузов и научно-исследовательских учреждений.

В программе расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН рассмотрение комплекса проблем, связанных с социально-политической ситуацией на Кавказе, осмысление вопросов и конкретных предложений по противодействию терроризму и экстремизму, обеспечению антитеррористической деятельности органов власти.

Всесторонний анализ социально-политической ситуации на Кавказе и в Южном федеральном

округе представлен в докладе известного ученого, академика Г. Г. Матишова. Содержательная конкретика изложения актуального материала была сопряжена с презентацией рабочего варианта «Атласа» (т. IV), созданного на основе принципа визуализации важнейшей информации посредством атласных технологий по комплексу ключевых проблем в ЮФО. Заметим, что подвижничество ученых ЮНЦ РАН ранее опубликовано в I, II, III томах «Атласа» с уникальной научной и практической информацией.

IV том «Атласа» «Социально-политические проблемы, угрозы и риски Юга России» (авторы Г. Г. Матишов, Л. В. Батиев, И. В. Пощенко) – очередной специальный выпуск, аккумулирующий причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации ситуации в Северном Кавказе.

В структуре нового тома «Атласа»:

введение – дающее оценку социально-экономической ситуации на юге России;

глава I – «Геополитическая напряженность на южных рубежах России» (включает 14 конкретных подразделов направления: 12 – «Россия главный внешнеторговый партнер Турции» (2008 г.); 13 – «Конкуренция за транспортные коммуникации в Причерноморье»; 14 – «Олимпиада как престижная цель и проблемы ее достижения»);

глава II – «Идеологический фон кавказских противоречий» (состоит из 11 подразделов);

глава III – «Специфика политических процессов на юге России» включает 23 подраздела с крайне жгучими темами: например, п. 13 «Межэтнические земельные конфликты в Дагестане (по состоянию на 2009 г.); п. 14 «Зоны

систематических межэтнических конфликтов (2000 – сентябрь 2009);

глава IV – «Самопровозглашенный Эмират – главная угроза России на Кавказе» (включает 40 п.), например: п. 1 «Террор и антитеррор: динамика 2008–2009 гг.»; п. 8 «Убийство и покушения на мэров»; п. 15 «Смертники – самая жесткая форма терроризма»; п. 19 «Террористическая война в Ингушетии. Гибель местного населения»; п. 29 «Контртеррористические операции»; п. 34 «Убийство сотрудников МВД и ФСБ – особая тактика боевиков»;

заключение – содержит 3 подраздела с обобщенным выводом по противодействию терроризму и обеспечению безопасности (например, п. 3 «Применение морских млекопитающих для защиты стратегических объектов от террористов»).

В ряду наиболее значимых докладов отметим:

1. *Филиппов М. Ю.*, зам. начальника департамента по внутренней политике аппарата Полномочного Представителя Президента в ЮФО. Тема «Социально-политические конфликты и терроризм на Северном Кавказе».

2. *Неведров И. И.*, зам. начальника аналитического отдела Национального антитеррористического комитета (Москва). Тема «О некоторых проблемах информационного противодействия терроризму в РФ». В докладе масса интересного фактического материала: по финансированию и открытости информации, вплоть до ожидаемого открытого издания для институтов гражданского общества и населения по некоторым аспектам и способам борьбы с современным терроризмом на Кавказе.

3. *Харитонов Н. В.*, начальник Ситуационного Центра Полномочного Представителя Президента РФ в ЮФО. Тема «Использование современных технологий в обеспечении антитеррористической деятельности органов власти». Представлен яркий конкретный материал на основе использования принципа компаративной аналитики (террористические акты – контртеррористические операции) в цифрах и фактах, в динамике и конкретике боев столкновений (в анализе задействованы базы сводок МВД, ФСБ, сети «Антитеррор – ЮГ» и др.)

4. *Пащенко И. В.*, (к.ф.н., доцент, ЮНЦ РАН) интерпретировала сложную ситуацию на Северном Кавказе в период 2008–2009 гг.: предложены таблицы и слайды. Тема доклада «Динамика террористической активности на Кавказе».

5. *Авксентьев В. А.*, (д.ф.н., профессор ЮНЦ РАН) в своем докладе «Научные прогнозы в «Атласе социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России» (т. I–III) и жизнь» – проанализировал возможные сценарии развития ситуации на

Северном Кавказе. Обоснован вывод о том, что выравнивание социально-экономического состояния субъектов РФ в ЮФО – базисная составляющая экономической устойчивости. Докладчик убедительно аргументировал тезис: «Кавказ – это ключевая территория России».

6. *Иванова С. Ю.*, (д.ф.н., профессор ЮНЦ РАН) в докладе «Ослабление влияния России на Кавказе в условиях информационной войны» обосновала роль СМИ в информационных войнах; вскрыла деятельность подрывных специальных информационных центров (типа: IREX и др.); интерпретировала феномен идеологических провокаций на Северном Кавказе и фантом героизации террористов (фундаментальный опубликованный научный труд по данному аспекту исследователь обещала предложить ФГОУ ВПО ВАГС).

7. Особый интерес в аудитории вызвали научные доклады:

• *Клычникова Ю. Ю.*, (д.и.н., профессор Пятигорского государственного лингвистического университета) «Борьба с бандитизмом на Кавказе в 20–40 гг. XX века»;

• *Кринко Е. Ю.*, (д.и.н. ЮНЦ РАН) «Уроки истории на юге России: коллаборационизм и партизанское движение»;

• *Майборода Э. Т.*, (к.ф.н. ЮНЦ РАН) «Межэтнические столкновения на юге России (на примере Ставрополя и Нижней Волги)».

Всего было заслушано более 10 докладов ученых и практиков-специалистов.

Далее, в режиме «круглого стола» велась дискуссия, где конкретизировались вопросы, уточнялись позиции, предлагались выступления (около 50 участников активно работали с участием представителей СМИ). В первом выступлении по завершению докладов д-ра полит. наук, профессора В. А. Колесникова (ВАГС) был предложен учет принципа системности в системе мер по противодействию терроризму на Северном Кавказе, была аргументирована идея укрепления взаимодействия ученых, практиков-профессионалов и органов власти (федерального, регионального и МСУ уровней) в борьбе за обеспечение стабильности на юге России. В выступлении и содержательных вопросах д-ра социол. наук, профессора О. В. Байдаловой были предложены оригинальные варианты подключения социологических исследований к аналитике ситуации в ЮФО и снятию социальной напряженности.

Активный тон работы участников развернувшейся дискуссии объективно был обусловлен чрезвычайной актуальностью рассматриваемых вопросов.

Важной практической составляющей расширенного заседания Ученого совета ЮНЦ РАН является выработка конкретных и перспективных

предложений по дальнейшему исследованию сложной ситуации на Кавказе, закреплению новых форм единения практиков-профессионалов и ученых. Новые расширенные заседания Ученого совета с углублением методической составляющей и активным подключением органов власти, руководство ЮНЦ РАН намерено проводить в новом 2010 г. Практики одобрили и поддержали эту инициативу (в их числе: О. А. Шестаков – генерал-полковник, зам. начальника Регионального пограничного управления ФСБ РФ по ЮФО; А. В. Мальцев – зам. начальника Департамента аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЮФО по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности; А. А. Коваль – руководитель рабочего аппарата Совета начальников органов безопасности ЮФО; А. В. Гуськов – зам. начальника разведывательно-го управления Северо-Кавказского регионального

командования внутренних войск МВД России; В. Л. Чумак – начальник информационного отдела Оперативного управления Северо-Кавказского региона командования внутренних войск МВД РФ и др.).

Новейшие материалы расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН участники от ФГОУ ВПО ВАГС доставили руководству вуза для изучения, проработки, активизации научной и преподавательской работы. Главное, что останется в сердцах участников – это атмосфера сотворчества, и единения ученых и профессионалов-практиков. В этом усматривается и одна из гарантий позитивного разрешения многих набравших противоречий на Северном Кавказе.

В. А. Колесников
доктор политических наук

УДК 159.947.5

**РЕФЕРАТИВНЫЙ ОТЧЕТ ПО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ
«МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР
СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ»**

*Д. М. Зиновьева, А. В. Юнда **

Показана актуальность исследования психологического и профессионального благополучия государственных служащих; изучен мотивационный профиль личности, иерархия ценностных ориентаций, уровень удовлетворенности трудом и психологического благополучия государственных служащих.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое и профессиональное благополучие, мотивация, толерантность, государственные служащие.

**MOTIVATION AND VALUES AS FACTORS OF INTRAPERSONAL WELLBEING
OF GOVERNMENT OFFICIALS**

D. M. Zinovjeva, A. V. Yunda

The importance of research of psychological and professional wellbeing is described; the motivational profile, the hierarchy of values, the level of labour satisfaction and psychological wellbeing of government officials is studied.

Keywords: intrapersonal wellbeing, psychological and professional wellbeing, motivation, tolerance, government officials.

Государственная служба как социально-правовой институт занимает особое место в достижении общенациональных целей и играет важную роль в механизме управления государством. Государственные служащие, являясь особой социальной и профессиональной группой, имеют значительное влияние на социально-экономическую жизнедеятельность общества, и должны быть объектом особого изучения.

Требования к уровню подготовки кадров государственной службы возрастают с каждым годом, так как в последнее время происходит существенная ценностная, статусная и деятельностная переориентация российской государственной службы в условиях демократических и рыночных реформ общественно-политической жизни. Постепенно пересматриваются сложившиеся характерные для российского общества особенности взаимоотношений власти и населения: объектное отношение власти к народу; высокая дистанция власти, стремление к формальной и психологической иерархизации; стремление власти к атрибутивному подчеркиванию своего статуса; отсутствие связи мышления власти с социальной реальностью; закрытое, негласное формирование состава правящей группы; восприятие населением законов не как целесообразных принципов устройства общества, а как аппарата репрессий и ограничения свободы; склонность чиновничества к стяжательству; пренебрежительное, презрительное отношение управленцев к обществу; преобладание экстерналистского локуса контроля у представителей власти, когда ответственность за происходящее

возлагается на обстоятельства, а не на собственные усилия и др. Изменения, произошедшие в России за последние несколько лет, обусловили острую актуальность повышения эффективности работы государственной службы.

Однако на сегодняшний день профессионализм госслужащего в большей степени понимается как компетентность в различных областях знания (финансы, право, теория и практика управления, социология, психология и др.), которая позволяет эффективно осуществлять индивидуальную и организационную деятельность в режиме исполнения.

Высокая квалификация в различных дисциплинах является необходимой, но далеко не достаточной для успешной работы специалистов в области управления. Анализ деятельности государственных служащих показывает, что в их реальной работе можно выделить элементы управления (подготовку, принятие, реализацию решений), элементы организаторской деятельности (распределение функций, полномочий, ответственности), элементы специальной профессиональной деятельности (компетентность, инициативность, творчество, наличие специальных знаний), а также элементы общественной значимой, имеющей особую социальную миссию, деятельности. В типичной для настоящего времени ситуации частых и быстрых изменений от служащих требуется постоянное личностное и профессиональное саморазвитие, не просто воспроизведение ранее освоенных образцов и способов действий, а разработка новых, иногда инновационных. Работник государственной службы должен занимать гражданскую позицию,

* В проекте принимали участие также М. Ю. Бояркин, О. А. Долгополова, Д. М. Зиновьева, В. В. Крутова, Е. В. Панкратова, Н. С. Субочев.

быть ориентированным не только на процесс выполнения должностных обязанностей и функций, но и на субъектов профессиональных отношений, в первую очередь, население. Иными словами, в современных условиях «государственная служба ставит задачу подготовки цивилизованного управленца», то есть профессионального, компетентного, гуманного, творческого, ответственного [7].

На сегодняшний момент в России слабо разработаны функциональные содержательные требования к лицам, занимающим управленческие должности, а тем более отсутствуют критерии социально-психологического соответствия должности. Практикуемый подбор кадров на основании стажа работы и уровня образования не обеспечивает максимально возможное соответствие работника своей должности, вызывает рассогласование имеющихся профессиональных стремлений, мотивов, ценностей, индивидуальных возможностей человека и требуемых, заданных объективными условиями.

Профессиональная сфера, в которой происходит становление и реализация личности, играет существенную роль в системе отношений и переживаний [11], и такое рассогласование приводит к снижению *субъективного профессионального и психологического благополучия личности*. Это, в свою очередь, отрицательно влияет на эффективность выполняемой деятельности.

Приведем краткий обзор исследований феномена субъективного благополучия.

Теоретическая модель субъективного благополучия личности базируется на модели «субъективного благополучия личности» (изучение людей с нарушениями внутреннего равновесия, с неадекватным социальным поведением), разрабатываемой как зарубежными, так и отечественными психологами.

Так, в психоанализе субъективное благополучие представлено как конфликт между социальным и индивидуальным в человеке, на когнитивном уровне выраженный как осознание противоречивости Я-реального и Я-идеального компонентов личности, на поведенческом уровне – как выбор защитных стратегий социального поведения, на эмоциональном уровне – как личностная тревожность (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм и др.). В когнитивно-бихевиоральном подходе модель благополучия предполагает неадекватность поведенческих реакций, неуспешное поведение в социальных интеракциях, которые, в свою очередь, усиливают социальные страхи (Д. Вольпе и др.). В гуманистическом подходе под благополучием подразумевается невозможность реализации творческого потенциала, «разрыв, неконгруэнтность между «Я-реальным» и «Я-идеальным», потеря смыслов (А. Маслоу, К. Роджерс).

Социолог М. Симен рассматривает неблагополучие через философскую категорию отчужденности как специфическое переживание индивида и обнаруживает в нем пять различных модальностей: 1) бессилие – индивид считает, что его деятельность не может дать тех результатов, к которым он стремится; 2) бессмысленность – индивиду не ясно значение событий, в которых он участвует, он не знает, во что он должен верить, почему надо поступать так, а не иначе; 3) дезорганизация норм или аномия – ситуация, в которой индивид сталкивается с противоречивыми ролевыми ожиданиями и вынужден для достижения поставленных целей прибегать к социально неодобренному поведению; 4) изоляция – отчуждение индивида от господствующих целей и ценностей, расхождение индивида с данным обществом в оценке значимых в этом обществе целей и верований; 5) самоотчуждение – отчуждение индивида от самого себя, ощущение себя и своих способностей как чего-то чужого, как средства или инструмента.

Обобщая подходы отечественных исследователей С. Л. Рубинштейна [8. С. 255–283], К. А. Абульхановой-Славской [1] и других, можно сделать вывод о том, что неблагополучие личности сводится к непрезентированности субъекта в продуктах своей деятельности, в личностной жизни и других людях.

Таким образом, основными факторами субъективного благополучия личности являются конфликт Я-идеального и Я-реального на различных уровнях жизнедеятельности (витальном, социальном и психологическом); депривация потребностей; невозможность конструктивной самореализации; ощущение бессмысленности и бессилия; сведение спонтанной деятельности человека к узкому функционированию; нарушение социальных взаимосвязей; самоотчуждение; неадекватность социального поведения и интеракций; потеря субъектности.

Перейдем к рассмотрению понятия «субъективное благополучие личности». С понятием «субъективное благополучие» соотносят целый ряд близких, но не тождественных по своему значению понятий, таких, как: «психологическое благополучие», «психическое здоровье», «норма», «нормальная личность», «позитивный стиль жизни», «эмоциональный комфорт», «высокое качество жизни», «внутренняя картина здоровья», «зрелая личность», «самоактуализирующаяся личность», «полноценно функционирующая личность» и др. (Дж. Бьюдженталь, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Эриксон, В. Франкл, К. Юнг; А. В. Воронина, Б. С. Братусь, В. Е. Каган, Е. Р. Калитеевская, П. П. Фесенко, А. Н. Черепанова, О. С. Ширяева и др.).

В концепции Л. В. Куликова [5] благополучие рассматривается как интегративное образование, складывающееся из ряда составляющих: социальное благополучие (удовлетворенность социальным статусом, состоянием общества, к которому принадлежит индивид, межличностными связями и пр.); духовное благополучие (возможность приобщаться к богатствам духовной культуры, осознание и переживание смысла); физическое (телесное) благополучие (телесный комфорт, ощущение здоровья и пр.); психологическое благополучие (слаженность психических процессов, гармония личности, ощущение целостности).

Анализ подходов к пониманию субъективного благополучия, проведенный М. В. Соколовой, показал, что можно выделить основные категории определений [2. С. 1]: 1) акцент на внешних критериях «нормативности» (соответствие системе ценностей, принятой в культуре); 2) посредством понятия удовлетворенности жизнью; 3) обыденное понимание счастья как превосхождения положительных эмоций над отрицательными.

Отметим, что удовлетворенность жизнью представляется во многих исследованиях как основной компонент субъективного благополучия. Например, Л. В. Куликов указывает, что «в психологическом благополучии обобщенно представлена актуальная успешность поведения и деятельности, удовлетворенность межличностными связями, общением» [4. С. 476–510].

Р. М. Шамионов [10] предлагает следующее определение субъективного благополучия – понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности (собой, жизнью, деятельностью, социальными отношениями и др.) [10. С. 11].

Удовлетворенность жизнью связана с самооценкой здоровья, образованием, полом, социальным статусом, соотносится с удовлетворением потребностей, остротой и значимостью потребностей, общей оценки комфортности и показателями профессиональной успешности. К составляющим удовлетворенности, а следовательно, и субъективного благополучия относятся [10. С. 85]: 1) мотивационные: достижения, признание, рост, качество жизнедеятельности; 2) содержательные: содержание жизни и деятельности, взаимоотношения с другими; 3) гигиенические: условия жизни и деятельности, экология; 4) когнитивные: знания о мире, себе, жизни и деятельности, их соотнесение и оцен-

ка; 5) эмоциональные: локус между валентностями отношения к себе, миру, жизни и деятельности, отражение внешней оценки.

О. С. Ширяевой психологическое благополучие понимается как совокупность личностных ресурсов, которая обеспечивает субъективную и объективную успешность личности в системе «субъект-среда» [12].

С точки зрения А. В. Ворониной, «психологическое благополучие» может быть рассмотрено на четырех относительно автономных уровнях – уровне психосоматического здоровья, социальной адаптированности, психического и психологического здоровья.

По мнению Л. В. Куликова, субъективное благополучие необходимо интерпретировать как обобщенное и относительно устойчивое переживание, имеющее особую значимость для личности. Оно складывается из частных оценок различных сторон жизни человека. Автор отмечает, что благополучие является важной составной частью доминирующего психического состояния. «Именно через настроение субъективное благополучие, как интегративное, особо значимое переживание, оказывает постоянное влияние на различные параметры психического состояния человека и как следствие на успешность поведения, продуктивность деятельности, эффективность межличностного взаимодействия и многие другие стороны внешней и внутренней активности индивида» [4. С. 476–510].

Р. М. Шамионов [10, 11] указывает, что субъективное благополучие личности включает: 1) ее социально-нормативные ценностные установки, реализация которых предопределена всей совокупностью условий социализации как в субъективном, так и в объективном планах, 2) реализацию потребностей, имеющих социальный контекст, 3) глобальную оценку своего существования на основе соотнесения частных и обобщенных представлений о своей жизни и самореализации в ней с «эталонными представлениями», усвоенными в процессе социализации. «Чем богаче, разнообразнее жизнь субъекта, чем определеннее позиция личности в жизни, тем и сложнее структурная композиция субъективного благополучия» [11].

Итак, под субъективным благополучием в данном исследовании мы понимаем процесс и состояние, интегрально отражающие жизненную деятельность субъекта, условия и результаты его деятельности и отношение к ним. Вслед за Л. В. Куликовым, мы рассматриваем его как более широкое понятие по отношению к психологическому, профессиональному, эмоциональному благополучию.

Среди функций субъективного благополучия можно выделить следующие [10. С. 92–93]:

1) регулятивная (функция адаптации) – регуляция внутреннего самоотношения, самочувствия, взаимоотношения с внешним миром. Нужно отметить, что субъективное благополучие и выполняет регуляторную функцию по отношению к поведению, и само является результатом деятельности по саморегуляции психических состояний;

2) функция управления когнитивными процессами – обеспечивает адаптацию и интеграцию личности в социуме;

3) поведенческая функция – выбор стратегий поведения в зависимости от локуса благополучия и направленности личности;

4) функция развития, обеспечивающая творческое движение как сторону саморазвития и в сторону обеспечения внешних условий для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы в равновесие.

В настоящее время активно исследуется влияние разнообразных объективных и субъективных факторов на благополучие личности (М. Аргайл, К. Рифф, А. В. Воронина, А. Е. Созонтов, П. П. Фесенко, Р. М. Шамионов и др.).

Л. В. Куликов считает, что благополучие зависит от наличия ясных целей, успешности реализации планов деятельности и поведения, наличия ресурсов и условий для достижения целей.

Р. М. Шамионов на основе теоретических разработок проблемы выделил следующие комплексы, являющиеся наиболее важными с точки зрения качества жизни и его субъективной оценки [10]:

1) отношения с малым социумом (семья, родственники, друзья, знакомые);

2) отношения с большим социумом (стабильность в стране);

3) трудовые процессы (профессия, профессиональная группа, профессиональный интерес, профессиональное общение, доход);

4) комплекс жизненных процессов (потребности, безопасность, здоровье, экология);

5) интересы (коммуникативные, познавательные, материальные);

6) внутриличностные процессы (система ценностных ориентаций, соотношение между внутренними и социальными ценностными ориентациями, самоотношение и самооценка, баланс между притязаниями и самооценкой);

7) состояния и свойства (темперамент, свойства личности, эмоциональные состояния);

8) социальный опыт (способы преодоления фрустрации, комплекс паттернов поведения, социальная ориентация).

В той или иной степени субъективное восприятие этих инстанций и отношений, форми-

рующееся к различным сторонам жизни, определяет целостное представление о своем собственном благополучии.

Ситуативные и долгосрочные переживания благополучия связаны с результатами социализации, которая определяет ориентиры для квалификации благополучия по многим направлениям [9. С. 507–513]. Оценка условий жизнедеятельности и себя каждой личностью во многом зависит от социальных паттернов.

Результаты множества исследований детерминант субъективного благополучия личности, проведенных как в отечественной, так и в зарубежной психологии, свидетельствуют в пользу высокой значимости профессионально-трудового фактора [11].

Теоретический анализ литературы, посвященной изучению профессиональной деятельности, показывает, что ведущая роль в успешной профессиональной самореализации принадлежит направленности личности. В свою очередь, компонентами профессиональной направленности являются мотивы (потребности, намерения, интересы, склонности, идеалы), ценностные ориентации (смысл труда, заработная плата, благосостояние, квалификация, карьера, социальное положение и др.), профессиональная позиция (отношение к профессии, установки, ожидания и готовность к профессиональному развитию), социально-профессиональный статус, социальные установки, которые связаны со всем спектром проявлений социального поведения, определяют социально-психологический потенциал деятельностной продуктивности и самореализации. На разных стадиях становления профессионала эти компоненты имеют различное психологическое содержание, обусловленное характером ведущей деятельности и уровнем профессионального развития личности.

Несовпадение структуры мотивации и ценностных ориентаций личности и требований профессиональной деятельности влечет за собой различные профессиональные деформации (внутриличностный и ролевой конфликт, эмоциональное выгорание, стереотипизацию поведения, проявление большого количества непродуктивных психологических защит, стагнацию профессионального развития, психофизиологические изменения и т. д.), что приводит к резкому снижению продуктивности и эффективности деятельности и значительно понижает переживание профессионального и психологического благополучия во всех сферах жизнедеятельности.

Воздействие структуры мотивации на профессиональное и психологическое благополучие осуществляется как непосредственно, так и опосредованно. Посредствующим звеном выступает

организационная культура государственного органа, в котором служит чиновник. Следовательно, профессиональное и психологическое благополучие служащих зависит не только от структуры его мотивации, но и от степени соответствия ее (структуры) сложившейся в организации культуре. Под организационной культурой нами понимается сформировавшийся в процессе совместной деятельности и общения устойчивый комплекс (паттерн) социальных представлений (убеждений), ценностей и норм поведения, разделяемых сотрудниками и реализуемых на службе. Организационная культура государственного органа формируется и изменяется под влиянием социальных, политических, экономических и духовных факторов внешней среды, а также таких внутриорганизационных факторов, как личность руководителя государственного органа, состав и направленность деятельности его управленческой команды, уровень общеобразовательной, профессиональной и нравственной подготовки персонала.

Как показывает анализ литературы, изучению структуры ценностных ориентаций, мотивации как фактору психологического благополучия и социальной активности государственных служащих уделяется недостаточно внимания.

Нами было проведено исследование, направленное на изучение *влияния внешних и внутренних ценностно-мотивационных факторов на психологическое и профессиональное благополучие государственных служащих*. К внутренним ценностно-мотивационным факторам мы отнесли психологические особенности личности, а к внешним – организационную культуру и условия труда.

Для этого использовался комплекс методов: теоретический анализ; включенное наблюдение; анкетирование; анализ конкретных ситуаций из практики; экспертный опрос; психодиагностические опросники; структурированное интервью; статистические методы обработки полученных данных.

Исследование состояло из четырех этапов.

1 этап. Компетенции государственного служащего

Цель – определить умения, навыки и качества, которые необходимо реализовывать в профессиональном поведении государственному служащему.

Методы исследования: анкетирование, интервью, анализ литературы.

Исследование проведено со 150 респондентами, из них студенты вузов Волгограда – 110 человек, преподаватели вузов – 40 человек. Отбор респондентов этой группы был осуществлен по критерию наличия опыта общения с госслужащими в ходе выполнения ими профессиональных обязанностей.

Также были опрошены 103 государственных служащих Волгограда.

2 этап. Организационная культура органов государственной службы

Своей **целью** этот этап имел выявление характеристик организационной культуры, сформировавшейся в исполнительных органах регионов Нижнего Поволжья, а именно в администрации Волгоградской области, правительствах Астраханской области и Республики Калмыкия.

В процессе исследования использовались: выборочный анкетный опрос, контент-анализ документов, наблюдение.

В качестве дополнительного метода исследования организационной культуры был использован контент-анализ нормативно-правовых документов, определяющих принципы организации государственной службы.

Выборочная совокупность насчитывает 525 государственных служащих, в том числе в Астраханской области – 154 человека, в Волгоградской области – 260 человек, в Республике Калмыкия – 111 человек.

3 этап. Психологические особенности государственного служащего

1. **Цель** – изучить личностные особенности государственных служащих, в том числе отношение к другим.

Методики исследования:

- Индивидуально типологический опросник (ИТО) Л. Н. Собчик.
- Калифорнийский личностный опросник CPI (Х. Гаух).
- Фрайбургский личностный опросник (FPI).
- Методика изучения самооценки Дембо-Рубинштейн.
- Методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца.

Исследование по данным методикам проведено с 350 государственными служащими.

- Организационный тест А. Огнева. Цель – изучение навыков планирования и проектирования деятельности, навыков работы с документами, анализа информации.
- Структурированное наблюдение. Цель – оценка лидерских способностей, особенностей межличностного и группового взаимодействия.
- Исследование по данным методикам проведено со 103 государственными служащими.
- Методика Дж. Роттера по определению локуса контроля.
- Методика Е. П. Ильина «Склонность к определенному стилю руководства».
- Методика определения стиля руководства В. П. Захарова и А. Л. Журавлева.

2. **Цель** – изучить особенности мотивационной сферы государственных служащих.

- Методика изучения детерминации поведения (Assessment of motivation, E. Deci, R. Ryan). Цель – выявить детерминацию поведения. Определение интринсивности и экстринсивности поведения.

- Шкала Причинных ориентаций (The general causality orientations scale (gcos), Deci & Ryan). Цель – оценить силу трех мотивационных ориентаций личности: автономной, манипулятивной и безличной.

Исследование по данным методикам проведено с 76 государственными служащими.

- Методика В. Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности».

Исследование проведено на выборке из 283 человек – руководителей и ведущих специалистов системы государственной службы Волгоградской и Астраханской областей, Республики Калмыкия.

4 этап. Изучение показателей субъективного благополучия – неблагополучия

Цель – выявить особенности субъективного благополучия служащих и его связи с особенностями мотивационно-ценностной сферы.

- Методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» (УСЦЦ) Е. Б. Фанталовой. Цель – изучение иерархии ценностей государственных служащих и зон рассогласования «ценности» и «доступности».

Объект исследования: государственные служащие федеральных органов власти и управления (107 человек).

- Опросник «Психическое выгорание» Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой.

В исследовании принимали участие 77 государственных служащих разных отделов и департаментов администрации Волгоградской области.

- Методика оценки уровня личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина.

- Методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлора, адаптированная Т. А. Немчиным.

- Методика изучения удовлетворенности трудом Т. Л. Бадоева.

В исследовании с помощью данных методик принимали участие 180 человек – руководителей и ведущих специалистов системы государственной службы Волгоградской и Астраханской областей, Республики Калмыкия.

Статистическая обработка результатов всех этапов исследования проводилась с помощью компьютерной программы SPSS-10 for Windows для гуманитарных наук.

Основные результаты исследования

По итогам первого этапа были выделены следующие профессионально важные качества (компетенции) государственных гражданских служащих, которые мы объединили в блоки:

- навыки эффективной деловой межличностной и групповой коммуникации (качества – контактность, толерантность, гибкость, ориентация на субъект-субъектное взаимодействие);

- умение работать в коллективе (навыки и умения конструктивного взаимодействия, ориентация на командную работу);

- готовность к изменениям (инициативность, гибкость мышления, адаптивность);

- умение планировать и проектировать деятельность;

- умение анализировать информацию (качества – динамичность и системность мышления);

- ориентация на результат (качества – ответственность и исполнительность);

Для руководителей также выделены:

- 1) лидерские способности (управление психологическим климатом коллектива);

- 2) организационные (постановка целей и задач, организация группы и отдельных исполнителей для решения задач).

По итогам второго этапа сделаны следующие выводы:

Для организационной культуры государственной службы характерны такие черты: администрирование; закрытость; стремление к защищенности от изменений и внешних влияний; обязательность выполнения заданий по установленным правилам; стремление к предсказуемости поведения; чрезмерная зависимость должностного положения от субъективного отношения со стороны руководства; ориентация на внешнюю «гигиеническую» мотивацию; ориентация на ценности стабильной работы в престижной организации в благоприятных условиях.

Поэтому в систему государственной службы чаще формально успешно интегрируются личности внешне детерминированные, ориентированные на групповые ценности; характеризующиеся по отношению к вышестоящим лицам склонностью к конформному поведению, а по отношению к населению проявляющие стратегию агрессивного поведения, объектное отношение; ориентированные на «обладание», а не на «созидание», для которых значимыми являются внешние показатели успешности (статус, власть).

Мы предположили, что степень эмоционального выгорания государственных служащих в таких условиях будет весьма высокой, вследствие противоречий и несоответствия в большинстве слу-

чаев личностных и организационных интенций – итоги свидетельствуют о том, что условия профессиональной деятельности государственного служащего задают ориентацию на внешние факторы и формируют внешнюю мотивацию. Человек перестает управлять ситуацией и лишается личностных ресурсов влияния на нее.

В ходе психодиагностического исследования на третьем этапе был выявлен уровень развития обозначенных на первом этапе компетенций государственных служащих, а также изучены особенности их мотивационной сферы.

С помощью организационного теста А. Огнева изучались значимые для деятельности государственных служащих способность планирования и проектирования своей деятельности, системность и динамичность мышления. По итогам методики, особенности мышления, необходимые для работы с документами, у большинства респондентов развиты на недостаточном уровне: системность мышления отмечается на уровнях низком и ниже среднего у 70 % сотрудников (40 % – руководители), динамичность мышления – у 50 % (25 % – руководители). У значительного большинства сотрудников имеются существенные трудности с планированием деятельности – у 85 % (40 % – руководители) – уровни низкий и ниже среднего.

По результатам Калифорнийского личностного опросника, у большинства (52–90 %) государственных служащих, в том числе у руководителей, проявляются следующие черты, негативно влияющие на выполнение профессиональных задач: они импульсивны и непоследовательны в действиях, им требуется внешний контроль; медленно приспосабливаются к переменам, чувствуют себя некомфортно в ситуации неопределенности; ориентированы на действие, а не на размышление, предпочитают решать конкретные, а не абстрактные проблемы; низкая ответственность. У значительно меньшего количества служащих диагностируются показатели, способствующие их профессиональной эффективности. Например, только у 3 % служащих выявлен высокий уровень ответственности, 11 % активно и постоянно используют свои интеллектуальные ресурсы в деятельности, 11 % сотрудников высоко адаптабельны.

В связи с тем, что объектом воздействия госслужащих являются люди, мы считаем, что специфика межличностных отношений в их профессиональной деятельности оказывает существенное влияние на эффективность работы органов государственного управления в целом.

Если говорить о шкалах опросника CPI, показывающих отношение к другим людям, то треть выборки подозрительны, недоверчивы, склонны

осуждать других и не стараются их понять; ведомы, избегают лидерской ответственности; у более чем 50 % выражены конформность, низкий и очень низкий уровень толерантности.

Специфика работы государственного служащего заключается в осуществлении управленческой деятельности и связана с постоянным анализом происходящих событий, принятием решений, взаимодействием с другими людьми. При этом социально-психологическая компетентность, в которой толерантность является одной из важнейших характеристик, выступает основой профессиональной деятельности государственного служащего. Работник государственной службы в первую очередь должен занимать гражданскую позицию, быть ориентирован не только на процесс выполнения должностных обязанностей и функций, но и на субъектов, с которыми выстраиваются профессиональные отношения. Толерантность является тем качеством, которое способствует этому.

Толерантность понимается нами как интегральное личностное качество, проявляющееся в терпимом отношении к другим, к индивидуально-психологическим особенностям, моделям поведения, способности понимать другую точку зрения, а также способность к конструктивному диалогу. Анализ психологических подходов позволил увидеть три основных компонента, входящих в структуру толерантности: когнитивный, эмоционально-отношенческий и поведенческо-регулятивный.

Исследование когнитивного компонента толерантности показало, что значительное число государственных служащих имеет низкий уровень развития данного компонента (характерно для 38 %). Так, государственные служащие выделяют некоторые показатели толерантности, однако не имеют целостного представления об этом феномене. Для большинства респондентов характерно определение толерантности через понятие «терпимость», часто эти понятия отождествляются, к толерантности относят такие категории, как доброжелательность, воспитанность, уважение, выдержку, самообладание, честность. Многие считают невозможным применение толерантной стратегии поведения в своей работе по отношению ко всем клиентам, причину этому видят в самих клиентах. Отметим, что при этом большинство государственных служащих высоко оценивают степень сформированности собственной толерантности. Результаты же психологической диагностики свидетельствуют о том, что это не так.

Исследование показало наличие значимой корреляционной связи между толерантностью

и такими свойствами, как самооценка, самопринятие, уравновешенность, эмоциональная устойчивость, эмпатия, психологическая направленность, что позволяет сделать вывод о том, что эти свойства можно рассматривать как показатели толерантности ее эмоционально-отношенческого компонента. Положительная корреляционная связь свидетельствует о том, что при повышении уровня развития данных показателей повышается толерантность.

Для преобладающего числа государственных служащих характерен низкий уровень развития эмпатии (для 52 %), то есть они имеют трудности в понимании людей, часто им не хватает внимания к желаниям, чувствам и нуждам других, неотзывчивы.

Для преобладающего числа государственных служащих характерен низкий уровень развития эмпатии (для 52,2 %), то есть они не стремятся понять других людей, неотзывчивы к их потребностям и чувствам. Уровень развития уравновешенности – средний (характерно для 44,6 %). В то же время достаточно большое количество государственных служащих имеют низкий уровень по показателю «уравновешенность» (характерно для 28,2 %), что говорит о низкой устойчивости к стрессу, слабой защищенности от воздействия стрессогенных факторов. Показатель «эмоциональной устойчивости» у государственных служащих находится на низком и среднем уровнях (у 38 % и 32 % соответственно), при этом низкий уровень свидетельствует о склонности к аффективному (агрессивному) реагированию. Низкий уровень по шкале «психологической направленности» (характерен для 50 %) говорит о том, что государственные служащие не восприимчивы по отношению к другим, не стремятся их понять, склонны перекладывать ответственность на других. Таким образом, для государственных служащих характерен низкий уровень развития эмоционально-отношенческого компонента толерантности.

В результате исследования было обнаружено, что толерантность тесно взаимосвязана с такими свойствами, как поведенческая гибкость, поведенческая стратегия (согласно данным корреляционного анализа), что позволяет сделать вывод о том, что эти свойства можно рассматривать как показатели толерантности, ее поведенческо-регулятивного компонента. Для государственных служащих преобладающим является низкий уровень развития поведенческой гибкости (для 64 %), что говорит о ригидности, стремлении решать задачи по имеющимся шаблонам. Результаты, полученные при изучении поведенческой стратегии, показали, что наиболее распространенной страте-

гией поведения у государственных служащих является стратегия «доминирования» (у 47 %), которая выражается в большом стремлении к доминированию в межличностных отношениях, использовании манипулятивных стратегий. Таким образом, для государственных служащих характерен низкий уровень развития поведенческо-регулятивного компонента толерантности.

Таким образом, в целом уровень развития толерантности у государственных служащих является низким, что говорит о том, что они при взаимодействии с людьми держат дистанцию, не стремятся их понять, способны использовать других в своих собственных интересах. Для государственных служащих свойственны склонность к конвенциональным формам поведения, конформизму, сомнение в собственных возможностях, эмоционального состояния, ригидность, склонность перекладывать ответственность на других.

Следует отметить, что характерной для государственных служащих стратегией поведения является доминантная стратегия поведения, которая по своей сути отражает манипулятивные ориентации. Манипулятивная ориентация блокирует активность личности, а, значит самореализацию личности. Учитывая низкий уровень самопринятия, который свидетельствует о склонности к конвенциональным формам поведения, конформизму, то можно говорить о том, что государственные служащие не только в процессе взаимодействия не стремятся найти решение вопроса, исходя из потребности обратившейся стороны, но и ориентируются не на свои собственные интересы, а на интересы той группы, с которой они себя идентифицируют.

Полученный профиль личности государственного служащего свидетельствует о его закрытости к новым знаниям, новым взглядам, неспособности к конструктивному ведению диалога.

Связь толерантности государственных служащих с полом, возрастом и статусом не обнаружилась, то есть их толерантность не зависит от данных характеристик. Исследование показало наличие зависимости толерантности государственных служащих от стажа работы. Причем данная зависимость обратная, то есть, чем больше стаж, тем ниже толерантность, и наоборот. Таким образом, специфика деятельности государственных служащих, условия, в которых они взаимодействуют, отрицательно влияют на развитие толерантности. Вероятно, на момент начала работы в системе государственной службы, у молодых специалистов еще не сложились шаблоны поведения, каждый случай они рассматривают как отдельный, уникальный, с годами же работы они

все более становятся склонными прибегать к наработанным моделям поведения, типичным способам решения вопросов. Вероятно, также одним из способствующих этому факторов является стремление построить карьеру в достаточно сложной сфере деятельности, закрепиться там, заработать авторитет, все это способствует принятию имеющихся моделей поведения. В процессе работы происходит осознание своей значимости и принадлежности к «правлящей элите», достаточно высокому социальному статусу и приближенности к власти. В подтверждение этому также свидетельствуют высокие баллы государственных служащих по шкале «способность к статусу», которые говорят, что они чувствуют превосходство над другими, властны, стремятся достичь более высокого статуса. Сравнение выделенных групп по стажу с помощью *T-Test* на независимых примерах показало, что в группе со средним стажем среднее значение по поведенческой гибкости, самопринятию, когнитивному компоненту, а также толерантности в целом ниже, чем в группе с небольшим стажем, данные различия статистически значимы (поведенческая гибкость $t = -2,794$, при $p = 0,006$; самопринятие $t = -2,203$, при $p = 0,028$; когнитивный компонент $t = -2,142$, при $p = 0,0334$ поведенческая стратегия $t = -1,965$, при $p = 0,050$; толерантность $t = -3,725$, при $p = 0,000$). В группе со средним стажем среднее значение по показателю «самопринятие» выше, чем в группе с большим стажем, данные различия статистически значимы (самопринятие $t = 2,695$, при $p = 0,008$). Это говорит о том, что при поступлении на службу новичок обладает многими из тех качеств, которые позитивно влияют на толерантность, однако, в дальнейшем данные качества претерпевают изменения. После работы в системе государственной службы более 10 лет возникает дефицит в данных качествах. Этот этап сопровождается появлением конформных форм поведения, применением в работе стереотипных схем решения возникающих вопросов, изменением отношения к населению, которое становится связанным с пассивным принятием населения. Это отношение характеризуется пассивным принятием. Далее (при стаже более 20 лет) работа государственных служащих сопровождается еще большим уменьшением гибкости.

О низком значении толерантности в системе ценностных ориентаций свидетельствуют результаты опросника Ш. Шварца: такие ценности, как традиции (уважение и поддержание обычаев, принятие и признание идей, существующих в определенной культуре и религии), универсализм (понимание, признательность, терпимость и поддержа-

ние благополучия всех людей и природы) чаще оказываются на последних или средних позициях у государственных служащих (77 %).

По результатам индивидуально-типологического опросника Л. Н. Собчик для большинства госслужащих характерны: акцентуированный и дезадаптирующий уровни агрессивности, что во взаимодействии проявляется как эгоцентризм, высокая вербальная агрессивность, вспыльчивость, агрессивная манера самоутверждения; выраженный уровень сензитивности, что свидетельствует о чертах зависимости, конформности, повышенной чувствительности; эмотивность, что проявляется в демонстративности поведения, изменчивости настроения, мотивационной неустойчивости; акцентуированный и дезадаптирующий уровни ригидности, что проявляется в негибкости поведения и высоком субъективизме оценок. Хотя у значительного большинства сотрудников (70 %) высокий уровень экстравертированности, что говорит о контактности, направленности на активное социальное взаимодействие.

Анализ результатов опроса населения показал, что государственные служащие в профессиональном взаимодействии часто проявляют к собеседнику равнодушие (40 % респондентов), агрессивность (40 %), раздражительность (64 %), монологичность (35 %), директивный стиль общения (55 %), оценочные высказывания (70 %), внешнеобвинительные реакции (30 %), категоричность в высказываниях (24 %), выражение недоверия (30 %), их ответные реакции не соответствуют запросу (неумение слушать то, что говорят другие) (55 %), шаблонность поведения (25 %), что не соответствует ожиданиям потребителей услуг администрации.

Командная ориентация у большинства (80 %) низкая, равно как и толерантность к членам профессиональной группы. Структурированное наблюдение показало, что многие сотрудники предпочитают пассивную или агрессивную позицию во взаимодействии с коллегами. Многие используют оценочные высказывания в адрес личности другого, категоричны в утверждениях, не умеют слушать других.

Выраженными лидерскими способностями обладают только четверть сотрудников, из них половина – руководители. Качества эмоционального лидера (выполняет функции, связанные с развитием отношений, сплочением группы, решением конфликтов) развиты на низком и ниже среднего уровнях у 55 %. Из них 20 % являются руководителями. Качества организатора групповой работы (выполняет функции, связанные с постановкой цели, мотивацией, контролем работы) развиты

на низком и ниже среднего уровнях у 75 %. Из них 25 % являются руководителями. Это означает, что приемы управления группой и отдельными подчиненными, применяемые руководителями среднего и высшего звена администрации, однообразны, не адекватны ситуациям, и часто неэффективны. Спектр методов конструктивного влияния на других очень узкий, что также свидетельствует о недостаточности управленческих знаний, умений и навыков у сотрудников.

Данные свидетельствуют о том, что многие государственные служащие не обладают необходимыми знаниями, навыками и умениями для эффективного группового и межличностного общения. Таким образом, в их трудовой деятельности, непосредственно связанной с общением большого количества людей (в первую очередь, с потребителями услуг – населением), это, во-первых, может стать причиной некачественного выполнения обязанностей, а во-вторых, приводит к высокому внутреннему напряжению служащих, так как профессиональное общение детерминирует успешность решения задач деятельности.

Изучение *мотивационной сферы личности* государственного служащего и последующий статистический анализ данных психодиагностических методик, свидетельствуют о том, что из респондентов лишь четвертая часть имеет внутреннюю мотивацию, остальные три четверти – внешнюю.

Внутренне мотивированным свойственна автономная ориентация, ориентация на факты окружающей среды, которые оптимально стимулируют свойственное побуждение, и обеспечивают информационную обратную связь. Человек с преобладанием этой ориентации ищет и решает задачи новыми (для себя) способами и несет ответственность за ее решение, за собственное поведение.

Внешне ориентированные государственные служащие показывают более низкий уровень удовлетворенности по всем категориям удовлетворенности, по К. Рифф: способность к управлению ситуацией, позитивные отношения с другими, уровень личностного развития, субъективная оценка счастья. Наблюдается высокий разрыв между постановленной целью и результатом их достижения.

Государственные служащие, имеющие внешнюю мотивацию, обладают манипулятивной личностной ориентацией (60 %) и безличной ориентацией (40 %). Человек с манипулятивной ориентацией управляет наградой, крайними сроками, поощрениями и директивами других. Он зависит от контроля, настроен больше на требования других людей, чем на собственные. Государственные

служащие ориентируются на внешние, чужие ценности. Манипулятивная ориентация блокирует активность личности, а значит, самореализацию личности, что негативно сказывается на общем уровне удовлетворенности потребностей.

Безличная ориентация характерна для человека, который полагает, что достижение желательных результатов работы не зависит от него, как не зависит и от поощрения или наказания. Результат работы является в значительной степени вопросом удачи или судьбы. С такой ориентацией люди беспокоятся и чувствуют себя ни для чего не пригодными.

Была установлена зависимость между степенью детерминации поведения и возрастом и стажем работы в государственной службе. Манипулятивная ориентация начинает преобладать с увеличением срока службы, т. е. зависит от возраста и, что более важно, от стажа. С преобладанием манипулятивной ориентации у государственных служащих снижается результативность их деятельности. Также выявлено, что с возрастом повышается роль условий труда, человек становится более чувствительным к недостатку комфорта. В то же время взаимоотношение с администрацией становится менее значимым, так как становится более значимым образ себя как профессионала.

По итогам методики В. Э. Мильмана, в зависимости от доминирующих потребностей, были выделены три группы государственных служащих: «физиологически» ориентированная группа (30 %), «социально» ориентированная группа (36 %), «когнитивно-праксиологически» ориентированная группа (34 %). Можно отметить некоторые тенденции: «физиологические» и «творческие» потребности характерны более для этапа 31–40 лет, а «социальные» – для периода 41–50 лет. По стажу работы – первые две группы в большей степени состоят из лиц со стажем свыше 5 лет (70 % и 55 % соответственно), а в «творческой» группе по параметру стажа не имеется явных тенденций.

По результатам четвертого этапа исследования по ряду методик получены результаты, свидетельствующие о высоком субъективном неблагополучии большей части респондентов.

По методике ИТО Л. Н. Собчик у многих респондентов выражены полярные индивидуально-типологические свойства, что говорит о внутренней напряженности, дисгармоничности личности.

По методике СРІ для большинства государственных служащих преобладающим является низкий и средний уровни самопринятия (для 40,8 % и 38,3 % соответственно), что свидетельствует

о склонности к конвенциональным формам поведения, неуверенности в социальной среде и сомнениях в собственных возможностях и способностях; принятия лишь отдельных своих сторон, склонности к дистрессу.

У половины выборки диагностируется чувство изолированности и отчужденности от других. У 70 % отмечается неудовлетворенность собой или той социальной поддержкой, которую получают, у них могут быть нерешенные проблемы и конфликты. Они не оптимистичны, могут проявлять признаки социальной отчужденности (отдаленности). У 35 % высокий уровень тревожности, низкая самооценка и склонность к депрессии.

Изучение самооценки по методике Дембо-Рубинштейн государственных служащих показало, что она у большинства (54 %) завышенная, однако респонденты не могут пояснить критерии самооценки. Это может говорить об отсутствии рефлексии, некритичном отношении к себе.

По методике FPI уровень развития уравновешенности у многих – средний (характерно для 45 %). В то же время достаточно большое количество государственных служащих имеют низкий уровень по показателю «уравновешенность» (характерно для 28 %), что говорит о низкой устойчивости к стрессу, слабой защищенности от воздействия стрессогенных факторов. Показатель «эмоциональной устойчивости» у государственных служащих находится на низком и среднем уровнях (у 38 % и 32 % соответственно), при этом низкий уровень свидетельствует о склонности к аффективному (агрессивному) реагированию.

Результаты *T-Testa* показывают, что в группе с высокими показателями по толерантности среднее значение по показателям «самопринятие», «эмпатия», «эмоциональная устойчивость», «поведенческая гибкость», «психологическая направленность», «самооценка» выше, чем среднее значение данных параметров в группе с низкими показателями по толерантности, данные различия являются статистически значимыми (при $p = 0,000$). Таким образом, можно предположить, что служащие с более высоким уровнем толерантности имеют более высокий уровень субъективного благополучия.

Признаки синдрома «выгорания» различной степени выраженности имеют 62,3 % служащих, что оценивалось по наличию формирующихся, либо сформированных компонентов «выгорания». Было отмечено наличие высоких показателей «выгорания» по всем трем шкалам (эмоциональное истощение – чувство эмоциональной опустошенности, усталости; деперсонализации – негативное и циничное отношение к труду и объектам своего труда; и редукция личных достижений – негатив-

ное восприятие себя как профессионала) у 18,2 %. Высокие показатели по шкале «эмоциональное истощение» выявлены у 31,2 %, по шкале «деперсонализация» – у 41,6 %, и по шкале «редукция личных достижений» – у 40,3 %.

При этом симптомы «выгорания» выражены как среди молодых служащих (20–29 лет – 45,5 %), так и среди более старших по возрасту (40–49 лет – 25,8 %; 50–58 лет – 11,8 %).

При сравнении показателей «выгорания» в различных возрастных группах обследуемых была выявлена положительная корреляционная связь возраста со шкалой «редукция личных достижений» ($p < 0,05$) (высокому баллу по шкале соответствует низкий уровень проявления этого признака «выгорания»), то есть чем старше специалист, тем в меньшей степени подвергаются редукции его личные достижения.

Были получены корреляционные связи между шкалами «выгорания» и шкалами тревожности и локуса контроля. Все компоненты «выгорания» имеют положительную связь с уровнем ситуативной и личностной тревожности ($p < 0,01$). Выявлена отрицательная связь интернальности с деперсонализацией и положительная – с редукцией личных достижений (обратная шкала) ($p < 0,05$). Таким образом, полученные результаты показывают, что специалисты с экстернальным локусом контроля и высокой тревожностью в большей степени подвержены «выгоранию».

Были получены корреляционные связи между шкалами «выгорания» и уровнем толерантности ($p < 0,05$): чем ниже уровень толерантности, тем выше эмоциональное истощение и деперсонализация – негативное и циничное отношение к труду и объектам своего труда.

Изучение ценностных ориентаций при помощи методики Е. Б. Фанталовой в качестве детерминант субъективного благополучия показало, что наиболее значимыми и наименее доступными для всей выборки государственных служащих являются (в скобках указаны ранги ценностей): 1) здоровье (1-е место – по значимости, 10-е – по доступности); 2) счастливая семейная жизнь (2-е и 12-е соответственно); 3) материально обеспеченная жизнь (3-е и 9-е); 4) любовь (4-е и 11-е). Наименее значимыми и наиболее доступными являются: 1) творчество (12-е место – по значимости, 3-е – по доступности); 2) красота природы и искусства (11-е и 1-е); 3) активная, деятельная жизнь (10-е и 4-е); 4) познание (8-е и 2-е).

То есть у государственных служащих имеется значительное рассогласование между ценностями доступными и значимыми, что приводит к возникновению неудовлетворенности качеством жизни, и снижает субъективное благополучие личности.

В качестве косвенных показателей субъективного благополучия мы также использовали удовлетворенность трудом, уровень личностной тревожности, уровень интернальности. Удовлетворенность трудом (по методике Т. Л. Бадоева) у 87,5 % служащих находится на низком уровне. Уровень тревожности (по методике Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчина) у 80 % высокий и очень высокий. Экстернальный локус контроля преобладает у 72 % опрошенных.

Выявление взаимосвязи мотивационных ориентаций (по методике В. Э. Мильмана) и уровня тревожности, ощущения себя субъектом или объектом своей жизнедеятельности показало, что по мере «повышения» уровня потребностей (от физиологических к когнитивно-праксиологическим) возрастает уровень ощущения личностью себя субъектом своей жизнедеятельности. «Физиологическая» группа показала самый высокий в данной выборке уровень экстернальности и низкий уровень интернальности, наиболее высокий уровень тревожности.

Удовлетворенность трудом у государственных служащих возрастает по мере качественного «повышения» уровня мотивации благодаря росту оценки удовлетворенности по критериям, имеющим отношение к содержанию труда: испытание сил и интеллекта, возможность продвижения, гордость, чувство достижения. Таким образом, можно полагать, что люди с более содержательной мотивацией жизнедеятельности ощущают себя более благополучными и психологически и профессионально.

Также выявлена отрицательная корреляционная связь личностной тревожности служащих со статусом, что указывает на тенденцию к снижению личностной тревожности у вышестоящих работников (то есть специалисты низшего звена испытывают высокую тревожность за последствия выполнения своих профессиональных обязанностей, возможные порицания со стороны руководителей и т. д.). Уровень тревожности и интернальность для изучаемой выборки имеют значимые корреляционные связи.

Таким образом, по итогам исследования можно выделить следующие явные тенденции, свидетельствующие о нарушениях в профессиональной и личной сферах, то есть являющиеся показателями субъективного неблагополучия государственных служащих:

- 1) низкое самоприятие;
- 2) повышенная тревожность;
- 3) низкий уровень развития навыков самоконтроля и саморегуляции;
- 4) низкая осознанность собственного профессионального поведения;

5) слабо выражено управление личным временем, недостаточные навыки планирования и целеполагания;

6) преобладание доминантности, ригидности, агрессивности, конфликтности в отношениях с другими, низкая толерантность;

7) низкий уровень знаний, навыков и умений для эффективного группового и межличностного общения;

8) преобладание внешней мотивации над внутренней, с ростом стажа работы этот разрыв увеличивается;

9) низкий уровень удовлетворения значимых потребностей;

10) низкая ориентация на содержание труда;

11) значительный разрыв желаемого (для населения) образа государственного служащего и реального, проявляемого в профессиональном поведении и обусловленного личностными характеристиками;

12) условия профессиональной деятельности лишают возможности управлять ситуацией и приводят к перенапряжению личностных ресурсов;

13) низкая удовлетворенность трудом;

14) негармоничность личностных профилей, внутренние конфликты.

Таким образом, психологическое и профессиональное благополучие большинства государственных служащих находится на невысоком уровне, зафиксирована значимая зависимость субъективного благополучия от структуры личностной мотивационной сферы, ценностей корпоративной культуры и их сочетания (в настоящее время ценности организационной культуры государственных служащих существенно снижают эффективность социальной активности и самореализации госслужащих, чей мотивационный профиль соответствует условиям достижения субъективного благополучия в процессе решения профессиональных задач).

Согласно выводам нашего исследования, государственные служащие не могут быть отнесены к категории успешно развивающихся и профессионально самореализующихся групп. Наряду с формальным внешним благополучием диагностируется реальное профессиональное и психологическое неблагополучие, проявляемое в глубинных внутренних конфликтах, эмоциональном выгорании, тревожности, низком самоприятии, неудовлетворенности трудом и др.

Требуют разработки средства психологической работы с государственными служащими, ориентированные на повышение их субъективного благополучия (через развитие компетентности в общении, навыков профессионального и личностного целеполагания, навыков саморегуляции,

через снижение эмоционального напряжения и формирование позитивного самоотношения).

Представляется актуальной разработка социально-психологических оснований соответствия работника занимаемой должности. Учет индивидуальных и социальных свойств каждой личности позволит наиболее рационально подбирать кадры, добиваться максимальной трудовой отдачи работника, обеспечит психологическое и соматическое здоровье сотрудника.

Системное и последовательное внедрение научно обоснованной системы конкурсного набора и отбора кадров, аттестации персонала, формирование организационной культуры, направленной на результат, а не на процесс, разработка специальных практических социально-психологических программ обучения и переподготовки государственных служащих явились бы значимыми фактором инноваций в сфере государственной службы.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская, К. А.* Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991.
2. *Бодалев, А. А.* О субъектном акме человека и факторах, его определяющих [Текст] / А. А. Бодалев // Вопросы социальной психологии личности. – Саратов, 2000. – Вып 2.
3. *Воронина, А. В.* Оценка психологического благополучия школьников [Текст] / А. В. Воронина // Ежегодник российского психологического общества. – СПб. – 2003. – Т.2.
4. *Куликов, Л. В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью [Текст] / Л. В. Куликов // Общество и политика. – СПб., 2000.
5. *Куликов, Л. В.* Психология настроения [Текст] / Л. В. Куликов. – СПб., 1997.
6. *Маслоу, А.* Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999.
7. Подготовка кадров государственной службы: методические и дидактические основы повышения эффективности [Текст] / под общей ред. Е. А. Яблоковой. – М., 2005.
8. *Рубинштейн, С. Л.* Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973.
9. *Сорокин, П.* Социологический прогресс и принцип счастья [Текст] / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
10. *Шамянов, Р. М.* Психология субъективного благополучия личности [Текст] / Р. М. Шамянов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
11. *Шамянов, Р. М.* Субъективное благополучие личности в профессиональной сфере [Электронный ресурс] / Р. М. Шамянов // Проблемы социальной психологии личности. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/articles/d11392.shtml>.
12. *Ширяева, О. С.* Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ширяева О. С. – Хабаровск, 2008.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

на материалы Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов
«Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика» в 2-х томах

REVIEW

of materials of St. Petersburg International Congress of Experts
in Conflict Resolution Studies

«Conflictology for XXI Century: Science – Education – Practice», two volumes

Материалы Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов «Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика» в 2-х томах, посвященные 10-летию образовательной программы по конфликтологии в России – серьезное и весьма своевременное событие в контексте развития отечественной конфликтологической мысли. Это особенно важно, как отмечает проф. Ю. Н. Солонин в предисловии к тому 1, именно в то время, когда ситуация системного кризиса создает благоприятные условия для интенсификации многих конфликтов, характер развития которых сопряжен с угрозами выживанию.

Значимость данного издания трудно переоценить уже потому, что многообразие подходов к анализу конфликта и поля конфликтного взаимодействия становятся особенно востребованными в условиях нынешнего непростого положения России, характеризующегося целым спектром проблем, связанных с экономической, политической, поликультурной, социальной конфликтностью. Авторами предлагается множество теоретических и практических вариантов взгляда на конфликт как на рациональный способ продуктивного взаимодействия в современном обществе и его организации.

Из Материалов четко видно, насколько важным является конфликтологическое образование вообще и подготовка бакалавров и магистров конфликтологии в частности. Несмотря на относительную молодость данной научной дисциплины, конфликтология, как видно из множества статей уважаемых авторов, стремительно становится одной из центральных областей профессионального вмешательства в весьма деликатные сферы жизнедеятельности людей, отличающиеся динамичностью в условиях быстро формирующегося информационного пространства современного общества. В этих новых для России условиях становится также

очевидным, что те организационные проблемы, которые еще недавно разрешались трудовыми коллективами самостоятельно, теперь могут быть нейтрализованы лишь узкими специалистами – конфликтологами.

Особенно хотелось бы отметить стремление организаторов Конгресса акцентировать ценностное содержание конфликта в контексте *культуры мира* как совокупности неконфронтационных ценностей, ориентаций и действий индивида, государства и общества, что нашло свое полное отражение в структуре и содержании материалов Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов.

Именно в рамках культуры мира конфликтология приобретает свое истинное значение, что становится очевидным при знакомстве с идеями авторов, изложенными на страницах данного издания. Эта мысль находит свое отражение в целом ряде работ, связанных с экономической проблематикой; с системой ценностей как объекта конфликта в обществе; с формированием конфликтологической культуры; с политической культурой; с проблемой конфликта в информационном пространстве; с организационными конфликтами; с правовым аспектом конфликта в различных областях деятельности и т. д.

Таким образом, материалы Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов в полной мере демонстрируют состоятельность отечественной образовательной системы в плане подготовки профессиональных кадров, соответствующих требованиям современного российского социума. Спектр же проблем, поднятых и озвученных на Конгрессе, лишь усиливает необходимость дальнейшего создания как необходимых условий для подготовки конфликтологов, так и формирование спроса на специалистов данной области деятельности.

С. В. Шакарбиева
кандидат философских наук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Анипкин М. А.* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии
ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»
- Бояркин М. Ю.* – канд. психол. наук, специалист по оценке персонала ЗАО АНКОР
- Восканян С. С.* – д-р полит. наук, профессор кафедры социологии и менеджмента
Волгоградского филиала Российского государственного
торгово-экономического университета
- Данакари Р. А.* – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории и теории политики
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Долгополова О. А.* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Зиновьева Д. М.* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Китаев С. В.* – канд. полит. наук, начальник отдела государственной службы, кадров
и организационной работы УРТ администрации Волгоградской области
- Колесников В. А.* – д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории политики
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Крутова В. В.* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Лосенков О. И.* – канд. полит. наук, доцент кафедры административного права
Астраханского государственного технического университета
- Морозов И. Л.* – канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой «Социально-
гуманитарные науки» Волжского филиала ГОУ ВПО «Московский
энергетический институт (технический университет)»
- Накатоми Кийоказу* – д-р философии, профессор Высшей школы Яшимата,
префектура Шива (Япония)
- Панкратова Е. В.* – преподаватель кафедры психологии
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Петров В. И.* – соискатель кафедры истории и теории политики, Управление противопожарной
службы и гражданской защиты администрации Волгоградской области
- Рябцева Е. Е.* – д-р полит. наук, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью
Астраханского государственного университета
- Субочев Н. С.* – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии управления
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Тазаян А. Б.* – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии
Донского государственного технического университета
- Тарская О. Ю.* – канд. социол. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой психологии
и педагогики профессиональной деятельности
Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина
- Шакарбиева С. В.* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии управления
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Юнда А. В.* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Яворский Д. Р.* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статья, предназначенная для журнала, должна сопровождаться представлением от учреждения, в котором выполнена работа, и подписана авторами.

2. К статье прилагаются на отдельном листе:

- сведения об авторах на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, телефоны. Если авторов несколько, указать, с кем вести переписку);
- аннотация на русском и английском языках (2–3 предложения);
- название статьи и фамилии авторов на английском языке;
- индекс УДК;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–8).

3. Объем статьи должен быть не более 8 страниц машинописного текста, включая список литературы (не больше 10 источников), таблицы и рисунки (не более 5).

4. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора.

Авторы высылают в редакцию 2 экземпляра статьи и *полностью идентичный* вариант на диске. На одном диске располагается *только одна* статья. Статья должна быть оформленной в формате *Microsoft Word 97–2003, 2007* через 1,5 интервала, шрифтом *Times New Roman* размером 14 *пт*. Поля со всех сторон – 2,5 см. Использование любых других шрифтов возможно только в виде исключения, если они внесены в код файла. Не следует использовать знаки принудительного переноса и дополнительных пробелов. Векторные величины выделяются полужирным шрифтом.

5. Для записи формул применять только редактор формул *Equation 3.0*. При этом формула должна помещаться только на половине строки. Большие формулы необходимо разбить на несколько строк. Запрещается масштабировать формулы. При наборе формул необходимо придерживаться параметров по умолчанию. Формулы не должны включать в состав знаки пунктуации и нумерацию.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться. Нумеруются только те формулы, на которые имеются ссылки. Нумерация формул должна быть сквозная по всей статье.

Таблицы должны иметь заголовки; в них допускаются только общепринятые сокращения.

Размер рисунков по ширине рекомендуется не более 15–17 см. Рисунки, графики и схемы делаются как сгруппированный объект. Все подписи оформляются как отдельно набранный текст, не входящий в границы объекта, в тексте статьи обязательно дают ссылку на каждый рисунок.

Рисунки и графики должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, и быть пригодными для прямого воспроизведения.

Единицы измерения следует давать в соответствии с Международной системой (СИ).

6. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные материалы. Подстрочные ссылки и ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Ссылки на иностранные источники даются на языке оригинала, а в случае перевода на русский язык с указанием на перевод.

7. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.01-2003, 7.05-2008.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
№ 2, 2009

Серия «Политология и социология»
(Выпуск 2)

Редактор *Е. И. Кагальницкая*
Компьютерная верстка *Е. Е. Таракановой*
Директор издательства *Е. И. Башилов*

Свидетельство ПИ №ФС77-34687 от 23.12.2008.

Подписано в печать 24.11.2009. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. 8,83 л. Уч.-изд. 6,88 л.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Издательство ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.